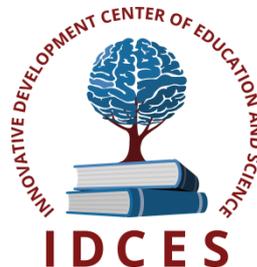

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Проблемы современной юридической науки: актуальные
вопросы**

Выпуск II

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(10 ноября 2015г.)**

**г. Красноярск
2015 г.**

Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы/ Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. г.Красноярск, 2015. 117 с.

Редакционная коллегия:

гранд доктор философии, профессор, член-корреспондент, заслуженный деятель науки и образования РАЕ Апсаямов Р.Г. (г.Миасс), доктор исторических наук Быкова А.Г. (г.Омск), кандидат юридических наук Голубева Л.А. (г.Гатчина), кандидат юридических наук Грузинская Е.И. (г.Новороссийск), кандидат юридических наук, доцент Закиров Р.Ю. (г.Казань), кандидат юридических наук Киракосян С.А. (г.Новороссийск), доктор юридических наук, профессор Кириченко А.А. (г.Николаев), доктор юридических наук, профессор Комарова В.В. (г.Москва), кандидат юридических наук, доцент Корниенко В.Т. (г.Волгодонск), кандидат юридических наук, доцент Краснова К.А. (г.Москва), кандидат исторических наук Кружалова Л. (г.Санкт-Петербург), кандидат юридических наук Кудинов В.В. (г.Курган), кандидат политических наук, доцент Лебедева М.Л. (г.Москва), кандидат юридических наук Павлова А.А. (г.Якутск), кандидат юридических наук, доцент Потапов М.Г. (г.Новосибирск), кандидат юридических наук, доцент Решняк М.Г. (г.Москва), доктор исторических наук, член-корреспондент РАЕ Сопов А.В. (г.Майкоп), кандидат юридических наук, доцент Трунина Е.В. (г.Саранск), кандидат юридических наук, доцент Усманова Е.Ф. (г.Саранск), кандидат юридических наук, доцент Шикуча И.Р. (г.Москва)

В сборнике научных трудов по итогам II Международной научно-практической конференции «**Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы**» (г.Красноярск) представлены научные статьи, тезисы, сообщения студентов, аспирантов, соискателей учёных степеней, научных сотрудников, докторантов, практикующих юристов Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

Оглавление

СЕКЦИЯ №1.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.01)	6
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРАВА	
Ошмарин А.А., Матвеева Н.А.	6
ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
Карнаушенко Л.В.	9
СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	
Хаснутдинов Р.Р.	12
ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ МАССОВО-КОММУНИКАТИВНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	
Карнаушенко Л.В.	14
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ АКТОВ	
Галкина О.В.	18

СЕКЦИЯ №2.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.02)	20
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	
Ковалев Ю.С.	20
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ	
Курячая М.М., Романова Ю.А.	23
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ БЛАГОУСТРОЙСТВА	
Лаврентьева О.В.	25
ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧЕРТА РАЗВИТОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	
Воробьева Е.И., Курячая М.М.	28
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ОХРАНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ» (ОПЫТ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ И ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА)	
Кудинов В.В.	30
ЭВОЛЮЦИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В МИРОВОЙ ПРАКТИКЕ	
Матрёнина К.Ю.	35

СЕКЦИЯ №3.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.03)	39
ГОРНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ КАК ИМУЩЕСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС	
Козлов Д.В.	39
О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДОГОВОРА КОММЕРЧЕСКОГО НАЙМА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ	
Корнилова Н.В.	41
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИОМАТЕРИАЛА ЧЕЛОВЕКА	
Пестрикова А.А.	43
ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	
Чередниченко К.С.	45
ПУТИ РЕШЕНИЯ ДЕЛ О БАНКРОТСТВЕ В ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ НЕПЛАТЕЖЕСПОСОБНОГО ДОЛЖНИКА	
Лазарева Н.А.	47
РАЗДЕЛ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ	
Айметдинова А.Р.	49
РЫНОК ЦЕННЫХ БУМАГ В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ	
Сафонова Ю.В., Кузнецов А.В.	51
СТИМУЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ	
Демиева А.Г.	55
СТРУКТУРА ТАРИФОВ НА ЭЛЕКТРОЭНЕРГИЮ КАК ИНСТРУМЕНТ АНТИМОНОПОЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	
Мальшкин Н.Ю.	60

СЕКЦИЯ №4.	
ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.05)	61
ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ	
Коробейников Д.Ю.	61
СЕКЦИЯ №5.	
ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО	
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.06)	63
СЕКЦИЯ №6.	
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.08)	64
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО	
ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОБЩИХ ЗАПРЕТОВ ВИНОВНОГО УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ЧУЖОГО	
ИМУЩЕСТВА И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКОЙ	
Новичков В.Е.	64
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ВИДОВ МОШЕННИЧЕСТВА: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ИЗБЫТОК	
ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА?	
Абубакиров Ф.М., Гуляев А.А.	66
К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМАХ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ	
Боричев К.В.	68
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НЕЗАКОННОГО РАЗГЛАШЕНИЯ ТАЙНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ	
Ломакина Д.В.	73
ПОНЯТИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	
Зикеев В.А.	75
ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	
Усенков И.А.	78
ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ	
МАНИПУЛИРОВАНИЯ РЫНКОМ И НЕПРАВОМЕРНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСАЙДЕРСКОЙ	
ИНФОРМАЦИИ	
Караульная В.А.	80
ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	
Колпакова К.С.	82
СЕКЦИЯ №7.	
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.09)	84
К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О	
СОТРУДНИЧЕСТВЕ	
Климанова О.В.	84
ПРАВА ПОДСУДИМОГО И ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ НАЗНАЧЕНИИ И ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНОЙ	
ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ	
Ермакова Н.В.	89
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРКИ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА О	
ВОЗОБНОВЛЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ПО НОВЫМ И ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ	
ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ	
Стельмах В.Ю.	92
СЕКЦИЯ №8.	
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.10)	94
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИНЦИПОВ ПРАВА НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ	
ЦЕЛОСТНОСТИ ГОСУДАРСТВА НА ПРИМЕРЕ ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ	
Мякинина С.Б.	94
КОЛЛИЗИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В СТРАНАХ МИРА	
Ефимова Е.А.	97
ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	
Шайкина Д.В.	99
ПРИНЦИП МИРНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ: КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО	
МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ	
Валишина М.Ф., Кузнецов И.А.	101

ПРИНЦИП РАВНОПРАВИА И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МИРА Алексеева С.В., Кузнецов И.А.	103
ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО УСЫНОВЛЕНИЯ (УДОЧЕРЕНИЯ) Шайкина Д.В.	104
СЕКЦИЯ №9.	
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.11)	107
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ И КАЗАХСТАНА Квиткина С.В.	107
СЕКЦИЯ №10.	
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.14)	110
СООТНОШЕНИЕ КАМЕРАЛЬНЫХ И ВЫЕЗДНЫХ НАЛОГОВЫХ ПРОВЕРОК Дубровин В.В.	110
СЕКЦИЯ №11.	
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.15)	113
ОГРАНИЧЕНИЕ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ Чердниченко К.С.	113
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД	115

СЕКЦИЯ №1.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.01)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРАВА

Ошмарин А.А., Матвеева Н.А.

Юридический институт Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Ключевые слова: древнерусское право, обычное право, княжеские уставы, Русская Правда, договор, Закон русский.

Аннотация: статья посвящена анализу источников древнерусского права и их характеристике.

Проблема возникновения древнерусского права активно исследуется уже около трех столетий. Однако не смотря на большое количество фундаментальных трудов по данной проблематике, вопрос о генезисе и системе источников древнерусского права продолжает оставаться одним из дискуссионных среди историков права. Споры вызывает и вопрос о иерархии источников права, их взаимодействии и взаимовлиянии, и о влиянии иностранного законодательства на формирование системы внутригосударственного права. Все это обуславливает актуальность темы на современном этапе развития истории права России.

Среди всех источников древнерусского права, безусловно, ведущее место занимает обычное право как хронологически первый из регуляторов поведения людей в общинах, племенах и племенных союзах. Обычное право является фундаментом всего законодательного регулирования возникающих общественных отношений, оказавшим особое влияние не только на правопонимание, но и на правовую систему в целом. История права, как отмечал Н.Л. Дювернуа, начинается гораздо раньше появления каких-либо законодательных актов [5; с. 4].

В Юридической энциклопедии под редакцией М.Ю. Тихомирова обычное право определяется как «система норм (правил поведения), основывающихся на обычае, регулирующих общественные отношения в данном государстве, в определенной местности, либо для данной этнической или социальной групп» [15; с. 186]. Исходя из определения, к основам обычного права мы относим традиции, обычаи, впоследствии закрепленные законодательно либо санкционированные в таких документах, как Русская Правда, Псковская и Новгородская судные грамоты и др. Санкционирование обычаев могло происходить несколькими способами: посредством соблюдения в деятельности органов или учреждений; письменным указанием в законодательных актах; «молчаливым» непротивлением при соблюдении в действиях населения [9; с. 16].

Важной особенностью обычного права является его устный характер, т.е. определённые нормы передавались из поколения в поколение, закреплялись в сознании людей в результате многократного повторения и, как известно, нашли своё отражение в памятниках древнерусского законодательства. В подтверждение этого факта можно привести ст. 16 Русской Правды Пространной редакции, где свод определяется как процесс, при помощи которого отыскивается недобросовестный владелец вещи. Как видим, в тексте Русской Правды нет подробного определения или описания свода, а значит, вероятнее всего, процесс свода был достаточно выработан в обычаях, поэтому не требовал подробных разъяснений в письменном акте.

Анализ нормативных актов Древнерусского государства (как письменных, так и устных) позволяет сделать вывод о том, что нормы обычного права и обычаи «... занимали господствующее положение в системе источников русского права» [10; с. 8].

Следующим источником после обычного права следует отметить княжеские уставы, которые являлись древнейшей формой проявления законодательной деятельности Великих князей. Первые уставы начинают появляться в X в. и регулируют вопросы судопроизводства, а также некоторые вопросы государственного управления и налогообложения. В качестве примера здесь можно указать церковные уставы князей Владимира I Святого и Ярослава Мудрого, которые определяли положение в стране церковных учреждений, разграничивали компетенцию светских и церковных судебных органов, а также выделяли категории дел, решаемых представителями этих властей совместно. Форма закрепления норм уставов была письменной.

Однако князья реализовывали свою правотворческую функцию, как правило, чаще всего при разрешении конкретных казусов, судебных споров, фактически закрепляя прецедент. Нельзя не согласиться с мнением М.А. Дьяконова о том, что под княжескими уставами «...нельзя разуметь каких-либо общих правил, подобных современным законам» [4]. Княжеские уставы не закрепляли норм и правил, в корне ломающих обычное право, а скорее, дополняли, развивали его положения.

Немаловажным источником русского права являлись и договоры Киевской Руси. В первую очередь здесь нужно упомянуть международные договоры.

Под международным договором в современной юридической науке понимается «международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования» [1; с. 18]. К таким договорам в Древнерусском государстве можно отнести договоры Руси с Византией 907, 912, 945, 971 гг. Их заключение способствовало взаимообогащению и развитию обычного русского и византийского права. Однако в научных кругах нет единого мнения о степени влияния иностранного права (в частности, византийского) на древнерусское. Одни авторы категорически отвергают влияние византийского права на русское (С.В. Юшков), другие напрямую связывают развитие русского права с проникновением в него византийского (Н. Рождественский, К.А. Неволин, В.И. Сергеевич), третьи придерживаются средней позиции: русское право взяло от византийского лишь некоторые нормы, придав им русский характер (Я.Н. Щапов, А.П. Новосельцев).

Так, П.Н. Мрочек-Дроздовский связывал возникновение древнерусского права (в частности, Русской Правды) с влиянием византийского. Он выделяет два возможных пути этого влияния: или византийские законы, не приспособленные к русской жизни, вызвали потребности в односторонних определениях, основанных на обычном праве, или из византийского права прямо заимствовались некоторые положения, видоизмененные под влиянием русского государства. Но им в данных положениях не было учтено существование права у Киевской Руси задолго до появления Русской Правды, тем самым такое высказывание имеет определённые противоречия. Также в договоре Олега с Византией делается ссылка на Закон русский, который, соответственно, был создан значительно раньше ознакомления русского права с византийским [11; с. 75].

Напротив, И.Д. Беляев в своих «Лекциях по истории русского законодательства» отмечал: «В Судном законе и Уставе Владимира видно влияние византийского права; здесь же (в Русской Правде) всё чужеземное откинуто и всё заимствованное переделано по-русски» [2; с. 204].

Анализируя тексты самих договоров, можно сделать вывод о том, что нормы в памятниках древнерусского права были заимствованы и из русского, и из византийского права. Некоторые положения византийского права прямо противоречили русскому законодательству. Например, что касается кровной мести (ст. 1 Русской Правды Краткой редакции), то в византийском законодательстве не было предусмотрено подобных разрешений конфликтов с тяжёлыми, а иногда и смертельными последствиями, что говорит нам о том, что кровная месть была заимствована напрямую из Закона Русского.

Помимо международных договоров, в системе источников Древнерусского права можно выделить и другие виды договоров: а) муждукняжеские; б) договоры князей с народом; в) договоры князей с дружинниками. Т.е. в сфере публичного права договором создавались не только нормы, определяющие межгосударственные отношения, но и целый ряд правил, регулирующих внутренний строй государства [8; с. 38].

Нельзя не остановиться и на таком источнике, как Закон Русский, наименование которого было введено в научный оборот как раз таки благодаря договорам Руси с Византией. В последнее время изучению возникновению и характеристике этого источника Древнерусского права уделяется достаточно много внимания. Еще в XX в. С.В. Юшков, определял Закон Русский как систему права «той социальной группы, которая возникла в результате разложения первобытнообщинного строя восточных славян». Ученый считал, что Закон Русский являлся правом варварского дофеодального государства, не был единым для восточных славян и сложился в основных центрах Руси [16; с. 45, 145]. В.В. Мавродин определял Закон Русский как обычное право, «создававшееся столетиями на Руси» [7; с. 245]. Советский и российский филолог, культуролог, искусствовед Д.С. Лихачев также обращал внимание на наличие на Руси в X в. законов, «равноправных сложно развитой правовой системе Византии» [6; с. 423].

В последние десятилетия углублённым изучением Закона Русского занимается М.Б. Свердлов. Под ним историк понимает развитую систему русского права X в., носящую нормативный характер. По его мнению Закон Русский представлял собой государственное законодательство; «перетекание в него обычного права происходило на основе своеобразной унификации обычно-правовых систем отдельных племенных союзов, отсюда надплеменной, относительно единый характер Закона Русского» [12; с. 12, 171-173]. Одним из основных выводов М.Б. Свердлова является вывод о том, что Древнейшая Правда восходит к Закону Русскому, нормы которого и были использованы при составлении статей русско-византийских договоров и Древнейшей Правды [13; с. 21-22].

Однако, рядом современных историков отрицается законодательный характер Закона Русского из-за отсутствия письменного содержания данного документа.

Часть исследователей истории права Законом Русским именуют Русскую Правду. Так, М.Ф. Владимирский-Буданов в «Обзоре истории русского права» ничего не говорит о Законе Русском как законе, предшествующем договорам между Русью и Византией, однако отождествляет Закон Русский и Русскую Правду [3; с. 365].

Как бы то ни было, положения Закона Русского, отражая в основной своей сущности общеизвестные обычно-правовые положения, тем не менее, не носили первоначально признака юридической значимости, а являлись в основном письменными напоминаниями.

Одним из центральных источников Древнерусского государства, дошедшим до нашего времени в трех редакциях (Краткой, Пространной и Сокращенной) и множестве списках, является Русская Правда. Как отмечает И.Д. Беляев, «Русская Правда из всех памятников отличается чисто русским характером, выработанным русской жизнью...» [2; с. 204]. Она была создана на основе обычного права, княжеских уставов и частично из византийского права. Большая часть норм была посвящена уголовному и процессуальному праву. Нормы излагались казуально, отсутствовала формальная определенность. Проблемным аспектом разработки такого документа являлось противоречие ряда положений внутри самой Русской Правды и противоречие этого кодекса норм обычного права нормам других источников. Так, ст. 65 Пространной редакции говорит нам, что если холоп ударит свободного человека и убежит в дом господина, то Ярослав определял потерпевшему убить этого холопа при встрече. Сыновья Ярослава же это дело определили по-иному: потерпевший при встрече должен либо высечь холопа, либо за бесчестье взять гривну кун. Как мы видим, в одном нормативном акте к холопу, совершившему правонарушение, могут быть применены разные наказания. Что касается взаимоотношения Русской Правды с другими источниками, то при возникновении коллизионной ситуации национальное законодательство здесь имело первостепенное значение.

Таким образом, в связи с разложением родоплеменного строя, развитием общественных отношений, формированием первых племенных княжений и протогосударственных объединений возникает необходимость и в развитии права как одного из регуляторов общественных отношений. Древнейшими формами объективизации правовых норм в Древнерусском государстве являлись обычай (а после санкционирования князем – обычное право) и договоры. В дальнейшем начинают проследиваться «зачатки» законодательной деятельности в виде уставной деятельности князей, однако уставы не столько создавали новые нормы, сколько дополняли и конкретизировались обычное право, обеспечивали санкцию за его нарушения со стороны государства. В XI в. появляется единый кодифицированный акт – Русская Правда, которая заложила основы последующего русского законодательства.

Список литературы

1. Бекашев К.А. Международное публичное право. М., 2005.
2. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. СПб., 1999.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005.
4. Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. // URL: http://dugward.ru/library/dyakonov/dyakonov_ocherki_obchestvennogo_stroya.html#istochn.
5. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в Древней России. М., 1869.
6. Лихачев Д.С. Комментарии // Повесть временных лет. М., 1971.
7. Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.
8. Майор Ф.М. Договоры Руси с Византией – важные источники древнерусского права // История государства и права. 2008. № 4.
9. Малова О.В. Формы и способы санкционирования обычаев в истории Русского государства // Сибирский юридический вестник. 2012. № 2 (57).
10. Минникес И.В. Обычай как источник русского права: историко-правовой анализ // История государства и права. 2010. № 15.
11. Мрочек-Дроздовский П.Н. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов // Юридический Вестник. 1884. № 5.
12. Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988.
13. Свердлов М.Б. Правовой обычай и закон в формировании феодального права в Киевской Руси // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М., 1989.
14. Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М.: Издание Московского университета, 1953.
15. Юридическая энциклопедия. Т. II / Ред. М.Ю. Тихомиров. М., 1995.
16. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевской Руси. М., 1949.

ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Карнаушенко Л.В.

Краснодарский университет МВД России, г.Краснодар

В научной литературе нет единства во вопросе о том, какому из этапов общественного развития соответствует российский социум начала XXI в. Часть исследователей фиксирует индикаторы перехода к постиндустриальному информационному обществу, другие придерживаются более осторожной точки зрения, констатируя лишь наличие незначительных признаков становления в России нового общества. Применительно к российскому обществу ситуация осложняется тем, что имеет место серьезный разрыв между Москвой, Санкт-Петербургом и рядом крупных мегаполисов, с одной стороны, и остальной территорией страны, с другой. Причем дифференциация затрагивает не только уровень развития индустрии знаний, интернет-технологий, телекоммуникационных сетей, сектора экономики услуг и т.д., но и уровень жизни, показатели благосостояния населения. В настоящее время наблюдается существенный дисбаланс между различными регионами России, часть из которых в целом соответствует индикаторам постиндустриального информационного общества, другие же принципиально не соответствуют ни одному из ключевых атрибутов новой глобальной реальности. Факт того, что современное российское общество находится в состоянии трансформации, заключающемся в переходе от поздней индустриальной к постиндустриальной фазе, необходимо учитывать при анализе различных социальных явлений, процессов, системных проблем и т.п.

Одной из актуальных проблем российского общества на современном этапе выступает нарастающие отклонения в одном из ключевых социальных процессов – социализации. Негативные тренды социализации тесно связаны с феноменом девиации – отклоняющегося поведения, самой острой формой которого, как известно, выступает преступность. В самом общем виде истоки кризиса социализации в современном российском обществе связаны с нарастающей дезорганизацией (вследствие быстро протекающих социальных изменений) ключевых социальных институтов – семьи и образования.

Следует отметить, что особенно возрастает роль социализации в трансформирующихся обществах, стремительно меняющих свой облик. В таких социальных условиях происходит временная блокировка коммуникативных каналов «взрослые» – «молодежь» вследствие изменений в репрезентативной культуре, дезориентации социокультурной системы координат. В этом случае взрослое общество не может выработать ясных и однозначных критериев успешной социализации подрастающего поколения, а сам социализационный процесс серьезным образом дезорганизуется [3].

Общие проблемы социализационного процесса находят свое отражение и отдельных его сегментах. В частности, представляется возможным остановиться на проблемных аспектах правовой социализации с учетом масштабных трансформационных процессов российского общества начала XXI в.

М.Ю. Попов указывает, что правовая социализация личности – это процесс, в ходе которого индивид осваивает стандартный ролевой набор, базирующийся на правовых традициях, правилах нормативного поведения на всех уровнях социальной организации, включающий также способность к адаптации в изменяющейся социальной реальности. Правовая социализация личности предполагает: выработку адекватных и гармоничных позиций по отношению к праву и закону; привитие навыков законопослушного поведения; интеграцию личности в социальную систему, ее подготовку к полноценному и продуктивному существованию; социальную оценку непосредственной реализации правовых норм; выработку ответственного отношения к правовым институтам и учреждениям; усвоение правовой идеологии; формирование у личности основных правовых представлений, ценностей и установок в период социальных трансформаций российского общества; социализацию личности в современном российском обществе в связи с активным деформирующим воздействием многочисленных деструктивных факторов, провоцирующих криминализацию ее сознания [5].

По мнению О.А. Заячковского, суть процесса правовой социализации – приобретение индивидом представлений о праве, усвоение навыков правомерного поведения и формирование установок на соблюдение закона. Результатом правовой социализации специалисты называют формирование индивида с развитым правосознанием, осознающего себя в качестве гражданина государства, субъекта прав и обязанностей, участника сложных и многообразных правовых отношений. Критерием эффективности социализационного процесса в сфере права служит степень интеграции индивида в правовую систему общества, приобретение им определенных правовых знаний, усвоение правовых ценностей [2, с.15-27].

Особую роль в процессе социализации, в том числе и правовой, играют ее агенты. С учетом проявляющихся индикаторов дисфункциональности правовой социализации целесообразно подробнее рассмотреть положение агентов социализации, их функционально-ролевой репертуар. По мнению В.Н. Гуляихина, в современном обществе агентами правовой социализации человека выступают субъекты общественных отношений, оказывающие наиболее сильное влияние на его психосоциальную эволюцию. В своей совокупности они представляют систему, каждый элемент которой выполняет свою социализирующую функцию на определенном этапе становления личности как субъекта права. Исследователь выделяет пять агентов (субъектов) правовой социализации:

- семью;
- школу;
- общественные организации;
- сверстников;
- средства массовой информации [1, с. 148-149].

О.А. Заячковский рассматривает в качестве одного из основных агентов правовой социализации систему институтов гражданского общества, в которую входят общественные организации, объединения и фонды. Воздействие общественных объединений на процессы правовой социализации человека осуществляется как прямо, так и опосредованно. Если на их членов идет прямое влияние, то опосредованное воздействие – на людей, с которыми конкретная общественная организация сотрудничает или каким-либо образом связана [2, с. 15-27].

По мнению исследователя, система институтов гражданского общества может выполнять двойную роль в процессе правовой социализации. С одной стороны, осуществлять социально-коррекционное и правовое воспитание, формировать правосознание и правовую культуру своих членов под влиянием той ценностной системы, которые доминируют в общественном сознании. Это позволяет успешно адаптироваться человеку к существующей правовой реальности. Вместе с тем, воздействие на «человека организации» может носить стихийный характер и находиться в прямой зависимости от пристрастий лидеров. Оно может не совпадать с правовыми установками и нормами, культивируемыми в данном обществе. Особенно ярко это несовпадение проявляется в контркультурных (криминальных, экстремистских, авторитарно-религиозных, ультранационалистических и т. п.) общественных организациях, которые формируют у своих членов деформированное правосознание и асоциальные установки поведения [2, с. 15-27].

Стоит отметить, что успешная правовая социализация является фактором, стимулирующим формирование не только законопослушной, но и социально активной личности, способной противостоять деформирующему воздействию на нее со стороны контрагентов социализации [5]. При этом к числу контрагентов правовой социализации можно отнести широкий спектр антисоциальных и асоциальных групп, субкультурных и контркультурных объединений, криминалитет в его многочисленных проявлениях и т.д. Особенно контрагенты правовой социализации активизируются в период нарастающих экономических, политических, социокультурных кризисов, когда создаются благоприятные условия для роста социальных отклонений самого различного спектра.

Вместе с тем, рассуждая о контрагентах правовой социализации целесообразно учитывать и двойственную роль многих традиционных агентов и институциональных структур социализационного процесса, которые в условиях социальных трансформаций, под воздействием ряда факторов, могут характеризоваться и дисфункционально-дезорганизационной деятельностью. В частности, речь идет о группах сверстников, являющихся своеобразным отражением обыденного мировоззрения и выразителем общественного мнения российского общества по ряду ключевых вопросов. Так, толерантное отношение к криминалитету, сформировавшиеся в 1990-е – 2000-е г. в российском социуме (в немалой степени посредством инструментов массовой культуры – сериалов, художественных фильмов, романов, реалити-шоу и др.). Молодежь, проводя значительную часть времени в учебных заведениях, реализуя свои досуговые предпочтения, по-преимуществу оказывается подверженной «неформальному» влиянию. В результате у части молодых людей возникает феномен, описанный К. Манхемом [4] как «хаос антагонистических оценок». С одной стороны, родители, учителя стараются сформировать положительное отношение к праву, законам (ситуация, когда в семье неблагополучные родители, а в школе девиантные учителя, безусловно, априори является критической и нами сейчас не рассматривается); с другой стороны, неформальные молодежные группы пропагандируют нигилистическое отношение к праву и законам. Возникающий когнитивный диссонанс приводит к ряду негативных социальных последствий и увеличению численности отклоняющихся траекторий применительно к правовой социализации.

Еще более сложную проблему представляет стихийная правовая социализация. В процессе масштабных социальных трансформаций конца XX – начала XXI в. происходят значительные изменения в характере и направленности социализации. В социализационном процессе ключевую роль начинает играть стихийная социализация посредством СМК (средств массовой коммуникации), главным образом – Интернета и телевидения.

По мере развития информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий молодежь все менее зависит от классических агентов социализации, прежде всего, в информационном плане. В свою очередь, традиционные агенты социализационного процесса утрачивают вещательную инициативу по передаче социального опыта, оценок событий и явлений. Это оказывает негативное влияние на процесс правовой социализации, деформирует правосознание, правовые ценности, правовую идеологию подрастающего поколения. Во многом эта тенденция носит не случайный, а закономерный характер. Усилившиеся позиции криминалитета приводят к криминализации сознания, социальных практик значительной части россиян, прежде всего – молодежи. Мстительность, агрессивность становятся стилем жизни миллионов жителей нашей страны, усиливаются позиции организованной преступности, криминализируются и властные отношения.

В этих условиях правовая социализация теряет свою базу, институциональную основу. Значительная часть молодежи усваивает примеры из реальной жизни и масс-медиа, свидетельствующие о том, что криминальный образ жизни весьма «приятнее», материально выгоден, социально престижнее (что особенно тревожно) и т.д. Соблюдение законов, уважение к праву становятся «досадной помехой» на пути к жизненному успеху. Криминальный образ жизни перестает быть уделом низших слоев общества, обзаводится «внешним лоском» (дорогие особняки, автомобили, рестораны, элитный отдых и пр.). Интеграция криминальной субкультуры в пространство доминирующей культуры российского общества оказало пагубное влияние на систему социокультурных координат подрастающего поколения, на его лабильное, парадоксальное сознание, моральный облик, систему ценностей и норм. Опасными социальными последствиями происходящих изменений являются: легитимизация криминальной культуры, криминальных практик, интеграция криминальной идеологии в пространство массовой культуры, дезорганизация социальных действий и взаимодействий населения криминальными социальными практиками.

Необходимо учитывать тот факт, что в основе любого классического социализационного процесса (в том числе и правовой социализации) находится особое информационное взаимодействие между взрослым поколением (коммуникатором, субъектом воздействия) и молодежью (реципиентом, объектом воздействия). В контексте произошедших в 1990-е – 2000-е г. изменений в российском обществе, прежде всего, необходимо обратить внимание на рост субъектности молодежи в коммуникационных процессах, утрате ей роли пассивного реципиента, объекта социально-коммуникативного воздействия со стороны взрослого общества. Появление Интернета, информационно-коммуникационных технологий позволяет молодежи обрести самостоятельность, сформировать свой коммуникационный мир посредством социальных сетей Интернета, контактов на форумах, участия в блогосфере. Данные тенденции криминалитет использует достаточно эффективно, разрушая традиционные представления о праве, законах, а также морали, нравственности посредством деятельности ангажированных криминальных коммуникаторов, идеологов и практиков криминального мира. Итогом таких действий становится неверие молодежи в законы, справедливость, добро, честь, совесть. Происходящие дисфункциональные процессы в системе правовой социализации отражаются на повседневной жизни людей, так как деформация правовой культуры, правового сознания и др. социокультурных элементов, на конституирование которых направлена правовая социализация, практически исключают возможности не только физической, но и моральной победы над преступностью. Коррупция, экстремизм, организованная преступность в таких условиях легитимизируются, люди относятся к таким опасным явлениям положительно либо нейтрально.

Стоит учитывать и тот факт, что неформальная коммуникация, которую используют криминальные элементы, отличается значительно большей доверительностью, а, следовательно, такого рода информационное воздействие будет гораздо более эффективным. Здесь стоит обратить внимание еще на одну проблему, суть которой можно сформулировать как деморализация неформальной интернет-коммуникации. Суть проблемы нам видится в том, что до начала постиндустриальной эпохи социум обладал более менее эффективными инструментами контроля содержания массовой коммуникации – не только и не столько в плане цензуры, сколько в недопущении антисоциальных и асоциальных элементов к воздействию на сознание массовой аудитории. Однако появление Интернета в корне изменило ситуацию. Создав ряд угроз и рисков. Так, глобальная сеть обладает уникальными особенностями сочетания формальной и неформальной коммуникации, что существенно отличает ее от традиционных масс-медиа. Социальные сети, блоги, форумы и пр. элементы интернет-пространства предоставили возможность широким слоям населения воздействовать на сознание и поведению миллионов людей. Однако не все воспользовались этой возможностью в благих целях. Одновременно доступ к вещанию получили радикальные, экстремистские элементы, криминалитет, химически зависимые лица и т.п. В сложившейся ситуации ни научное сообщество, ни государственные управленческие структуры оказались не в состоянии предложить оперативные и эффективные «рецепты» преодоления социального противоречия.

Таким образом, социализация является одним из ключевых универсальных процессов общества, выполняющих ряд важных социальных функций в процессе преемственности и смены поколений. Социализация

служит целям преодоления социальных отклонений в социуме, способствует усвоению молодежи социального и духовного опыта старших поколений [3].

Правовая социализация представляет собой институциональный процесс любого общества, заключающийся, прежде всего, в правовой информации, которая выступает своеобразным фундаментом, социокультурной основой действий личности как в социально-правовой, так и смежных сферах общественной жизни.

Правовая социализация служит эффективным инструментом, позволяющим противодействовать распространению различных видов девиантного и преступного поведения в обществе посредством, прежде всего, формирования социокультурного фундамента личности (правовой культуры, правового сознания, правовой идеологии и т.п.). В случае дисфункциональности процесса правовой социализации основная нагрузка противодействия девиантному поведению ложится на систему социального контроля, правоохранительные органы вынуждены работать при максимальных нагрузках, но, как правило, и эти усилия оказываются недостаточными, так как для поддержания социальной системы в стабильном и равновесном состоянии требуется добиться добровольного и осознанного сотрудничества подавляющего большинства общества и именно на основе правовых норм и в контексте функционирующего института права.

В свете обозначенной нами проблемы актуализируется ряд аспектов, связанных с тем, как можно оценить ближайшие перспективы правовой социализации с учетом развития Интернета, информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий? Учитывая ряд тревожных тенденций социального развития последних лет, не будет ли поставлена под сомнение правовая социализация как основополагающий социальный процесс?

Стоит подчеркнуть, что, безусловно, угрозы существующему социальному порядку в российском обществе, связанные с дисфункциональностью правовой социализации, весьма существенны. Основными дезорганизующими факторами выступают социокультурный и коммуникативный, непосредственно связанные с масштабными трансформационными процессами российского общества начала XXI в. На сегодняшний день система управления не выработала какой-либо действенной модели, позволяющей эффективно преодолевать возникающие угрозы. Кроме того, традиционные механизмы социального контроля оказались не способными в полной мере выполнять свою роль. Возникший вакуум создал благоприятные условия для антисоциального и асоциального воздействия на процесс правовой социализации. В настоящее время становится очевидным, что от оперативности решения проблемы правовой социализации будет зависеть стабильность российского общества.

Список литературы

1. Гуляихин В.Н. Агенты правовой социализации человека // Право и политика. 2012. №1.
2. Заячковский О.А. Проблема правовой социализации в условиях аномии российского общества // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. № 9.
3. Кудактина А.И. Политическая социализация российских школьников в условиях социокоммуникативных трансформаций начала XXI в.: дис. ... канд. соц. наук. Краснодар, 2014.
4. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
5. Попов М.Ю. Правовая социализация личности как ресурс становления социального порядка в российском обществе: дис. ... д-ра соц. наук. Ростов н/Д., 2006.

СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Хаснутдинов Р.Р., канд. юр. наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России, г.Самара

При исследовании юридической ответственности как функциональной системы, весьма важным является выделение структурных элементов – видов юридической ответственности. Для этого необходимо, во-первых, определить критерий, дифференцирующий юридическую ответственность на виды (структурные элементы), а, во-вторых, показать не только самостоятельность каждого выделенного вида юридической ответственности (структурного элемента), но и соответствие специфическим особенностям структуры функциональной системы, в целом, и системы юридической ответственности, в частности. Основу данных специфических особенностей составляет центральное организующее влияние фокусированного полезного результата функциональной системы и системы юридической ответственности соответственно. Следовательно, главным условием указанного соответствия будет возможность подчинения видов юридической ответственности фокусированному полезному результату, формулируемому в соответствии с государственной правовой политикой. В качестве фокусированного

полезного результата системы юридической ответственности, мы сформулировали обеспечение уровня правонарушений, соответствующего оптимальному функционированию демократического правового социального государства [2, с. 77-78, 150].

Выделять структурные элементы (компоненты) системы юридической ответственности можно по разным критериям, например, функциональному и целевому критериям, субъективному и субъектному критериям, отраслевому критерию и др. Однако приоритетным среди них признан отраслевой критерий. «В рамках такой классификации на основе отраслевого критерия, - считает, к примеру, Д.А. Липинский, - происходит наиболее крупное, первоначальное деление юридической ответственности. Отраслевой критерий позволяет выявить общие закономерности развития того или иного вида юридической ответственности, определить его юридическую природу, уяснить количество видов юридической ответственности в соответствии с отраслями отечественного права» [2, с. 227, 228].

Отдавая предпочтение отраслевому критерию, в качестве структурных элементов (компонентов) системы юридической ответственности можно выделить следующие виды юридической ответственности: конституционную, уголовную, административную, гражданско-правовую, трудовую, финансовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную и гражданско-процессуальную ответственность [3, с. 650-652].

Самостоятельность этих видов доказана многими учёными-правоведами, в том числе по узкоотраслевым исследованиям каждого вида юридической ответственности, и уже не ставится под сомнение. В юридической литературе имеются исследования о понятии, целях, функциях, основаниях и других аспектах указанных видов юридической ответственности. Более того, как справедливо отмечают Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский определяющим критерием разграничения системы юридической ответственности на эти виды являются специфические свойства предмета и метода правового регулирования, а дополнительными признаками, свидетельствующими о самостоятельности вида юридической ответственности, являются: наличие кодифицированного нормативно-правового акта, предусматривающего юридическую ответственность; особенности процессуального осуществления; наличие самостоятельного правонарушения (со своей природой объекта правонарушения); виды установленных государством неблагоприятных последствий совершенного деяния [3, с. 651-652].

Каждый из выше названных видов юридической ответственности, на основании выполняемых ими функций, может быть подчинен фокусированному полезному результату системы юридической ответственности - обеспечению уровня правонарушений, соответствующего оптимальному функционированию демократического правового социального государства. То есть каждый из выделенных видов юридической ответственности соответствует специфическим особенностям структуры функциональной системы, в целом, и системы юридической ответственности, в частности. Указанные основания позволяют представить выделенные виды юридической ответственности как структурные элементы (компоненты) системы юридической ответственности.

Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский «в порядке постановки проблемы» выделили еще два вида юридической ответственности: семейно-правовую и конституционно-процессуальную ответственность [3, с. 650]. В силу ряда причин конституционно-процессуальная ответственность не была признана самостоятельным видом юридической ответственности, а, значит, и структурным элементом (компонентом) системы юридической ответственности. В то же время, конституционно-процессуальную ответственность с легкостью можно подчинить фокусированному полезному результату системы юридической ответственности - обеспечению уровня правонарушений, соответствующего оптимальному функционированию демократического правового социального государства. Поэтому, если работать на перспективу, т. е., считать конституционно-процессуальную ответственность формирующимся видом юридической ответственности, то ее следует включить в состав системы юридической ответственности в качестве структурного элемента (компонента). Тем более что это не противоречит самой концепции функциональной системы.

Аналогично можно решить и проблему семейно-правовой ответственности. С одной стороны, результаты исследования семейно-правовой ответственности приводят к выводу об отсутствии таковой. «...В семейном праве, - объясняют Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский, - налицо семейно-правовые правонарушения - уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию и т. д., - за совершение которых предусмотрена административная или уголовная ответственность. ...В случае нарушения общественных отношений, обеспечивающих интересы семьи и несовершеннолетних, могут наступать уголовная, административная или гражданско-правовая ответственность или применяться меры защиты. Собственно семейно-правовыми средствами обеспечения дозволений и запретов являются лишение родительских прав и ограничение родительских прав» [3, с. 811-812]. С другой стороны, те же самые исследования семейно-правовой ответственности становятся основанием считать ее формирующимся видом

юридической ответственности. Семейно-правовую ответственность можно подчинить фокусированному полезному результату системы юридической ответственности - обеспечению уровня правонарушений, соответствующего оптимальному функционированию демократического правового социального государства. Отсюда, семейно-правовую ответственность как формирующийся вид юридической ответственности можно включить в состав системы юридической ответственности в качестве структурного элемента (компонента).

Таким образом, опираясь на виды юридической ответственности, выделенные с учетом отраслевого критерия, а также учитывая их соответствие специфическим особенностям структуры функциональной системы, в целом, и системы юридической ответственности, в частности, к структурным элементам (компонентам) системы юридической ответственности мы относим конституционную ответственность; уголовную ответственность; административную ответственность; гражданско-правовую ответственность; трудовую ответственность; финансовую ответственность; уголовно-исполнительную ответственность; уголовно-процессуальную ответственность; гражданско-процессуальную ответственность; семейно-правовую ответственность (как формирующийся вид юридической ответственности); конституционно-процессуальную ответственность (как формирующийся вид юридической ответственности); фокусированный полезный результат, формулируемый в соответствии с государственной правовой политикой - обеспечение уровня правонарушений, соответствующего оптимальному функционированию демократического правового социального государства.

Список литературы

1. Липинский Д.А. Виды юридической ответственности и особенности их функционирования // Антология юридической ответственности: в пяти томах. Том первый / отв. ред. и рук. авт. кол. докт. юрид. наук., проф. Р.Л. Хачатуров. – Самара: ООО «Изд. Ас. Гард», 2012. – 544 с.
2. Хаснудинов Р.Р. Методология системного подхода к юридической ответственности: монография / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатуров. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2014. – 172 с.
3. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – 950 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ МАССОВО-КОММУНИКАТИВНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Карнаушенко Л.В.

Краснодарский университет МВД России, г.Краснодар

Российское общество начала XXI в. многими исследователями характеризуется как находящееся в стадии трансформации основных социальных институтов и подсистем. В этой связи происходит неизбежное обострение многих системных социальных проблем, не нашедших своего эффективного решения в период 1990-х – 2000-х г. Одной из таких проблем российского общества является дисфункциональность процесса социального взросления и развития подрастающего поколения. Как следствие, начинают проявляться и более острые проблемы, возникают перспективы социального исключения целых поколений, деформации их социокультурного, духовно-нравственного облика, криминализации сознания и социальных практик значительной части населения.

Стоит подчеркнуть, что стабильность современного социума во многом определяется эффективным процессом преемственности и смены поколений. Данный процесс, в свою очередь, опирается на культурно-регулятивную систему. Именно она задает вектор социального взросления, придает преемственности и смене поколений черты стабильности и предсказуемости.

В современном обществе особое беспокойство и внимание со стороны как исследователей, так и представителей системы управления различных уровней вызывает молодежь. Подрастающее поколение, выступая одновременно и субъектом, и объектом процесса преемственности и смены поколений, испытывает на себе влияние ряда системных социальных проблем, связанных с изменениями, происходящими в социуме, в его институциональной системе, различных подсистемах.

В частности, В.Т. Лисовский акцентировал внимание на резком надломе в преемственности поколений, вызванном переходом из одного состояния (из советского периода в современность) и социально-экономическим кризисом. В советское время старшее поколение владело комплексом знаний и технологий, культурой,

накопленным опытом, и младшие осваивали все это, не сомневаясь в его важности и полезности. Молодые перенимали опыт старших без тени сомнения, ибо прошлое гарантировало будущее¹.

Однако с периода 1990-х г. был задан новый тренд, который является актуальным и в настоящее время. Высокие скорости социальных изменений детерминировали состояние риска и неопределенности российского общества. В сложившихся условиях социокультурная система с ее изменчивым полем ценностей, норм, знаний, идей, идеалов и т.п. утратила свой регулирующий потенциал. Именно об этом состоянии социума 1990-х г. многие исследователи пишут как о глубоком нравственном, духовном, идейном кризисе. Нарастающая аномия значительно усложнила положение молодежи, поставила под сомнение процессы социализации и социального развития. Прошедшие два десятилетия показали, что кризисное социокультурное состояние весьма долго преодолевается, обладает признаками инерционности, вследствие чего в ближайшее десятилетие сложно ожидать принципиальных, кардинальных, значимых улучшений ситуации. Несмотря на наличие в 2000-е г. индикаторов улучшения ситуации по некоторым тактическим, но отнюдь не стратегическим направлениям, проблемы современной российской молодежи остаются достаточно острыми.

Ю.А. Зубок акцентирует внимание на такой острой проблеме молодежной среды как иррациональность, аффективность и стремление к риску. Автор отмечает, что находясь в самом начале жизненного пути, молодые больше рискуют остаться без образования, не найти работы, не создать семьи, не выдержать конкуренции в бизнесе, подвергнуться маргинализации. Источником риска становится такое свойство молодежи, как ее имманентное стремление к новому, неизведанному. При этом смелость и легкость, с которой молодые идут на риск, зачастую не уравновешиваются сколько-нибудь строгой оценкой вероятности выигрыша и проигрыша. Вот почему в среде молодежи так распространен немотивированный риск, а опасность ошибки так велика...²

Положение современной российской молодежи осложняется нарастающей дисфункциональностью массово-коммуникационной системы. Ее кризисное состояние имеет ту же природу, что и дезорганизация социальных институтов, ответственных за социализацию и социальное развитие молодежи. Стремительное вхождение в нашу жизнь Интернета, информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий привело к коренным изменениям в облике массово-коммуникационной системы. Сформированная в течение десятилетий система средств массовой информации выполняла критически важные социальные функции – обзора окружающего мира, передачи культурного наследия. В системе обладали правом доступа к процессу вещания только подготовленные специалисты, профессиональные коммуникаторы (журналисты, ученые, общественные, культурные и политические деятели).

Однако в конце 1990-х – начале 2000-х г. ситуация принципиально меняется. Теперь информационные потоки в значительной мере зависят от деятельности непрофессиональных коммуникаторов, а неформальный сегмент коммуникации начинает играть важную роль наряду с институциональным, формальным. В системе массовой коммуникации растет численность некачественных, дезинформационных сообщений.

Отдельного внимания заслуживают масс-медиа и Интернет, функциональный репертуар которых в системе массовой коммуникации трансформирующегося общества меняется с каждым годом. Растет их значимость не только как средств и способов массово-коммуникативного воздействия на сознание и поведение, но и как агентов «стихийной» социализации. Наравне с дворовыми компаниями, масс-медиа и Интернет становятся мощными ретрансляторами криминальной, антиправовой информации, отрицательного отношения к законам и праву.

В современном российском обществе, таким образом, нарушается основополагающий процесс коммуникации взрослых и молодежи, в ходе которого подрастающее поколение усваивало социально полезную информацию. В настоящее время молодые люди все чаще сталкиваются с некачественной, вредной, социально опасной информацией, не только не помогающей им социализироваться, но и, напротив, препятствующей этому.

Сложившаяся в настоящее время в российском обществе ситуация несет в себе ряд негативных последствий, в числе которых и сложности с формированием правовых ценностей населения, прежде всего, молодежи.

Как отмечает А.С. Пушкарев, правовые ценности представляют собой важнейшие субъективные смыслы определенных в праве объектов и явлений, определяющие стратегии юридически значимой деятельности, а также поступки и решения человека, имеющие внеисторический и надличностный характер, порождаемые правовой культурой и правовыми традициями общества³.

По мнению С.В. Михайлова, большинство законодательно закрепленных ценностей, которые входят в предмет правового регулирования, необходимо признать правовыми ценностями, т.е. правовая ценность в данном

¹ Лисовский В.Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях // Социс. 2002. №7. С.111.

² Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М., 2007. С.4

³ Пушкарев С.А. Правовые ценности в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2009.

случае воспринимается как нормативно-правовой объект, значимый для личности, общности или группы лиц, а также общества в целом в зависимости от круга лиц, на регулирование правоотношений которых они нацелены. Правовые ценности – это обобщенные правовые цели и правовые средства их достижения, выполняющие роль правовых норм. Каждая правовая ценность и система правовых ценностей имеют двуединое основание: в личности как в субъекте права и в обществе как социокультурной системе⁴.

Как отмечают исследователи, правовые ценности представляют собой переживаемые людьми и определяемые культурой формы их позитивного отношения к правовой системе общества, которые обуславливают выбор поведения, соответствующий этой системе, а также юридическую оценку событий⁵.

Правовые ценности, и это едва ли не самое важное их функциональное предназначение, позволяют добиться добровольного и осознанного сотрудничества подавляющего большинства членов общества на почве осознания важности соблюдения норм права. Именно такое развитие событий позволит осуществлять «мягкие» варианты социального контроля (но от этого отнюдь не менее эффективные). Данное качество правовых ценностей представляется особенно важным в аспекте воздействия на подрастающее поколение, с его максимализмом, иррациональностью, обостренными эмоционально-чувственными реакциями. Стабильно функционирующая система правовых ценностей позволяет существенно ослабить механизмы социального контроля с принуждающих на корректирующие и оказывающие содействие.

По справедливому замечанию А.Н. Бабенко, ни одна правовая система не может эффективно существовать без наличия разделяемых большинством граждан основополагающих ценностей права⁶. Следовательно, мы можем утверждать, что сила правовых ценностей заключается в их признании большинством общества. Именно в таком случае они приобретут статус репрезентативных элементов социокультурной системы социума.

Важность осознанного и добровольного включения подрастающего поколения в систему правовых ценностей диктует необходимость повышения эффективности функционирования, как общих механизмов социализации молодежи, так и деятельности агентов социализационного процесса. Однако с этим в современном обществе начала XXI в. возникают существенные сложности. Как известно, процесс социализации, равно как и деятельность агентов социализационного воздействия, базируется на трансляции социально значимой информации от общества, его представителей к подрастающему поколению. Вместе с тем, современный социум характеризуется уменьшением объема непосредственных коммуникативных актов (контактов) и увеличением опосредованных, опирающихся на технические возможности приема-передачи информации. Вследствие этого коммуникация становится обезличенной, анонимной, что провоцирует рост непроверенной, ложной информации, слухов и т.п. Дисфункциональность коммуникационной системы, снижение качества информации детерминируют неопределенность, потерю жизненных ориентиров, деморализацию социума. Молодежи все сложнее отличать правду от лжи, информацию от дезинформации, слух от сообщения. Вместе с потерей информационного авторитета общество в лице агентов социализации теряет и социальный, моральный, мировоззренческий, идеологический авторитет.

Вместе с тем, как отмечает О.А. Заячковский, усвоение индивидом правовых норм и ценностей происходит посредством функционирования так называемых агентов правовой социализации, от характера деятельности которых зависит направленность ценностных ориентаций индивидов в обществе, трансляция в социальную среду установок правомерного поведения⁷.

Однако усвоение правовых ценностей невозможно без «информационной поддержки», без целенаправленного системного воздействия на сознание и поведение подрастающего поколения.

Исследователи обращают внимание на то, что роль агентов правовой социализации различна в отношении передачи правовой информации. С одной стороны, семья на современном этапе своего развития переживает институциональный кризис, что (помимо прочего) выражается в снижении ее эффективности как агента социализации в целом. С другой стороны, правовая социализация как один из аспектов социализации личности в целом обладает своей спецификой, так как предполагает передачу социализирующемуся индивиду системы взглядов и представлений о праве и правовой регуляции человеческой жизнедеятельности, включая знание о

⁴ Михайлов С.В. Правовые ценности: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2011.

⁵ Буланова И.А. Трансформация правовых ценностей российской студенческой молодежи в контексте глобализации: дис. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д., 2006.

⁶ Буланова И.А. Трансформация правовых ценностей российской студенческой молодежи в контексте глобализации: дис. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д., 2006.

⁷ Заячковский О.А. Проблемы правовой социализации в условиях анонии российского общества // Вестник Российского государственного университета им. И.Канта. Серия Экономические и юридические науки. 2010. № 9.

конкретных правовых требованиях, предъявляемых государством своим гражданам, и санкциях за их невыполнение⁸.

Снижение качества информации (и, соответственно, доверия к коммуникационной системе как социальному институту) происходит на фоне усиления значимости другой проблемы – социокультурного, морально-нравственного кризиса российского общества. Именно поэтому зачастую происходит деформация контента информационных сообщений вследствие масштабных трансформаций системы культуры российского общества, духовно-нравственных основ, смешения понятий «добра» и «зла», «справедливости» и «несправедливости». Особую озабоченность в этой связи вызывает состояние правосознания российского общества, особенно той его части, которая прямо или косвенно влияет на подрастающее поколение в процессе его социализации.

По мнению И.А. Булановой, для правосознания российского общества характерны две основные особенности. Первая – связана со спецификой юридического менталитета россиян, который изначально отличался небрежным, отрицательным отношением к праву. Вторая особенность – этатизм, включающий чрезмерную, неоправданную ориентацию на государственную власть и сопровождающийся бесправностью личности в ее отношениях с государством⁹.

Сложившаяся ситуация в сфере правосознания оказывает негативное влияние на процесс формирования правовых ценностей. В ситуации, когда имеет место нигилистическое отношение к праву, неверие в справедливость как основу правоотношений, весьма сложно добиться от молодежи даже не усвоения правовой информации и неприятие различных форм девиантного поведения; непростой задачей выглядит преодоление общего вектора недоверия молодежи к такому взрослому обществу, с его острыми противоречиями, конфликтами интересов, противоборством институциональных структур. В этой связи классик ювенологии К. Манхейм в свое время обращал внимание на опасные последствия феномена, названного им «хаосом антагонистических оценок»¹⁰. Молодежь в процессе социального взросления, по мысли ученого, поставлена в весьма сложные условия, детерминированные переходным, маргинальным социальным положением на фоне социально-психологических и социально-возрастных проблем (максимализм, неприятие советов взрослых, лабильность сознания, некритическое восприятие информации, поиск своего «я» и др.). В случае, если возникают проблемы с информационными потоками, воздействующими на молодежь и передающими социально значимую информацию, возможен широкий спектр негативных социальных последствий, так как молодежь предрасположена в силу социально-возрастных и социально-психологических особенностей к радикализму, аффективности, экстремизму и др. опасным социальным отклонениям.

Таким образом, формирование правовых ценностей молодежи непосредственно связано с функционированием института права, обладающего значительным потенциалом воздействия на сознание и поведение людей. Право продуцирует комплекс правовых ценностей и норм, эффективность воздействия которых на людей достигается посредством формализации и силы государственного принуждения. Следовательно, рассуждая о правовых ценностях, следует отметить, что их положение в социокультурной системе общества выглядит уникальным, так как их функционирование обеспечивается как добровольным, осознанным, альтруистическим сотрудничеством людей во имя общественного порядка, так и силой принуждения государства и его институциональных структур.

Однако ситуация, сложившаяся в начале XXI в. в российском обществе, характеризуется рядом атрибутивных признаков, способствующих обострению имеющихся социальных проблем и противоречий. Особое беспокойство вызывает массово-коммуникационная система российского общества. По мере интеграции в пространство постиндустриального информационного общества качество информации (как это не парадоксально) ухудшается, обостряется проблема информационной перегрузки аудитории. По мере снижения качества информационных сообщений значительно падает эффективность социализационного процесса, так как агенты социализации транслируют на подрастающее поколение социально значимую информацию, способствующую, в том числе, и формированию правовых ценностей. Восстановить эффективность процесса социализации российской молодежи в новых условиях представляется возможным лишь в случае, если будут устранены проблемы дисфункциональности массово-коммуникационной системы современного общества. Однако в современных условиях нарастающих противоречий функционирования структур развитого индустриального общества, с одной стороны, и нарождающихся структурных элементов постиндустриального общества, с другой, не позволяют прогнозировать положительное развитие событий в ближайшие десятилетия.

⁸ Заячковский О.А. Проблемы правовой социализации в условиях анонии российского общества // Вестник Российского государственного университета им. И.Канта. Серия Экономические и юридические науки. 2010. № 9.

⁹ Там же.

¹⁰ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С.445.

Список литературы

1. Бабенко А.Н. Правовые ценности и освоение их личностью: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.
2. Буланова И.А. Трансформация правовых ценностей российской студенческой молодежи в контексте глобализации: дис. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д., 2006.
3. Заячковский О.А. Проблемы правовой социализации в условиях аномии российского общества // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия Экономические и юридические науки. 2010. № 9.
4. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М., 2007.
5. Лисовский В.Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях // Социс. 2002. №7.
6. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
7. Михайлов С.В. Правовые ценности: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2011.
8. Пушкарев С.А. Правовые ценности в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2009.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Галкина О.В.

Доцент кафедры теории государства и права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Саратовская государственная юридическая академия» (г.Саратов), кандидат юридических наук

Функции правовых актов призваны отражать основные черты правовых актов, они вытекают из их природы и направлены на осуществление стоящей перед ними роли. Под функциями актов также понимают основные направления воздействия на общественные отношения, определяемые их сущностью, целями и назначением в обществе.

Существенным является то, что функции правовых актов проявляются в их особенностях как внешней формы выражения элементов правовой системы:

- правовые акты призваны обеспечить полное и точное выражение содержащейся в них воли;
- они являются одним из необходимых условий правового регулирования – доведения воли государства, организаций, граждан до сведения всех кого она касается;
- правовые акты – одно из важнейших средств и источников правовой пропаганды и правового воспитания [1, с. 196].

Исходя из изложенного, необходимо выделить общие и специальные функции правовых актов. Общие – это функции присущие вообще всем правовым актам, специальные – присущие каждой разновидности правовых актов, выражающие их специфические (отличительные) черты.

Особого внимания заслуживают общие функции правовых актов, к которым относятся: системообразующая, регулятивная, информационная, воспитательно-идеологическая.

Действие системы правовых актов осуществляется посредством единства правовых актов, которое образуется в результате структурной упорядоченности ее частей, определяющей их функциональные зависимости и взаимодействие. И дефекты одного правового акта могут парализовать или исказить действие других правовых актов. В связи с этим целесообразно выделять системообразующую функцию правовых актов.

Совокупность правовых актов государства обладает всеми признаками «системы». В качестве же подсистем выступают нормативные и индивидуальные акты.

Все правовые акты должны выступать как единая сложная система, где каждый акт занимает свое место в механизме правового регулирования. И воздействовать на общественные отношения правовые акты должны комплексно, системно. Например, изданием нормативного акта предопределяется существование правоприменительного, интерпретационного, а подчас и договорного акта.

Правовые акты, осуществляя системообразующую функцию, служат основным организующим звеном, стержнем правовой системы и правовой жизни общества, обеспечивают их сбалансированность.

На сегодняшний день остро возникает потребность в использовании права как регулятора общественных отношений, и как следствие этого – увеличение количества законодательных актов, и на их основе других правовых актов. В связи с этим возникает необходимость соответствия всех правовых актов Конституции РФ, а также обеспечение единства правового пространства государства.

В связи с тем, что правовые акты являются главным системообразующим фактором, то решающее значение в осуществлении правовой политики государства имеет, прежде всего, единство всех правовых актов, их непротиворечивость.

Согласно этой функции должно происходить включение нормативных правовых актов всех уровней, правоприменительных, интерпретационных, а также договорных актов в единую систему.

Говоря о регулятивной функции правовых актов важно отметить то, что регулятивная функция юридических документов и регулятивная функция права не совпадают.

Регулятивная функция права представляет собой направление правового воздействия, выражающееся в установлении определенных правил поведения (закрепление в соответствующих нормах и правовых институтах того, что реально достигнуто и обеспечение процесса достижения намеченных задач, определенного запрограммированного результата) [2, с. 140]. Суть регулятивной функции правовых актов заключается также в регулировании общественных отношений, но в ее основе помимо норм права (это применительно к нормативным правовым актам), лежат еще и вспомогательные правила [3, с. 86] (применительно к правоприменительным и интерпретационным актам), при помощи которых реализуются правовые нормы.

Осуществляя регулятивную функцию, правовые акты определяют полномочия и структуру органов власти и управления, различных организаций, направляют деятельность государственных органов, устанавливая их компетенцию (вносят порядок в их деятельность). Например, в нормативных правовых актах закрепляются права и обязанности широкого круга организаций и должностных лиц. Воздействие правовых актов распространяется на всех лиц, деятельность которых связана с регулируемой областью отношений.

Правовые акты осуществляют также информационную функцию.

Поскольку правовой акт-документ является материальным носителем правовой информации [5, с. 496], то все колоссальные сведения о праве, о средствах его регулирования и о правовой действительности вообще, граждане получают благодаря существованию правовых актов. Например, именно знакомство с нормативными правовыми актами позволяет субъектам получать «информацию о структуре органов власти и управления, о том, что истинно и что ложно, что правомерно и что запрещено, как можно поступать и как нельзя действовать, какие последствия наступают вследствие совершения того или иного поступка. Например, норма уголовного права информирует граждан об охраняемых уголовным законом материальных и других ценностях, последствиях нарушения установленных запретов» [4, с. 219].

Так как акты-документы призваны довести волю государства, организаций, граждан до сведения всех, кого она касается, то все субъекты в полной мере должны быть ознакомлены с содержанием актов. В связи с этим большое значение приобретает полное, быстрое и широкое опубликование или оглашение актов-документов.

Таким образом, информационная функция проявляется в описании намеченной цели, признаков желаемого или запрещаемого поведения в общественном отношении, в обозначении круга участвующих и в доведении до них сведений, санкционируемых государственной властью и о мерах государственного принуждения.

Воспитательно-идеологическая функция проявляется в том, что правовые акты оказывают воспитательное воздействие на субъектов общественных отношений. С их помощью происходит становление правового сознания личности, ее приобщение к такому глобальному социальному явлению, каковым является право. Осуществляя функцию правового воспитания субъектов, они приобщают их к знаниям о государстве и праве, законности и правопорядке, правах и свободах личности, вырабатывают у граждан устойчивую ориентацию на законопослушное поведение и на формирование у субъектов правовой идеологии.

Таким образом, общие функции правовых актов определяют механизм воздействия различных актов на общественные отношения и их субъектов, а также позволяют определить их роль в механизме правового регулирования. Нужно отметить, что значительное количество правовых актов содержат в себе действующие элементы правовой системы – юридические нормы, индивидуальные предписания, которые вызывают определенные изменения в общественных отношениях, на которые направлено их действие. Причем это действие осуществляют они не в одиночку, а во взаимодействии с другими правовыми актами. Лишь только в тесной взаимосвязи друг с другом отдельные правовые акты реализуют свои функции, т.е. функционирование каждого правового акта осуществляется в системе с другими актами.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982.
2. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001.
3. Кошелева В.В. Акты судебного толкования правовых норм. Вопросы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999.

4. Нормы советского права: Проблемы теории / под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов, 1987.
5. Черданцев А.Ф. Юридические документы и юридическая техника // Общая теория государства и права: Академический курс в трех томах / отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 2. М., 2001.

СЕКЦИЯ №2.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.02)

КОНСТИТУЦИОННОЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ковалев Ю.С.

Северо-Кавказский федеральный университет

Россия, как стремящееся к совершенству государство, постоянно модернизирует и развивает основные институты своего существования. Под «реформаторскую руку» все чаще попадают общественные и политические, правоохранительные, законодательные, исполнительные и судебные структуры обеспечения государственного управления и стабильности.

Судебная система достаточно сильно интегрирована в жизнедеятельность государства в целом и отдельных его институтов в частности. Так, в силу своего правового статуса, суды выступают непосредственным арбитром по разрешению споров в применении норм закона и защите прав и свобод, образуя судебную власть.

В современной доктрине существует разносторонняя интерпретация термина «судебная власть». Кроме того, этот термин может иметь разное значение в зависимости от контекста. Например, его можно одинаково употребить к системе судов, организационной структуре конкретного суда либо к судье.

Конституционно-правовой смысл судебной власти, как одной из трех ветвей власти, был заложен в Конституции Российской Федерации 1993 года. В статье 10 Конституции определено, что вся государственная власть на территории России осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. В свою очередь в статье 118 Конституции указывается, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом, судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Таким образом, считаем необходимым определить судебную власть как единственную часть системы государственной власти, выполняющей функции осуществления правосудия и независимой в своей деятельности.

Как верно отмечает Калинин В.Н. «конституционное закрепление положения судебной власти в России позволяет ей действовать самостоятельно по отношению к другим государственным и муниципальным органов и независимо осуществлять правоохранительные и регулятивные функции в интересах всего общества»[2]. Однако, в юридической литературе существует мнение об установлении ограничения в независимости судебной власти. Как правило, такое ограничение связано с административной составляющей деятельности судов. Влияние, хоть и косвенное, председателя соответствующего суда и квалификационной коллегии судей проявляется в практической деятельности судей. Такой подход отражен в работах А.В. Малько и Е.Г. Тутыниной. Раскрывая свою позицию ученые указывают «Прежде всего, судьи находятся в зависимости от своего руководства и квалификационных коллегий судей. Возможное влияние председателей судей очевидно. Поэтому некоторые правоведы предлагают установить выборность председателя самими судьями на срок не более трех лет и наделить его только организационными полномочиями. Другие авторы предлагают ограничить пребывание председателей судей одним сроком продолжительностью 5 лет, а также распространить полномочия квалификационной коллегии на председателей судей. Это, в свою очередь, снизит зависимость председателя от администрации Президента РФ.» [4]

Рассматривая вопрос независимости судебной власти, отметим, что в последние годы возросло влияние судебной практики на принимаемые по делам решения, что так же касается влияния квалификационной коллегии судей на направленность осуществления правосудия.

Конечно, судебный прецедент не является источником права в силу отношения России к романо-германской правовой семье и провозглашения принципа разделения властей. Это только в доктринальном смысле. В практическом смысле российская судебная система унифицировала в себе собственные и заимствованные источники права в виде судебного прецедента. На уровне конституционного законодательства вышестоящим судам

предписано обеспечивать единообразное применение норм права. В реальности это приводит к системе «нарабатывания» практики по определенному роду правоотношений. Дальнейшие решения судьи, кардинально отличающиеся от имеющейся судебной практики могут привести к отмене вынесенного решения вышестоящими коллегами и возможного направления в квалификационную коллегию судей запроса о соответствии определенного судьи занимаемой должности. Следовательно, если у судьи в производстве находится дело, а по аналогичным правоотношениям были вынесены решения судов апелляционной и кассационной инстанций, то он просто не может их игнорировать. Это также связано с прижившимися обобщениями судебной практики, изданными Верховным судом Российской Федерации в виде постановлений Пленума ВС РФ и обязательными для применения всеми нижестоящими судами.

Другим фактором, ограничивающим судебную власть, выступает финансовая зависимость от органов исполнительной власти. Порядок финансирования судов в России определен в статье 114 Конституции РФ, согласно которой источником финансирования судебной системы является федеральный бюджет. При этом, такие институты как конституционные (уставные) суды субъектов РФ и мировые судьи были отнесены федеральным конституционным законом «О судебной системе РФ» к судам субъектов РФ. Дополняя общую картину финансирования, федеральным законом «О мировых судьях в РФ» источники поступления денежных средств на обеспечение деятельности мировых судей разделены на две группы: в первую входит выплата заработной платы и социальные выплаты - федеральный бюджет, во вторую входит все остальное материальное обеспечение, такое как приобретение и содержание административных зданий, оргтехники, транспорта и т.д. - бюджет субъекта РФ. Как отмечает Е.Н. Красина: «Кроме того, судебная власть имеет минимальные возможности воздействия на решения, принимаемые Федеральным Собранием относительно бюджетных средств, выделенных на федеральную судебную систему. При принятии бюджета Российской Федерации на очередной период лишь уменьшение объемов финансирования судов зависит от предложений органов судебной власти согласно ст. 33 Федерального конституционного закона «О судебной системе» и ст. 2 Федерального закона «О финансировании судов РФ»» [3]. При такой сложной системе материального обеспечения вполне возможно утверждать о некоторой зависимости судов от органов исполнительной власти. Однако, не кажется абсолютно верным утверждение Е.Н. Красиной о необходимости лишения Правительства РФ права на определение и лимитирование объемов бюджетных средств на обеспечение деятельности судебной системы. Представляется, что все описанные ограничения судебной власти осуществляются исключительно в рамках принципа разделения властей и направлены на децентрализацию «абсолютной» власти, в том числе на развитие системы «сдержек и противовесов».

Поскольку Конституцией РФ определены лишь общие положения о судебной власти, вполне обоснованно принятие специальных федеральных конституционных законов, посвященных организации деятельности судов на территории РФ. Всего в России шесть основных федеральных конституционных законов регулирующих судебную власть: «О судебной системе Российской Федерации», «О Конституционном Суде Российской Федерации», «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», «О Верховном Суде Российской Федерации», «О военных судах Российской Федерации», «Об арбитражных судах в Российской Федерации». В смысле конституционного регулирования, судебная власть является самой организационно определенной, поскольку законодательная и исполнительная власть не обладают таким количеством федеральных конституционных законов. Значимость укрепления судебной власти путем конституционного закрепления состоит в относительной стабильности правового регулирования. Принятие федеральных конституционных законов происходит в соответствии со статьей 108 Конституции РФ. Согласно части 2 указанной статьи федеральный конституционный закон считается принятым, если он одобрен большинством не менее трех четвертей голосов от общего числа членов Совета Федерации и не менее двух третей голосов от общего числа депутатов Государственной Думы. Таким образом, судебная власть, как орган государственного устройства, имеет самую сильную и независимую структурную организацию посредством укрепления конституционного регулирования. Нормы, определяющие правовой статус судебной власти содержатся не только в специальной главе Конституции РФ, но и широко распространены в главе посвященной правам и свободам человека и гражданина. Это прежде всего связано с направленностью деятельности судов на защиту прав и свобод человека.

В юридической литературе существует и мнение, что судебная система России, выступая арбитром в разрешении споров, выполняет функции толкования и разъяснения правовых норм. Такой подход основан не только на научной теории, но и закреплен в действующем законодательстве. Как указано в части 2 статьи 118 Конституции РФ и в части 3 статьи 1 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. В свою очередь федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» была создана судебная структура - Конституционный Суд России, который определен как судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий

судебную власть посредством конституционного судопроизводства. Анализируя положения указанного Закона, можно выделить семь основных компетенций Конституционного Суда: проверяет соответствие Конституции РФ иных нормативно правовых актов, разрешает споры о компетенции между органами государственной власти, проверяет конституционность примененного закона, дает толкование Конституции РФ, дает заключение о соблюдении порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершения иных тяжких преступлений, выступает с законодательной инициативой, осуществляет иные полномочия.

Кроме Конституционного Суда Российской Федерации судебная власть в стране представлена следующей системой:

- Конституционные (уставные) суды субъектов РФ. Эти суды абсолютно самостоятельны и не подчинены в административном смысле Конституционному Суду РФ, при этом выполняют схожие функции, только на уровне субъектов РФ.

- суды общей юрисдикции. Правовое регулирование этой ветви судебной власти закреплено в Федеральном конституционном законе «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». Так, согласно части 1 статьи 1 данного Закона систему судов общей юрисдикции в Российской Федерации составляют федеральные суды общей юрисдикции и суды общей юрисдикции субъектов Российской Федерации.

- арбитражные суды, основной компетенцией которых является разрешение экономических споров между юридическими лицами и субъектами предпринимательской деятельности.

- Верховный Суд Российской Федерации. До недавнего времени Верховный Суд РФ входил в систему судов общей юрисдикции и являлся самым высоким по иерархии полномочий. В результате проведенной конституционной реформы системы Высших судов, был упразднен Высший Арбитражный Суд РФ, а Верховный Суд РФ был выделен в отдельную структуру осуществления «контроля и надзора» над всеми нижестоящими судами.

Особенность функционирования судебной власти как самостоятельной ветви государственной власти Российской Федерации заключается в том, что деятельность судов всех судебных систем основывается на единых принципах, закрепленных Конституцией Российской Федерации в ст.ст. 10 (органы законодательной, исполнительной и судебной власти функционируют самостоятельно), 120 (судьи независимы и подчинены только Конституции Российской Федерации и федеральным законам), 121 (судьи несменяемы), 122 (судьи неприкосновенны) и др. [1]

Тем не менее, даже при наличии такого сильного конституционного регулирования, государству следует учитывать в целях дальнейшего реформирования судебной системы РФ следующее:

- в структуре государства судебная власть не может существовать самостоятельно, необходимо детально регулировать взаимодействие всех трех ветвей власти. В системе принципа разделения властей возрастает роль власти законодательной и исполнительной в части установления правовой базы и приведения в исполнение вступивших в законную силу решений судов, хоть такое исполнение и является обязательным для всех лиц и государственных органов государства.

- на сегодняшний день, влияние судебной практики на вынесения решений конкретными судами привело к оформлению и интеграции судебного прецедента в правовую систему России. Следовательно, пробелы в правовом регулировании судебного прецедента должны быть устранены;

- необходимо развивать систему гарантий для судей, работников аппарата суда, а также иных лиц косвенно участвующих в осуществлении правосудия (эксперты, свидетели, специалисты и др.).

Список литературы

1. Абсалямов А.В. Судебная власть в системе разделения властей в современной России: дискуссии и решения// Вопросы судебной реформы: право, экономика, управление. 2009. №2. С. 7-18
2. Калинин В.Н. Проблемы развития судебной власти в Российской Федерации//В сборнике: Современные проблемы права и управления 4-я Международная научная конференция: сборник докладов. Под редакцией И.Б. Богородицкого, Ю.В. Киселевич (ответственный редактор). 2014. С. 33-36.
3. Красина Е.Н Судебный прецедент в реализации принципа разделения властей: некоторые аспекты// Юристы-Правовед. 2009. №6. С.95-98
4. Малько А.В., Тутынина Е.Г. Судебная политика в современной России: пути оптимизации// Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 93-100.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

Курячая М.М., Романова Ю.А.

Кубанский государственный университет, г.Краснодар

Многонациональный народ Российской Федерации реализует народовластие через специальные формы – непосредственную и представительную демократии. Развитая демократия предполагает не только наличие этих форм и механизмов их взаимодействия, включая сдержки и противовесы [6], но и требует наличия действенных механизмов участия граждан в ее осуществлении (в том числе – механизмов гражданского контроля), совершенствования институтов публично-правовой ответственности представительных органов и должностных лиц [8], развития инноваций [9].

Контрольные механизмы (процедуры контроля) являются одним из элементов процесса принятия государственно-властных решений, деятельности органов публичной власти. Действенный контроль как одна из фундаментальных и важных функций управления призван обеспечить эффективность контролируемой деятельности, выявление отклонений, причин их возникновения, путей достижения целей и исправления допущенных ошибок [3].

Осуществление обществом контрольных процедур за деятельностью органов государственной власти обеспечивает реализацию демократических принципов, провозглашенных в Конституции РФ. Это комплексная деятельность гражданского общества по повышению эффективности работы государственного механизма, результатом которой выступает соответствие повседневной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления интересам населения, непосредственное участие граждан в принятии государственно-властных решений, профилактика коррупции и бюрократизма [3].

Конституция Российской Федерации закрепляет следующие организационно-правовые формы участия населения в управлении делами государства – референдум, выборы, местное самоуправление, собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирование, представительство в органах государственной власти и местного самоуправления, обращения в государственные органы и органы местного самоуправления и др.

Следует также назвать народные (публичные) обсуждения актуальных вопросов социально-экономического развития субъекта Российской Федерации [4], проектов нормативных правовых актов и иных общественно значимых решений; публичные (общественные) слушания; народную правотворческую или гражданскую инициативу; опросы общественного мнения (плебисциты, консультативные референдумы) – все выше изложенное следует также рассматривать как формы демократического участия граждан в управлении делами государства.

Кроме этого, Конституция РФ гарантирует свободу мысли и слова; выражения своего мнения и убеждения; право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию; избираться и быть избранным; осуществлять государственную службу; участвовать в отправлении правосудия; учреждать и быть членом общественных объединений и профессиональных союзов; свободно искать и распространять информацию, использовать свои творческие и иные способности, распоряжаться своими способностями к труду; самостоятельно решать вопросы местного значения; владеть, пользоваться и распоряжаться муниципальной собственностью.

Граждане имеют возможность участвовать в качестве экспертов в рабочих группах, комитетах, комиссиях, парламентских слушаниях, в экспертных советах представительных органов. В сфере исполнительной власти граждане также участвуют в формировании исполнительных органов власти, входят в эти органы в статусе государственных служащих, являются членами комиссий и общественных советов.

Однако право народа на контроль за деятельностью органов власти и местного самоуправления на уровне конституционного прямо не закреплено. Полномочие народа на осуществление контроля деятельности любого из органов власти вытекает из сущности народовластия, то есть реализации власти по воле народа, в интересах народа и при активном участии самого носителя власти. Осуществление власти в отрыве от воли народа и в отсутствии общественного контроля с неизбежностью влечет прожектерство, коррупцию, низкую эффективность деятельности и чрезмерное увлечение инструментами принуждения. Любая неэффективная власть пытается спрятать свою неэффективность за бюрократией и закрытостью, выдавая их за порядок и нацеленность на работу.

В Российской Федерации общественным контролем является деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений.

Современная реальность такова, что в нашем обществе под влиянием глубоких изменений в моделях социальной организации и сотрудничества произошла замена централизованных иерархических структур гибкими сетевыми типами

организации, повышением роли самоорганизации граждан для решения конкретной проблемы, ростом авторитета личности. Информация и знания в современном обществе стали не только важным фактором производства, движущей силой экономики, но и приобрели иное социально-политическое значение [10]. Общественный контроль – это как раз тот механизм, который позволяет обществу контролировать власть на всех этапах инициирования какого-либо решения, его принятия, реализации и оценки полученного результата.

Право гражданского общества на контроль обеспечивается принятием специальных нормативных актов о раскрытии информации, контроле со стороны граждан, некоммерческих организаций, советов, комитетов при государственных органах и органах местного самоуправления. В России принят ряд Федеральных законов, содержащих общие положения об общественном контроле: «Об Общественной палате РФ» [12], «О противодействии коррупции» [13], «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [14], «Об основах общественного контроля в РФ» [15].

Институты общественного контроля предусмотрены и законодательством субъектов Российской Федерации, в основном, в тех же сферах, что и в федеральном законодательстве. Так, указания на общественный контроль содержат Устав и 16 законов Ульяновской области, 16 законов города Москвы, 9 законов Краснодарского края, 4 областных закона Ленинградской области, 3 закона Республики Адыгея, 1 закон Пермского края (исключая законы о выборах и референдумах) [1].

Общественный контроль может осуществляться как в формах, предусмотренных Федеральным законом «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», так и в иных формах, предусмотренных другими законами. Федеральным законом «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» предусмотрены следующие формы его осуществления: общественный мониторинг, общественная проверка, общественная экспертиза, реализуемые независимо от органов государственной власти и местного самоуправления. Во взаимодействии институтов гражданского общества и органов государственной власти и местного самоуправления проводятся общественные обсуждения, общественные (публичные) слушания. И хотя согласно Закону этот список не является исчерпывающим, очевидно, что законодателем упущена такая важная форма как общественная инициатива. Правовое регулирование форм осуществления общественного контроля во многом реализует закономерности развития аналогичных или сходных институтов в российском законодательстве [5], [7].

Таким образом, существование механизмов общественного контроля в России имеет конституционно-правовое основание. Это обеспечивает надежные правовые основы дальнейшего развития гражданского общества, повышает значение общественного контроля среди населения [2]. Так как государство обладает суверенным правом на распределение ресурсов, то оно призвано реализовывать свою политику таким образом, чтобы она отвечала ключевым запросам общества и способствовала достижению социального компромисса. Однако в силу объективных причин государству часто свойственны злоупотребление властными полномочиями и реализация своих интересов в ущерб общественным. Общественный контроль выступает одним из инструментов повышения качества выполнения государственными органами своих полномочий, обеспечивает борьбу с коррупцией и должную реализацию намеченной государственной политики.

Список литературы

1. Громько С.В. Общественный контроль как форма народовластия // Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции/ Сб. науч. трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. Волгоград, 2015. С. 27-30.
2. Громько С.В., Курячая М.М. Деятельность общественных объединений как форма реализации права граждан Российской Федерации на участие в управлении делами государства и осуществлении местного самоуправления // Право.by. 2015. № 5.
3. Громько С.В., Курячая М.М. Проблемы совершенствования процедур общественных обсуждений и публичных слушаний в механизме общественного контроля в Российской Федерации // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. № 3.
4. Курячая М.М. Опрос граждан как форма участия населения в решении вопросов государственного управления в субъектах Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 39-46.
5. Курячая М.М. Опрос населения: понятие и основы правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 31-33.
6. Курячая М.М. Проблемы обеспечения народного представительства в современном российском парламентаризме // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 12. С. 37-41.
7. Курячая М.М. Право граждан на референдум в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 7. С. 23-26.

8. Курячая М.М. Публично-правовая ответственность представительных органов и выборных должностных лиц местного самоуправления // *Муниципальная власть*. 2005. № 5. С. 15-18.
9. Курячая М.М. Технологии краудсорсинга в юридической практике // *Конституционное и муниципальное право*. 2012. № 6. С. 31-37.
10. Курячая М.М. Электронная демократия как вызов современной правовой политики // *Конституционное и муниципальное право*. 2013. № 1. С. 41-44.
11. Курячая М.М. Электронное правосудие как необходимый элемент электронной демократии в современной России // *Конституционное и муниципальное право*. 2013. № 7. С. 52-54.
12. Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2005. № 15. Ст. 1277.
13. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // *Собрание законодательства РФ*. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
14. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // *Собрание законодательства РФ*. 2009. № 7. Ст. 776.
15. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2014. № 30 (ч. 1). Ст. 4213.
16. Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // *Собрание законодательства РФ*. 2008. № 24. Ст. 2789.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ БЛАГОУСТРОЙСТВА

Лаврентьева О.В.

Российский государственный социальный университет, г.Москва

Благоустройство муниципального образования является важным элементом жизнедеятельности граждан. Оно включено в систему общественных отношений, которые возникают и развиваются в процессе общения ее участников в муниципальных образованиях. С точки зрения автора настоящей статьи, благоустройство территорий является емким и содержательным понятием, поскольку деятельность органов местного самоуправления в сфере благоустройства направлена на сохранение и на восстановление благоприятной среды пребывания и проживания населения муниципального образования, а также на предотвращение и уменьшение негативного воздействия на людей и окружающую среду от различных видов человеческой деятельности, в том числе хозяйственной, что указывает на ее комплексный характер.

Организация благоустройства и озеленения территории поселения Федеральным законом N 131-ФЗ [1] отнесены к вопросам местного значения, а их реализация неразрывно связана с полномочиями органов местного самоуправления. По авторскому определению полномочиями органов местного самоуправления в сфере благоустройства – это единство прав и обязанностей, определяемое уставом муниципального образования и иными применимыми правовыми актами, предоставляемые органам местного самоуправления для решения вопросов связанных с устойчивым развитием территорий, которое призвано обеспечить безопасность и благонадежные условия жизнедеятельности населения, охрану и рациональное использование природных ресурсов в интересах населения муниципального образования и государства в целом.

Мы исходим из того, что полномочия органов местного самоуправления в сфере благоустройства могут быть в полной мере реализованы в политико-правовой системе не просто декларирующей, а обеспечивающей и гарантирующей подлинное народовластие в конституционно-правовом понимании. Указанного соответствия в современной России нет, что как мы полагаем, препятствует эффективной реализации полномочий органов местного самоуправления в целом и в сфере благоустройства, в частности.

Практика показывает, что реализация большинства полномочий органов местного самоуправления, в частности в сфере благоустройства, возможна лишь при тесном взаимодействии с органами государственной власти. Одним из важнейших направлений реализации полномочий органов местного самоуправления является их взаимодействие с институтами гражданского общества и населением. Местное самоуправление необходимо считать формой самоорганизации населения для решения вопросов местного значения. Кроме того, это и форма

реализации публичной власти народа. Однако общая тенденция развития национального законодательства в направлении расширения форм прямого участия населения в решении вопросов местного значения, как обосновано полагает А.Н. Нифанов, требует формирования адекватного правового механизма их реализации на муниципальном уровне [7, С. 58.]. При этом вопросы благоустройства, особенно как форма народовластия, фактически полностью игнорируются исследователями. Они «тонут» в общем представлении о том, что в результате так называемой «муниципальной революции» [6, С. 28], Россия «сделала значительный шаг к местной автономии и развитию местной демократии» [4, С. 90]. В то же время, в значительной части работ, содержится констатация того, что успешно было начавшаяся муниципальная реформа так и не дала ожидаемого результата [3, С.6].

Причину такого положения можно усмотреть, в том числе и в том, что действующая правовая база системы местного самоуправления выстроена в русле близкого к авторитарному типу мышления, что ярко проявляется в идеологии «укрепления вертикали власти». Координирующая, а нередко и прямо руководящая роль органов исполнительной власти в вопросах благоустройства проявляется в создании административных органов, ориентированных на управление деятельностью муниципальных образований (городских округов). Так, например, на рубеже 1990-2000 годов в Санкт-Петербурге был сформирован Городской штаб благоустройства Администрации Санкт-Петербурга. В ряде документов органов исполнительной власти Санкт-Петербурга по вопросам благоустройства, предусмотрена их обязательность для всех должностных лиц местного самоуправления, но никаких прав, функций и полномочий местного самоуправления данные документы не содержат. Так Регламент внешнего благоустройства города [2] (п. 9.2.) закрепляет ответственность за его соблюдение на должностных лиц (включая ЖКХ) и граждан – заказчиков работ по внешнему благоустройству, тогда как органы местного самоуправления в Регламенте даже не упомянуты.

Теоретические вопросы проблем управляемости прямо касаются благоустройства, так как именно оно вызывает острую критику органов местного самоуправления со стороны населения. В связи с этим очень удобно вести речь о том, что органы местного самоуправления «не способны» или «не готовы» решать вопросы благоустройства самостоятельно, что, по мнению сторонников «укрепления вертикали власти», требует прямого вмешательства государства. Эта позиция подкрепляется высочайшим уровнем коррупции именно в сфере муниципального благоустройства. По данным ГУ МВД по Москве наиболее коррупционными в Москве являются сферы услуг ЖКХ и городские контракты, реализуемые на территории муниципалитетов [5]. Все это укрепляет аргументы региональной исполнительной власти против полной автономии местного самоуправления в сфере благоустройства. При этом роль населения чаще всего оценивается как пассивная, так как местное население, в большей части, по мнению критиков муниципального народовластия, «не готового к самоуправлению». Кроме того и сами органы местного самоуправления нередко признают неспособность реализовать полномочия в сфере благоустройства. Так в регламентирующем документе городского округа Домодедово прямо указано как на «большой дефицит» - на специалистов по благоустройству и озеленению.

В современных условиях самостоятельность органов местного самоуправления представляется более формальной, чем реальной. Президент РФ на Совете по развитию местного самоуправления 26 мая 2014 года для выяснения того «как относились люди к муниципалитетам, относятся до сих пор?» привел данные социологических опросов (ФОМ, репрезентативная выборка городского населения, май 2014 г.). По данным этого исследования, приведенным В.В. Путиным, «не знают вообще депутатов, которые представляют их избирательный округ в представительном органе муниципального образования»: - 79% населения городов более 1 млн. человек; - 76% - в городах с населением от 250 тыс. до 1 млн. человек; - 73% - в городах с населением от 100 до 250 тысяч человек.

Президент справедливо охарактеризовал эти результаты как «запредельную величину» [8]. «Запредельность» позволяет сделать и еще один важный вывод о том, что, по крайней мере $\frac{3}{4}$ населения российских городов не знает кто представляет их интересы в органах местного самоуправления. Приведенные цифры наглядно показывают, что несмотря на наличие для граждан России формального права осуществлять местное самоуправление через свое участие в местных референдумах и выборах, а также через органы местного самоуправления, большая часть местного сообщества от этого права отказывается. В связи с этим и вести речь необходимо не столько о реализации полномочий органов местного самоуправления в сфере благоустройства, как форме народовластия, сколько о реализации управленческих функций по решению вопросов местного значения, так как народ от реализации указанных полномочий в основном отстранен и никак не реализует свое право.

В связи с этим можно констатировать, что в современной России вектор самоуправления в сфере благоустройства скорее направлен на муниципальное административное управление, а так называемое «местное самоуправление» сведено к той или иной степени соучастия муниципального сообщества в управлении. Так, например, при реализации своих полномочий по регулированию и управлению в сфере благоустройства органов местного самоуправления во всех регионах России, а особенно активно в Москве Московской области и Санкт-

Петербурге взаимодействуют с населением через организацию всевозможных конкурсов и смотров, например, «Мой сквер—моя гордость», «Лучшее озеленение балкона», «Лучшее благоустройство и озеленение газона» [9], не в должной мере стимулирующих инициативу жителей, а как итог, широкого вовлечения местного населения в организацию благоустройства территорий не происходит. Представляется, что для решения такого вопроса местного значения, как организация благоустройства и озеленения территории, вариант по привлечению граждан к добровольному выполнению социально значимых работ, может стать одним из решений проблемы благоустройства территорий. Полагаем, что стимулирование инициативы (особенно творческой) населения следует поощрять. Аналогичные конкурсы, безусловно, полезные в плане привлечения внимания населения к вопросам благоустройства, тем не менее, комплексно их не решают, так как индивидуальные работы выполняются также на индивидуальных объектах, кустарно, вне плана, без учета окружающей обстановки.

В процессе анализа нормативной регламентации подобных конкурсов мы отметили полную текстуальную идентичность положений (далеко не совершенных, о чем речь пойдет ниже). Так Положение о конкурсе муниципального образования «Городское поселение Нахабино» Красногорского муниципального района Московской области [10] и других муниципальных образований области полностью совпадает с положением Шарьинского муниципального района (Костромская область) [11], а также многими другими аналогичными положениями на территории Центрального федерального округа. Таким образом, органы местного самоуправления, стимулируя «творческую активность населения» в деле благоустройства, сами такую активность не демонстрируют, примитивно копируя друг у друга регламентирующие документы включая ошибки и явно некорректные положения.

Таким образом, для решения возложенных на местное самоуправление вопросов благоустройства, следует более активно привлекать население муниципального образования, с тем, чтобы реализация полномочий органов местного самоуправления в сфере благоустройства приобрела реальную форму народовластия. Привлечение местного населения к вопросам благоустройства территорий должно быть направлено на достижение следующих целей:

- удовлетворение потребностей населения муниципального образования в формировании (улучшении, поддержании) комфортных условий жизнедеятельности в благоприятной среде обитания;
- активизации социальной активности и ответственности местного населения за решение «своих» вопросов местного значения;
- минимизация затрат муниципального образования, направление высвободившихся средств на решение проблемных вопросов местного значения в сфере благоустройства территорий.

Кроме того, суть современного местного самоуправления в России состоит не в идеальной модели совпадения субъекта и объекта управления, а в способности объекта управления (воли и действий местного населения) оказывать влияние на субъект управления (органы и должностных лиц местного самоуправления в части их действий и решений), обеспечивая, таким образом, соответствие процесса управления интересам местного населения, в том числе в сфере благоустройства территорий.

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. 2003. N 40. Ст. 3822; 2015. N 1. Ст. 9.
2. Распоряжение Администрации Санкт-Петербурга от 23.09.2002 N 1784-ра «О мерах по усилению контроля за состоянием внешнего благоустройства Санкт-Петербурга» // «Вестник Администрации Санкт-Петербурга», N 10, 31.10.2002.
3. Бочарников М.В. Теоретико-методологический анализ природы местного самоуправления как института гражданского общества и основы формирования «вертикали» власти в России: региональный аспект : дисс... канд. юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2008.
4. Макогон Т.И. Местное народовластие: констелляция формы и содержания// Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25).
5. Мерцалова С. Ремонт и благоустройство: за что чаще всего получают взятки московские чиновники// АиФ - Москва. 2012. 19 ноября.
6. Митрохин С. Реализация муниципального проекта в России: некоторые аспекты федеральной политики// Реформа местного самоуправления в региональном измерении: По материалам из 21 региона Российской Федерации/ Под ред. С. Рыженкова, Н. Винника. М.: МОНФ, 1999.
7. Нифанов А.Н. Правовые формы реализации непосредственной демократии в системе местного самоуправления: дисс... канд. юрид. наук: 12.00.02. Ростов н/Д, 2003.

8. Путин В.В. Выступление на заседании Совета при Президенте РФ по развитию местного самоуправления. Иваново, 26 мая 2014 года// Президент России. Официальный сайт <http://www.kremlin.ru/transcripts/21097>.
9. Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга муниципального округа Большая Охта/ <http://bohta.spb.ru/blagoustroystvo>.
10. Порядок проведения ежегодного конкурса по благоустройству территории муниципального образования «Городское поселение Нахабино»// Администрация Красногорского муниципального района Московской области. Официальный сайт <http://www.krasnogorsk-adm.ru/pos/posnax/blag/>.
11. Положение о ежегодном конкурсе по благоустройству территории муниципального образования Шарьинский муниципальный район. Шарьинский муниципальный район. Официальный сайт http://admshmr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2309:konkurspo-blagoustrojstvu-territorii&catid=239&Itemid=859.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧЕРТА РАЗВИТОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Воробьева Е.И., Курячая М.М.

Кубанский государственный университет, г.Краснодар

С возникновением государства и переходом широкого круга «общественных дел» в сферу его естественной компетенции общество не перестает быть самостоятельной субстанцией, оно полноправно выбирать способы и формы взаимодействия с государством [1]. Конституция РФ провозглашает Российскую Федерацию демократическим правовым государством с республиканской формой правления (ст.1), а также определяет единственный источник власти – ее многонациональный народ (ст.3). Также Конституция РФ закрепляет право граждан на участие в управлении делами государства (ст.32). Реализовать свое участие в управлении делами государства граждане могут как с использованием традиционных – принять участие в выборах [8], отзыве депутатов и выборных должностных лиц [9], опросе [6], референдуме [7], деятельности общественных организаций [4] и других [5] – так и новых, инновационных форм взаимодействия с государством – краудсорсинга [10], электронной демократии [11], электронного правосудия [12], а в последнее время – и с использованием механизмов общественного контроля [2].

Право граждан, отдельных институтов гражданского общества и гражданского общества в целом на контроль деятельности органов публичной власти обеспечивается принятием специальных нормативных актов о раскрытии информации, контроле со стороны граждан, некоммерческих организаций, советов, комитетов при государственных органах и органах местного самоуправления. В России принят ряд Федеральных законов, содержащих общие положения об общественном контроле: «Об Общественной палате РФ» [16], «О противодействии коррупции» [20], «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» [18], «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [17], «Об основах общественного контроля в РФ» [19].

Институты общественного контроля предусмотрены и законодательством субъектов Российской Федерации, в основном, в тех же сферах, что и в федеральном законодательстве. Так, указания на общественный контроль содержат Устав и 16 законов Ульяновской области, 16 законов города Москвы, 9 законов Краснодарского края, 4 областных закона Ленинградской области, 3 закона Республики Адыгея, 1 закон Пермского края (исключая законы о выборах и референдумах) [3].

Общественный контроль должен использоваться в интересах государства, так как результаты общественных проверок помогут определить слабости и точки роста в разных сферах. Кроме того, общественный контроль это материально безвозмездная деятельность, поэтому осуществление различных форм общественного контроля не скажется на статьях бюджетов.

Под общественным контролем в статье 4 Закона об общественном контроле понимается деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений.

Важно отметить, что так часто отождествляемые понятие «общественный контроль» и «общественный надзор» имеют разную смысловую нагрузку. Надзор – это орган, группа лиц для наблюдения за чем-либо, за соблюдением

каких-нибудь правил. Контроль – это проверка, а также постоянное наблюдение в целях проверки или надзора. Контроль предполагает наблюдение за деятельностью объекта, с целью получения достоверной информации о надлежащем выполнении возложенных на него функций с возможностью проверки целесообразности его деятельности; надзор же ограничивается только проверкой законности деятельности объекта, без права в нее вмешиваться [14].

Задачи общественного контроля многоаспектны, однако, к главным относят: повышение уровня доверия граждан к деятельности органов государственной власти, транспарентность, формирование и развитие гражданского правосознания (статья 5 Закона об общественном контроле). Общественный контроль подразумевает следующие формы: общественный мониторинг, общественная проверка, общественная экспертиза, общественные обсуждения, общественные (публичные) слушания и другие. Общественный контроль одновременно может осуществляться в нескольких формах (статья 18 Закона об общественном контроле).

Важно отметить, что проверки государственных органов имеют четкую регламентацию по количеству и срокам, в отличие от общественных проверок. Закон об общественном контроле в пункте 5 части 2 статьи 10 обязывает по итогам проведения общественного контроля, не зависимо от его формы, провести процедуру обнародования результатов проверки. Общественный контроль не использует сведения, составляющие государственную тайну, а также персональные данные и информацию, которая ограничена в доступе федеральными законами (часть 1 статьи 8 Закона об общественном контроле). Проверки, осуществляемые государственными структурами, уже могут быть негласными и непубличными, а также могут использовать информацию, которая составляет государственную тайну [21].

Стоит подчеркнуть, что общественный контроль осуществляется на добровольной основе, так как это право граждан и общественных объединений. Однако, принцип добровольности не характерен для государственного контроля, так как государство создает специализированные учреждения для обеспечения функции контроля. Представители отечественной доктрины конституционного права даже отдельно выделяли контрольную ветвь государственной власти [22].

В заключении хотелось бы отметить следующее, с момента учреждения института общественного контроля прошло только полтора года, следовательно, судить об эффективности данного института было бы преждевременно. Однако общественный контроль приобрел массу достоинств в глазах населения. Во-первых, власть стала ближе. Общественные эксперты, инспектора и контролеры получили возможность контролировать определенные сферы в государстве, например, Национальный центр общественного контроля в сфере ЖКХ на базе «Краевой краснодарской корпорация жилищного самоуправления» [13]. Во-вторых, результаты общественного контроля подлежат помимо процедуры обнародования ещё и обсуждению (п.4 ст.6 Закона об общественном контроле). Так, при поддержке Общественного народного фронта был проведён Всероссийский молодежный образовательный форум «Таврида 2015», в рамках которого представители «Народной экспертизы» поделились и обсудили результаты общественного контроля [15].

Как деятельность институтов гражданского общества общественный контроль только начинает развиваться, его рождение и становление проходит по инициативе государства, а не как должно быть в идеальных условиях – по инициативе самого гражданского общества. Общественный контроль необходим и обществу, и государству, так как при правильной расстановке приоритетов общественный контроль сможет снизить уровень коррупции и бюрократии в стране, повысить эффективность всей системы государственной власти и местного самоуправления.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Общество как объект конституционно-правового регулирования // Размышления конституционалиста: Избранные статьи. – М.: МГУ, 2010. – 560 с.
2. Громько С.В., Курячая М.М. Проблемы совершенствования процедур общественных обсуждений и публичных слушаний в механизме общественного контроля в Российской Федерации // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. № 3.
3. Громько С.В. Общественный контроль как форма народовластия // Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции/ Сб. науч. трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. Волгоград, 2015. С. 27-30.
4. Громько С.В., Курячая М.М. Деятельность общественных объединений как форма реализации права граждан Российской Федерации на участие в управлении делами государства и осуществлении местного самоуправления // Право.by. 2015. № 5. С. 138-144.
5. Курячая М.М. Опрос граждан как форма участия населения в решении вопросов государственного управления в субъектах Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 39-46.

6. Курячая М.М. Опрос населения: понятие и основы правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 31-33.
7. Курячая М.М. Право граждан на референдум в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 7. С. 23-26.
8. Курячая М.М. Проблемы обеспечения народного представительства в современном российском парламентаризме // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 12. С. 37-41.
9. Курячая М.М. Публично-правовая ответственность представительных органов и выборных должностных лиц местного самоуправления // Муниципальная власть. 2005. № 5. С. 15-18.
10. Курячая М.М. Технологии краудсорсинга в юридической практике // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 6. С. 31-37.
11. Курячая М.М. Электронная демократия как вызов современной правовой политики // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 41-44.
12. Курячая М.М. Электронное правосудие как необходимый элемент электронной демократии в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 7. С. 52-54.
13. Национальный центр общественного контроля в сфере ЖКХ [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL:<http://gkhkontrol.ru/regions/yfo/krasnodarskii-krai>. Дата обращения 31.10.2015.
14. Огнева Е.А. Формы общественного контроля в современной России: правовые императивы совершенствования // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 4 (2). С. 99-107.
15. Представители «Народной экспертизы» на форуме «Таврида 2015» рассказали о результатах общественного контроля // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL:<http://onf.ru/2015/08/30/predstaviteli-narodnoy-ekspertizy-na-forume-tavrída-rasskazali-o-rezultatah/>. Дата обращения 31.10.2015.
16. Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.
17. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 7. Ст. 776.
18. Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 24. Ст. 2789.
19. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (ч. 1). Ст. 4213.
20. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
21. Феталиев А.И. Об общественном (гражданском) контроле и его законодательной концепции в России // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 1 [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/01/45812>. Дата обращения 31.10.2015.
22. Чиркин В.Е. Контрольная власть // Государство и право. 1993. № 4. С. 10-18.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ОХРАНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ» (ОПЫТ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ И ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА)

Кудинов В.В.

Курганский государственный университет, г.Курган

Аннотация к статье: в статье рассмотрены особенности определения понятия «охрана государственной границы» в сфере конституционно-правового регулирования, проанализирован исторический опыт определения указанного термина. Обоснована необходимость использования специального термина «охрана государственной границы», с учетом образования Евразийского экономического союза (далее ЕАЭС) и Содружества Независимых государств (далее СНГ).

Ключевые слова: суверенитет, безопасность, национальная безопасность, пограничная безопасность, пограничная политика, защита государственной границы; охрана государственной границы; национальные интересы; правовое регулирование.

Обращаясь к истории вопроса об использовании категории «охрана» в законодательстве о государственной границе, необходимо отметить, что еще в Российской империи, согласно Таможенного устава 1819 года, был учрежден «таможенный присмотр», состоящий из команд таможенной стражи по всей границе на которых были возложены задачи по охране рубежей государства. В 1827 году таможенная стража получила военную организацию, в которой объездчиков и стражников набирали из кавалерийских и пехотных полков, а с 1835 года таможенные стражники стали именоваться пограничной стражей, которая в 1893 году была выделена из таможенного управления и преобразована в Отдельный корпус пограничной стражи [15].

В СССР в статьях 5 и 6 Положения об охране государственных границ Союза ССР, утвержденного Постановлением Центрального Исполнительного Комитета СССР и Совета Народных Комиссаров СССР от 15 июня 1927 года, было закреплено, что составной частью охраны государственных границ Союза ССР являлась, в частности, защита пограничного населения от вооруженных нападений.

Статьей 3 Положения о медали «За отличие в охране Государственной границы СССР», утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1950 года [22], было предусмотрено, что этой медалью награждаются «за умелое руководство боевыми действиями пограничного наряда при защите неприкосновенности границы СССР».

В Законе СССР от 24 ноября 1982 года «О государственной границе СССР» было закреплено, что, «...охраняя государственную границу СССР, пограничные войска обязаны... отражать вооруженные вторжения на территорию СССР войсковых групп и банд, пресекать вооруженные и иные провокации на государственной границе СССР, защищать от указанных преступных посягательств население, социалистическую собственность и личную собственность граждан». При этом употребление в приведенном законоположении термина «охрана государственной границы» являлось абсолютно уместным, поскольку в пункте 8 статьи 73 Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик, принятой на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года, речь шла именно об охране «государственных границ и территории СССР» [22].

Данный подход был впоследствии воспринят и российским правом, так как практика осуществления пограничной политики потребовала закрепления законодательного дифференциации опорных (базисных) терминов – «защита государственной границы» [4] как часть системы обеспечения безопасности Российской Федерации и «охрана государственной границы» [4] как подсистемная категория защиты границы.

Самая первая редакция части первой статьи 3 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации» определяла, что охрана государственной границы «... заключается в осуществлении политических, правовых, экономических, военных, оперативных, организационных, технических, экологических, санитарных и иных мер по защите на государственной границе жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз» [22]. В последствии, существенным изменением приводимой статьи закона, стало включение в нее термина «защита государственной границы», и более того – «охрана государственной границы» стала составной частью «защиты», а статья 11.¹ Федерального закона «О федеральной службе безопасности» стала поддерживать данный подход [3].

Правовое оформление этих двух терминов имеет важное юридическое значение, так с точки зрения определения субъектов реализации пограничной политики, так и с точки зрения распределения компетенции между ними, что направлено на решение проблемы координации действий различных государственных структур и объединение их усилий в поддержании пограничной безопасности.

В словаре В. Даля прослеживается логическая последовательность анализируемых категорий: «защищать – то есть оборонять, отстаивать, заступаться, не давать в обиду; а охранять – т.е. стеречь, сторожить, караулить» [18].

Использование последовательности категорий путем включения «охраны» в состав «защиты» в федеральном законодательстве активно оспаривают такие ученые как Р.Л. Гальчук, В.В. Цуканов и А.Ю. Шумилов [16]. Подобная логика прослеживается и в определении, данном С.А. Кондратовым – «охрана организуется для предотвращения внезапного нападения противника» [21]. Кроме того, в Советской Военной Энциклопедии, видимо руководствуясь законодательством того периода, авторы включили в состав охраны государственной границы защиту политических и экономических интересов, отражение вооруженных вторжений, защиту пограничного населения. . . [21].

Таким образом, толковые словари русского языка советского периода и настоящего времени констатируют определенную логику последовательности использования глаголов – изначально объект охраняется, в случае нападения – защищается, кроме того, по времени действия охрана осуществляется постоянно, а защита осуществляется в случае наступления обстоятельств, т.е. нападения.

Соответственно, и история развития законодательства о государственной границе советского периода, лексическое значение глаголов «охранять» и «защищать», приводят к выводу, что изначально государственная граница как объект, для обеспечения ее функционирования охраняется, а в случае вооруженного нападения (вторжения) – защищается [17].

По мнению автора, в зависимости от развития экономической и политической ситуации в России, в законодательства могут быть закреплены положения о преобладании охранных или защитных мер в сфере защиты и охраны государственной границы. При стабильной ситуации предпочтение отдается охране, при росте угроз пограничной

безопасности возникают потребности противодействия им в форме защиты. Поэтому охрана и защита государственной границы являются составными частями обеспечения пограничной безопасности России и обеспечивающими элементами реализации государственной пограничной политики.

Остановившись на опыте обеспечения безопасности границ в государствах входящих в Содружество Независимых государств и Евразийский экономический союз необходимо отметить следующее. В настоящее время проблема конституционно-правового регулирования и определения охраны государственной границы для многих государств является актуальной, так как понятие «охрана государственной границы» либо используются как часть системы обеспечения национальной безопасности, либо как часть защиты государственной границ, при этом определения и образованные на ее основе термины различны.

Так например, согласно закона Азербайджанской Республики от 9 декабря 1991 года «О государственной границе Азербайджанской Республики» охрана государственной границы Азербайджанской Республики неотъемлемая составная часть системы обеспечения национальной безопасности Азербайджанской Республики[7].

Как следует из закона Республики Армения от 17 декабря 2001 года №ЗР-265 «О государственной границе» охрана государственной границы является неотъемлемой частью системы обеспечения национальной безопасности Республики Армения и включает в себя политические, правовые, экономические, военные, оперативные, организационные, технические, режимные, природоохранные, культурные и иные меры, которые гарантируют: неприкосновенность государственной границы; обеспечение соблюдения юридическими и физическими лицами режима государственной границы, пограничного режима и режима пунктов пропуска через государственную границу; защиту жизненных интересов личности, общества и государства от внешней и внутренней угрозы на государственной границе[8].

В законодательстве Республики Казахстан, охрана государственной границы как составная часть защиты государственной границы[9] заключается в проведении уполномоченными органами комплекса мероприятий по недопущению изменения прохождения государственной границы, а также выявлению и пресечению предпосылок, признаков и фактов нарушений режима государственной границы и режима в пунктах пропуска[9].

Охрана государственной границы Кыргызской Республики является неотъемлемой частью общегосударственной системы обеспечения национальной безопасности и заключается в осуществлении системы политических, правовых, организационных, экономических, экологических, технических, оперативных, военных и иных мер: по недопущению противоправного, насильственного изменения установленного прохождения государственной границы, незаконного использования (освоения) сопредельными государствами или их гражданами приграничных участков территории Кыргызской Республики; по обеспечению соблюдения юридическими и физическими лицами установленных вступившими в установленном законом порядке в силу международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика, и законодательством Кыргызской Республики, правоотношений на государственной границе, а также выявлению и пресечению предпосылок, признаков и фактов нарушений государственной границы, режима государственной границы, пограничного режима и режима в пунктах пропуска через государственную границу[10].

Охрана государственной границы, согласно законодательству Республики Таджикистан, является составной частью защиты государственной границы [11] и осуществляется в пределах приграничной территории на суше, реках, озерах и иных водоемах пограничными войсками, а в воздушном пространстве - Военно-воздушными силами и противовоздушной обороны Вооруженных сил Республики Таджикистан в целях недопущения противоправного изменения прохождения государственной границы, обеспечения соблюдения физическими и юридическими лицами режима государственной границы, пограничного режима и режима в пунктах пропуска через государственную границу.

Интересным является определение понятия «охрана государственной границы» в законодательстве Республики Туркменистан, так согласно закона Туркменистана от 4 мая 2013 года №389-IV «О Государственной границе Туркменистана». Охрана государственной границы как составная часть защиты государственной границ [12] заключается в осуществлении правовых, организационных, войсковых, оперативно-розыскных, таможенных, технических, информационных мер постоянного характера по обнаружению и профилактике условий, процессов и факторов, препятствующих реализации национальных интересов или создающих для них опасность на Государственной границе [12]. При этом охрана государственной границы на суше, море, реках (ручьях) и иных водоёмах, а также в морской экономической зоне Туркменистана возлагается на Государственную пограничную службу Туркменистана и осуществляется путём контроля в пограничном пространстве соблюдения всеми физическими и юридическими лицами международных договоров о режиме государственной границы и законодательства Туркменистана по пограничным вопросам, охрана воздушного пространства осуществляется Вооруженными Силами Туркменистана, а охрана территории Туркменистана от заноса различных болезней, вредителей растений и сорняков осуществляется Министерством здравоохранения и медицинской промышленности Туркменистана, Государственной ветеринарной службой при Министерстве сельского хозяйства и Государственной инспекцией по карантину растений Министерства сельского хозяйства, Государственной санитарно-эпидемиологической службой Министерства здравоохранения и медицинской промышленности Туркменистана.

В законодательстве Республики Узбекистан используется понятие «охрана государственной границы», но определения не дается.

Как следует из Закона Украины от 4 ноября 1991 года №1777-ХІ «О государственной границе Украины» охрана государственной границы Украины является неотъемлемой составляющей общегосударственной системы защиты государственной границы [13] и заключается в осуществлении Государственной пограничной службой Украины на суше, море, реках, озерах и других водоемах, а также Вооруженными Силами Украины в воздушном и подводном пространстве в соответствии с предоставленными им полномочиями мер с целью обеспечения неприкосновенности государственной границы Украины [13].

В законодательстве Республики Молдова «охрана государственной границы» - это составная часть государственной системы обеспечения безопасности Республики Молдова, одна из форм национальной обороны. В случае вооруженного вторжения против Республики Молдова, охрану государственной границы в соответствии с законодательством о национальной обороне осуществляют вооруженные силы [14].

Основу законодательства Российской Федерации о государственной границе составляют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные и федеральные законы (законы Российской Федерации).

Согласно части 3 статьи 105 Конституции Российской Федерации все законы, принятые Государственной Думой, передаются на рассмотрение Совета Федерации, что призвано обеспечить учет его мнения в законотворческом процессе. Вместе с тем статья 106 Конституции России фиксирует исключение из этого общего правила, при перечислении законов, которые подлежат обязательному рассмотрению Советом Федерации. Все законы, указанные в ней, принимаются по вопросам, относящимся к исключительному ведению Российской Федерации, причем выбраны лишь наиболее важные, связанные с регулированием отношений в таких сферах, как бюджет, финансы, таможенное дело, международные договоры, защита безопасности государства [1].

Некоторые вопросы в сфере охраны государственной границы закреплены в Федеральном конституционном законе от 17 декабря 1997 года № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации». Так, в соответствии со статьей 20 указанного Федерального конституционного закона Правительство Российской Федерации принимает меры по охране государственной границы [2]: определяет организационные, финансово-экономические и другие основы установления, открытия, функционирования и закрытия пунктов пропуска через Государственную границу Российской Федерации; регулирует деятельность пограничных представителей Российской Федерации; регламентирует порядок применения оружия и боевой техники при охране Государственной границы Российской Федерации. Также Правительство Российской Федерации регламентирует порядок привлечения граждан к охране Государственной границы Российской Федерации, принимает другие меры по охране Государственной границы Российской Федерации в соответствии с Законом Российской Федерации от 1 апреля 1993 года № 4730 - I «О Государственной границе Российской Федерации» [4], другими федеральными законами и международными договорами Российской Федерации.

Основополагающими нормативными правовыми актами, регулирующими общественные отношения в сфере защиты и охраны государственной границы, являются Федеральный закон «О федеральной службе безопасности» и Закон Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации».

В Федеральном законе от 3 апреля 1995 года № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» закреплено, что Федеральная служба безопасности Российской Федерации – это единая централизованная система органов федеральной службы безопасности, осуществляющая решение в пределах своих полномочий задач по обеспечению безопасности Российской Федерации [3]. Одним из направлений деятельности ФСБ России является пограничная деятельность, которая заключается в: защите и охране Государственной границы Российской Федерации в целях недопущения противоправного изменения прохождения государственной границы, обеспечения соблюдения физическими и юридическими лицами режима государственной границы, пограничного режима; защите и охране экономических и иных законных интересов Российской Федерации в пределах приграничной территории, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации, а также в охране за пределами исключительной экономической зоны Российской Федерации запасов анадромных видов рыб, образующихся в реках Российской Федерации [3].

Закон о Государственной границе Российской Федерации конкретизирует конституционно-правовое регулирование в сфере защиты и охраны государственной границы и определяет защиту и охрану государственной границы как часть системы безопасности Российской Федерации и реализации государственной пограничной политики Российской Федерации, что предполагает согласованную деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, осуществляемую ими в пределах своих полномочий путем принятия политических решений, организационно-правовых и иных мер по защите и охране Государственной границы Российской Федерации [4].

Федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности Российской Федерации - ФСБ России - специально уполномочен осуществлять государственное управление в сфере защиты и охраны государственной границы, а также организацию пограничной службы.

В Концепции формирования системы обеспечения интересов Российской Федерации в пограничной сфере отмечено, что целью формирования системы обеспечения интересов России в пограничной сфере является создание благоприятных условий для эффективной деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, осуществляющих полномочия в сфере защиты и охраны государственной границы [5].

Стабильность любого государства тесно связана с безопасностью его границ и в значительной мере обуславливается состоянием пограничной безопасности. Поэтому проблемы обеспечения пограничной безопасности занимают особое место не только в системе безопасности Российской Федерации, но и в системе безопасности всех государств, ведь именно в приграничном пространстве формируется значительная часть угроз и вызовов безопасности сопредельных государств-участников СНГ и государств-членов ЕАЭС.

Как следует из Решения о «Концепции охраны границ государств - участников Содружества Независимых Государств с государствами, не входящими в Содружество» охрана границ является составной частью системы обеспечения безопасности государств-участников СНГ и осуществляется путем реализации комплекса внешнеполитических, экономических, военных, правовых, организационных, технических, оперативных и других мер. Их согласованная деятельность в сфере общих интересов направляется высшими и соответствующими координирующими органами СНГ на: пресечение противоправного, в том числе насильственного, изменения установленного прохождения границ, захвата и незаконного использования (освоения) приграничных участков территорий государств-участников Содружества, защиту на границах интересов государств-участников Содружества от посягательств; предупреждение и противодействие любым проявлениям на границах сепаратизма, национализма, шовинизма и фашизма, а также их использованию против территориальной целостности, суверенитета и независимости какого-либо из государств-участников Содружества[5].

Таким образом, исследование положений нормативных правовых актов приводит к выводу, что конституционно-правовое регулирование охраны государственной границы является одной из важных составляющих в сфере обеспечения безопасности любого государства. Термин «охрана» используются в законодательстве большинства государств-участников СНГ и ЕАЭС, при этом «охрана государственной границы» является частью системы обеспечения национальной безопасности или частью защиты государственной границ, а также определения и образованные на его основе понятия различны.

С учетом вышеизложенного, история развития законодательства о государственной границе советского периода, опыт правового регулирования обеспечения безопасности государственных границ СНГ и ЕАЭС, а также лексическое значение глаголов «охранять» и «защищать», приводят к выводу, что необходим единый подход к определению «охрана государственной границы», как объекта конституционно-правового регулирования в условиях ЕАЭС.

Поэтому можно предложить следующее определение охрана государственной границы Евразийского экономического союза - является неотъемлемой частью межгосударственной системы обеспечения безопасности и составной частью защиты государственных границ государств-членов ЕАЭС. Заключается в осуществлении уполномоченными органами исполнительной власти государств-членов ЕАЭС в случаях и в порядке, определяемых национальным законодательством и международными договорами, системы политических, правовых, организационных, экономических, экологических, технических, оперативных, военных и иных мер.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // Рос. газ. 1993. 25 дек. [По состоянию на 30.12.14.].
2. О Правительстве Российской Федерации: федер. конституц. закон от 17 декабря 1997 года № 2-ФКЗ // Рос. газ. 1998. 4 янв. [По состоянию на 25.09.15.]
3. О федеральной службе безопасности: федер. закон от 3 апреля 1995 года № 40-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 15. Ст. 1269 [По состоянию на 25.09.15.]
4. О Государственной границе Российской Федерации: закон Рос. Федерации (принят 1 апреля 1993 года № 4730-1) // Рос. газ. 1993. № 84. 04 мая. [По состоянию на 25.09.15.]
5. Концепция формирования системы обеспечения интересов Российской Федерации в пограничной сфере: утв. Решением Государственной пограничной комиссии от 28 января 2005 г. [По состоянию на 25.09.15.]
6. Решение о Концепции охраны границ государств - участников Содружества Независимых Государств с государствами, не входящими в Содружество (Минск, 26 мая 1995 г.) Текст решения опубликован в Бюллетене международных договоров, 1996 г., № 2, стр. 3, в Информационном вестнике Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ "Содружество", 1995 г., № 2, стр. 52.
7. О государственной границе Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]: закон Азербайджанской Республики от 9 декабря 1991 года №13 (с) «VES Consultancy» LLC (дата обращения 20.04. 2015).

8. О государственной границе [Электронный ресурс] : закон Республики Армения от 17 декабря 2001 года №ЗР-265 // Принят Национальным Собранием Республики Армения 20 ноября 2001 года (по состоянию на 20 октября 2003 года) <http://www.odkb-armenia.am/index.php/ru/document/database/22-zakon-respubliki-armeniya-o-borbe-s-terrorizmom-ot-22-marta-2005-goda> (дата обращения 22.03. 2015)
9. О Государственной границе Республики Казахстан [Электронный ресурс]: закон Республики Казахстан от 16 января 2013 года №70-V ЗПК (с) VES Consultancy LLC (дата обращения 20.06. 2015)
10. О Государственной границе Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: закон Кыргызской Республики от 16 мая 2015 года №98 (с) VES Consultancy LLC (дата обращения 20.07. 2015)
11. О Государственной границе Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: закон Республики Таджикистан от 1 августа 1997 года № 481 (по состоянию на 26 марта 2009 года) (с) VES Consultancy LLC (дата обращения 20.05. 2015)
12. О Государственной границе Туркменистана [Электронный ресурс]: закон Туркменистана от 4 мая 2013 года №389-IV (В редакции Закона Туркменистана от 20.12.2014 г.) (с) VES Consultancy LLC (дата обращения 20.06. 2015)
13. О государственной границе Украины [Электронный ресурс]: Закон Украины от 4 ноября 1991 года №1777-XII (с) VES Consultancy LLC (дата обращения 20.08. 2015)
14. О государственной границе Республики Молдова [Электронный ресурс]: закон Республики Молдова от 4 ноября 2011 года № 215 (с) VES Consultancy LLC (дата обращения 20.08. 2015)
15. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 46. С. 37.
16. Гальчук Р.Л. Механизм правового регулирования пограничной деятельности: сущность, структура и критерии эффективности: монография. – Ростов н/Д. Рост. гос. ун-т путей сообщения, 2009. – 132 с.;
17. Гвоздев А.Б., Гурьянов А.А. Статус государственной границы Российской Федерации: теоретико-правовые, международные и военные аспекты: монография. – 3-е изд. – М.: Издательская группа «Граница», 2015.
18. Даль В. Толковый словарь великорусского языка: Т. 1 – М.: Рус. яз., 1989. С. 668, 774.
19. Цуканов, В.В., Шумилов, А.Ю. Гласная помощь граждан России пограничной полиции как общая проблема административного, военного и оперативно-розыскного права: монография. – М.: Изд-ль Шумилова И.И., 2008, – С. 21.
20. Закон «О пограничной безопасности» станет базовым // Пограничник Содружества, апрель-июнь 2009. – С. 6.
21. Большая энциклопедия: В 62 томах. / Под ред. С.А. Кондратова. Т. 35. – М.: ТЕРРА, 2006.С. 5.
22. Советская Военная Энциклопедия: под ред. Н.В. Огаркова – М.: Воениздат, 1978г. Т.6. С.178-179.

ЭВОЛЮЦИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В МИРОВОЙ ПРАКТИКЕ

Матрёнина К.Ю.

Тюменский государственный университет, г.Тюмень

В настоящее время мы наблюдаем рост масштабов применения новых информационных технологий в жизни как российского, так и мирового общества. Использование новых технологий в государственном и муниципальном секторе, науке, образовании, здравоохранении и прочих сферах деятельности побуждает правительства разных государств, межгосударственные и международные организации активно внедрять их в практику государственного и политического управления. Заметно влияние информационных технологий и на избирательный процесс: применение на выборах биометрических технологий при регистрации избирателей в ряде зарубежных стран, использование машин для электронного голосования (далее – ЭГ) как в России, так и за рубежом, онлайн-вопрос общественного мнения и т. д.

Стоит отметить, что у электронных выборов немало преимуществ перед традиционными выборами. Несмотря на то, что разработать схему и произвести электронные устройства достаточно дорого, в действительности электронные выборы дешевле, поскольку затраты на них одноразовые. В результате, появляется возможность чаще проводить выборы, люди будут больше участвовать в управлении государством, оказывать большее влияние на политику. Второй важный аргумент в пользу ЭГ — мобильность.

Развитие технологий голосования, особенно в последнее время, приобретает в общемировой практике массовый характер, а накопленный опыт позволяет уже сейчас говорить об установлении единых стандартов и требований к модернизации избирательного процесса. С каждым годом увеличивается количество государств, которые только обсуждают или уже используют системы электронного голосования (далее – СЭГ) на своей территории. Так, в 2009 г. 47 государств (24,3%) обсуждали или уже использовали СЭГ [5], в 2011 г. — 108 (56%) [6], в 2015 г. — 99 (51,3) [7].

Был проведен детальный анализ распространенности СЭГ. Так, с 2009 г. по 2011 г. количество государств, изучающих и разрабатывающих СЭГ, увеличилось на 13,4%. При этом увеличилось и количество государств, использующих машины для ЭГ и применяющих Интернет-голосование, с 2,6% (2009 г.) до 6,2% (2011г.). В 2011г. 16,6% государств стали использовать иные избирательные технологии. В 2015 г. государства перешли от обсуждений к разработке конкретных пилотных проектов по ЭГ.

Примечательно, что в 2009 г. разрабатывали и использовали СЭГ преимущественно государства с очень высоким индексом развития человечества (далее — ИРЧ) (33 государства) и высоким ИРЧ (10 государств). Совместное использование машин для ЭГ и Интернет-голосования было распространено только в государствах с очень высоким ИРЧ.

В 2011 г. картина изменилась: многие государства со средним ИРЧ и, даже, низким ИРЧ стали обсуждать применение на своей территории различных средств ЭГ, а некоторые из них — уже использовали в 2011 г. иные избирательные технологии.

2015 год характеризуется использованием машин для обработки избирательных бюллетеней и машин для ЭГ на территории государств не только с очень высоким и высоким ИРЧ, но и на территории государств со средним ИРЧ (5 государств) и низким ИРЧ (1 государство).

В новейшей истории, по мнению ряда зарубежных исследователей, можно выделить три различных типа стран по критерию их отношения к ЭГ [1, 46].

Во-первых, государства, которые не применяют формы ЭГ на выборах в силу их недостаточной технологической разработанности. В частности, ряд государств (Ирландия, Германия и др.) остановили использование и обсуждение СЭГ. Однако большинство государств не так критично относятся к ЭГ. Примечательно, что еще в 2009 г. только 2 африканских государства стали обсуждать, разрабатывать СЭГ, а в 2015 г. их число достигло 20. При этом Намибия стала уже использовать СЭГ в своей избирательной системе.

Во-вторых, государства, которые применяют формы ЭГ исключительно на избирательном участке (например, США).

В-третьих, государства, которые видят перспективу в дальнейшем внедрении Интернет-голосования в условиях неконтролируемой (виртуальной) среды (например, Эстония, Индия, Канада).

Был проведен сравнительный анализ распространения ЭГ и, в целом, избирательных технологий в различных частях света. Из Табл.1 видно, что в 2009 г. государства Европы занимали первое место среди иных государств, обсуждающих или использующих СЭГ в национальном избирательном процессе. Их число составляло 11,9% от всех государств мира.

Таблица 1

Мировой опыт в сфере электронного голосования в 2009 году

	Государства, изучающие и разрабатывающие СЭГ	Государства, использующие машины для ЭГ	Государства, применяющие Интернет-голосование	Государства, использующие машины для ЭГ, а также применяющие Интернет-голосование	Государства, приостановившие эксперименты по ЭГ
Часть света	Количество государств (%)	Количество государств (%)	Количество государств (%)	Количество государств (%)	Количество государств (%)
Америка	3 (1,55%)	4 (2%)	0 (0%)	1 (0,5%)	0 (0%)
Европа	17 (8,8%)	1 (0,5%)	3 (1,55%)	2 (1%)	3 (1,55%)
Азия	3 (1,55%)	5 (2,6%)	0 (0%)	1 (0,5%)	0 (0%)
Африка	2 (1%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
Австралия и Океания	1 (0,5%)	0 (0%)	0 (0%)	1 (0,5%)	0 (0%)

В соответствии с Табл.2 в 2011г. государства Азии (16%) стали активно обсуждать и использовать средства ЭГ в избирательной системе. Тем самым, азиатские страны стали занимать первое место по развитию ЭГ, а государства Европы, соответственно, оказались на втором месте (14,5%).

Мировой опыт в сфере электронного голосования в 2011 году

	Государства, изучающие и разрабатывающие СЭГ	Государства, использующие машины для ЭГ	Государства, применяющие Интернет-голосование	Государства, использующие машины для ЭГ, а также применяющие Интернет-голосование	Государства, использующие иные избирательные технологии	Государства, приостановившие эксперименты по ЭГ
Часть света	Количество государств (%)	Количество государств (%)	Количество государств (%)	Количество государств (%)	Количество государств (%)	Количество государств (%)
Америка	9 (4,6%)	2 (1%)	0 (0%)	3 (1,55%)	5 (2,6%)	0 (0%)
Европа	18 (9,3%)	2 (1%)	1 (0,5%)	5 (2,6%)	2 (1%)	3 (1,55%)
Азия	16 (8,3%)	4 (2%)	0 (0%)	3 (1,55%)	8 (4,1%)	0 (0%)
Африка	8 (4,1%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	15 (7,8%)	0 (0%)
Австралия и Океания	1 (0,5%)	0 (0%)	0 (0%)	1 (0,5%)	2 (1%)	0 (0%)

Исходя из Табл.3, положения тройки ведущих частей света в сфере ЭГ, никак не изменились (Азия — 15%, Европа — 14,5%, Америка — 10,3%)

Таблица 3

Мировой опыт в сфере электронного голосования в 2015 году

	Государства, изучающие и разрабатывающие СЭГ	Государства, использующие машины для ЭГ	Государства, применяющие Интернет-голосование	Государства, использующие машины для ЭГ, а также применяющие Интернет-голосование	Государства, приостановившие эксперименты по ЭГ
Часть света	Количество государств (%)	Количество государств (%)	Количество государств (%)	Количество государств (%)	Количество государств (%)
Америка	13 (6,7%)	0 (0%)	6 (3,1%)	1 (0,5%)	0 (0%)
Европа	13 (6,7%)	4 (2%)	3 (1,55%)	4 (2%)	4 (2%)
Азия	15 (7,8%)	0 (0%)	11 (5,7%)	2 (1%)	1 (0,5%)
Африка	19 (9,8%)	0 (0%)	1 (0,5%)	0 (0%)	0 (0%)
Австралия и Океания	2 (1%)	0 (0%)	1 (0,5%)	0 (0%)	0 (0%)

Говоря об опыте ЭГ в зарубежных странах, необходимо рассмотреть существующие серьезные риски, связанные с возможностью вторжения извне в системы обработки голосов избирателей, поданных при помощи дистанционных способов голосования (Интернет-голосование, голосование по мобильному телефону и т. д.) [2]. Принцип защиты волеизъявления избирателей является одним из основополагающих принципов избирательного права. Сложности в обеспечении данного принципа в рамках ДЭГ обусловлены необходимостью фиксировать и хранить как данные, связанные с идентификацией личности избирателя, так и непосредственные данные о поданных голосах избирателей, необходимые впоследствии для установления итогов голосования. При этом в мировой практике уже выработан достаточно универсальный подход к решению данного вопроса. Он заключается в том, что два вида указанных данных хранятся на обособленных друг от друга носителях, не позволяющих идентифицировать и соотнести данные о личности избирателя и сделанном им выборе. Так, в Канаде данные о личности избирателей и о поданных ими голосах записываются на отдельные носители информации [4, 12]. Это необходимо в случае возникновения споров о результатах выборов и, соответственно, пересчета голосов.

В Швейцарии тайна голосования обеспечивалась тем, что отсутствовал какой-либо единый поименный список избирателей, голосующих при помощи сети Интернет, а были только номера действительных карт для

голосования. При определении результата голосования нельзя было идентифицировать личность проголосовавшего, а только его номер. Также было предусмотрено «перемешивание» электронной урны для голосования перед ее открытием, т. е. электронные бюллетени считывались не по мере их поступления, а в произвольном порядке.

Одним из существенных различий в применяемых в зарубежных странах моделях ЭГ является создание подтверждающего бумажного носителя поданного электронным способом голоса. Например, в Австралии закреплено правило, согласно которому для каждого переданного в избирательную комиссию электронного голоса должен создаваться подтверждающий бумажный носитель, в котором не должно содержаться сведений, позволяющих идентифицировать личность избирателя и поданный им голос.

В ряде государств не предусмотрено создание подтверждающего бумажного носителя, например, в Бельгии, Финляндии, Эстонии. В ряде случаев это повлекло за собой значительные нарушения избирательных прав и последующие судебные споры. Так, в Финляндии при проведении ЭГ непосредственно на избирательных участках голоса 2% избирателей не были в электронной системе [4, 12]. Однако данное обстоятельство стало возможным и из-за неправильного использования самими избирателями технических устройств: одни избиратели не подтвердили на экране устройства для голосования сделанный выбор, другие извлекли идентифицирующую карту из этого устройства до полного завершения процедуры голосования. Верховный Суд Финляндии постановил признать данные выборы несостоявшимися и назначить новые выборы. Это решение обосновывалось тем, что инструкции, полученные избирателями по почте и касающиеся порядка голосования, были неверными, а также тем обстоятельством, что интерфейс терминалов ЭГ также явился причиной возникших нарушений.

Безусловно, для российской избирательной практики международный опыт ЭГ может стать отличным фундаментом в деятельности по реформированию российского избирательного процесса. Однако не стоит забывать о справедливом утверждении Ильина И. А. о том, что «каждый народ и каждая страна есть живая индивидуальность со своими особыми данными, со своей неповторимой историей, душой и природой ... Слепое заимствование и подражание нелепо, опасно и может стать гибельным» [3, 30].

Список литературы

1. Антонов, Я.В., Овчинников, В.А. Международный опыт электронного голосования / Я.В. Антонов, В.А. Овчинников // Сборник конкурсных работ в области избирательного права и избирательного процесса, повышения правовой и политической культуры избирателей (участников референдума), организаторов выборов, участников избирательных кампаний, выполненных студентами и аспирантами высших учебных заведений (юридических вузов и факультетов, правовых кафедр) Российской Федерации в 2010/2011 учебном году. — М.: РЦОИТ, 2011. — С. 43—60.
2. Вешняков, А.А. Проблемы использования Интернета на выборах в Российской Федерации / А.А. Вешняков // Информационное право. — 2006. — № 3. — С. 15—22.
3. Ильин, И.А. Почему мы верим в России: сочинения / И.А. Ильин. — М.: Эксмо, 2006. — 912 с.
4. Павлушкин, А.В., Постников, А. Е. Правовой механизм дистанционного электронного голосования (анализ возможной модели) / А.В. Павлушкин, А. Е. Постников // Журнал российского права. — 2009. — № 11. — С. 5—13.
5. World map of electronic voting. 2009 [Электронный ресурс] // E-voting.CC: [Official website]. — URL: <http://neu.e-voting.cc/wp-content/uploads/2012/03/e-voting-map-2009.pdf> (дата обращения: 22.10.2015).
6. World map of electronic voting. 2011 [Электронный ресурс] // E-voting.CC: [Official website]. — URL: http://neu.e-voting.cc/wp-content/uploads/2012/03/e-voting_map_2011.pdf (дата обращения: 22.10.2015).
7. World map of electronic voting. 2015 [Электронный ресурс] // E-voting.CC: [Official website]. — URL: http://www.e-voting.cc/wp-content/uploads/2012/03/e-voting_worldmap_2015.pdf (дата обращения: 22.10.2015).

СЕКЦИЯ №3.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.03)

ГОРНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ КАК ИМУЩЕСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС

Козлов Д.В.

Южный Федеральный университет, г.Ростов-на-Дону

В соответствии с ГК организационно-правовой формой горного предприятия может выступать любая коммерческая корпоративная организация, за исключением, пожалуй, производственного кооператива, а также государственные и муниципальные унитарные предприятия.

Как объект прав предприятие рассматривается в качестве имущественного комплекса, используемого для осуществления предпринимательской деятельности и признаваемого недвижимостью. В состав предприятия как имущественного комплекса входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (коммерческое обозначение, товарные знаки, знаки обслуживания), и другие исключительные права (ст. 132 ГК).

Можно выделить следующие типы имущественных комплексов: комплекс, состоящий из вещей, как движимых, так и недвижимых, и обязательств; комплекс обязательств; сложная вещь (комплекс, состоящий из вещей, как движимых, так и недвижимых).

При этом главным в составе имущественного комплекса для горного предприятия является единый недвижимый комплекс – совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и другие), либо расположенных на одном земельном участке, если в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь (ст. 133.1 ГК). Единый недвижимый комплекс выступает основой горного предприятия и с его помощью и осуществляются все работы по добыче и первичной переработке извлеченных полезных ископаемых. Замена отдельных составных частей неделимого комплекса другими составными частями не влечет возникновения иной вещи, если при этом существенные свойства вещи сохраняются.

В ряде случаев, как правило, на небольших и средних производствах, единый недвижимый комплекс фактически сливается с имущественным комплексом предприятия. Если они не совпадают, то единый недвижимый комплекс позиционируется как главная вещь, а остальные составные части имущественного комплекса как его принадлежность (ст. 135 ГК).

Под категорию сложной вещи единый недвижимый комплекс отнести нельзя, поскольку составляющие части, из которых состоит сложная вещь, физически не связаны между собой и каждая из них может использоваться самостоятельно по тому же назначению, что и вместе с ними, и при этом не играет применительно к ним роль принадлежности. Соответственно отсутствует неразрывная физическая или технологическая связь, которая является важнейшей, существенной чертой единого недвижимого комплекса.

Подобное решение, оформленное в ГК в 2013 году, предлагалось в юридической науке достаточно давно. А.Ф. Стругов предложил в качестве решения проблемы разделить горное имущество на связанное и несвязанное. Связанное горное имущество состоит из недвижимого имущества и части движимого имущества, которое не может быть отделено от недр без нанесения несоразмерного ущерба недрам (горные выработки, скважины, элементы их крепления и обсадки, система водоотлива и приустьевое наземное оборудование горных выработок, стволы, подъездные пути, маркшейдерские знаки и другое имущество). Перечень связанного горного имущества определяется по каждому объекту недропользования в зависимости от горно-геологических свойств недр, вида полезного ископаемого, технологии ведения добычных работ. Соответственно несвязанным признается имущество, подлежащее демонтажу и перемещению и не оказывающее влияния на состояние недр (буровые установки, погрузочные машины, средства передвижения). У недропользователя при прекращении права пользования недрами может быть отчуждено только связанное горное имущество.

Аналогичную точку зрения развивали и П.Г. Лахно, Е.Ю. Мазков, Д.Н. Шмелева выделявшие технологический комплекс обустройства месторождения, который в целом является одной вещью. Элементами

технологического комплекса обустройства месторождения являются скважины, установленное на них оборудование, кустовые насосные и дожимные насосные станции, внутренние трубопроводы, соответствующая аппаратура и тому подобное имущество, непосредственно обеспечивающее процесс добычи нефти и газа из пласта. Все элементы технологического комплекса технически и технологически связаны между собой и составляют одно целое. Однако это не означает, что все имеющееся на лицензионном участке имущество входит в состав технологического комплекса обустройства месторождения. Технологический комплекс представляет собой комплекс лишь такого имущества, которое все вместе используется для непосредственного извлечения нефти и газа из пласта.

Понятие технологического комплекса упоминается в ряде действующих законодательных актов, посвященных регулированию процедуры банкротства естественных монополий топливно-энергетического комплекса. ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» упоминает о технологическом комплексе в ст. 200 применительно к правовому регулированию внешнего управления субъектом естественной монополии. В соответствии с п. 2 указанной статьи внешний управляющий не вправе отчуждать имущество должника, представляющее собой единый технологический комплекс субъекта естественной монополии. К указанному имуществу относится недвижимое и иное имущество, непосредственно используемое для производства и (или) реализации товаров (работ, услуг) в условиях естественной монополии, и запасы расходуемого сырья и материалов, которые используются для исполнения договоров, связанных с деятельностью должника в качестве субъекта естественной монополии.

В качестве примера можно рассмотреть «сооружения обустройства месторождений нефти и газа», которые создаются или приобретаются недропользователем, непосредственно обеспечивает процесс недропользования и необходимо для проведения всего цикла работ по поиску, разведке и добыче полезных ископаемых и обеспечения их безопасности. Сооружения обустройства месторождений нефти и газа - это такое горное имущество, которое обеспечивает добычу углеводородного сырья. Понятие «горное имущество» не зависит от вида добываемого полезного ископаемого и применяется к характеристике имущества, непосредственно обеспечивающего добычу любого полезного ископаемого. Таким образом, сооружения обустройства месторождений нефти и газа - это горное имущество в нефтегазовом комплексе. Представляется, что понятия «горное имущество» и «сооружения обустройства месторождений нефти и газа» соотносятся как общее и частное, то есть как главная вещь и принадлежность.

В соответствии с данным определением выделяются следующие юридические признаки сооружений обустройства месторождений нефти и газа: 1) являются недвижимым имуществом; 2) используются для добычи нефти и газа; 3) в границах конкретного месторождения используются комплексно и входят в единую схему обустройства месторождения; 4) в комплексе обеспечивают весь цикл работ по геологическому изучению, поиску, разведке и добыче полезных ископаемых.

При этом следует учитывать, что скважины как часть сооружений не являются частью недр, несмотря на тесную с ними связь, и не исключены из гражданского оборота что дополнительно подтверждается материалами судебной практики.

Завершая рассмотрение частного-правового режима доступа к недрам следует признать о незначительном влиянии норм частного права на отношения недропользования. В отличие от других природных ресурсов в отношении недр не действует договорной режим по использованию недр; изменения десятых годов нынешнего столетия земельного, лесного и водного законодательства, отраженные в соответствующих кодексах, не нашли отклика в горном праве. Общераспространённые полезные ископаемые подвергаются частно-правовому регулированию по причине их признания составной частью (принадлежностью) земельного участка. Как самостоятельный объект прав недра изъяты из гражданского оборота.

В результате частное право распространяет свое действие только на горные предприятия, регулируя вопросы с оборотом и использованием имущества таких предприятий, необходимого для осуществления горнодобывающей и перерабатывающей деятельности. Однако поскольку участки недр, предоставляются предприятиям на основании лицензии, воздействие частного права на горные отношения носит очень опосредованный характер.

Список литературы

1. ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой ГК РФ» от 02.07.2013 № 142-ФЗ // Российская газета от 05.07.2013 № 145.
2. ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Российская газета от 02.11.2002 № 209-210.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Отв. ред. О.Н. Садилов. М.: Контракт; Инфра-М, 1998. – 778с.

4. Лахно П.Г. Мазков Е.Ю. Шмелева Д.Н. Правовой режим сооружений обустройства нефти и газа// Энергетика и право. Выпуск 2 (под ред. Лахно П.Г.). –М: Система ГАРАНТ, 2009.
5. Стругов А.Ф. О горном имуществе и имущественных отношениях при прекращении пользования недрами // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 1997. № 5. С. 31-32.
6. Постановление Президиума ВАС РФ «О протесте Генерального прокурора РФ на постановление ФАС Западно-Сибирского округа по делу № 4-187» от 26.09.2000 № 3531/00 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2001. № 1.

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДОГОВОРА КОММЕРЧЕСКОГО НАЙМА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Корнилова Н.В.

Хабаровский государственный университет экономики и права, г.Хабаровск

Одной из форм удовлетворения потребности в жилище является договор коммерческого найма жилого помещения. В пункте 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» разъяснено, что «жилое помещение может выступать объектом как гражданских, так и жилищных правоотношений, судам следует иметь в виду, что гражданское законодательство в отличие от жилищного регулирует отношения, связанные с владением, пользованием и распоряжением жилым помещением как объектом экономического оборота (например, сделки с жилыми помещениями, включая передачу в *коммерческий наём* (выделено мною – Н.К.) жилых помещений)».

Договору коммерческого найма жилого помещения посвящена глава 35 ГК РФ, но если обратиться к наименованию Главы 35, то она носит наименование «Наём жилого помещения». И ни ГК РФ, ни ЖК РФ не оперируют понятием «договор коммерческого найма жилого помещения». И некоторые ученые вообще отрицают возможность использования термина «коммерческий наём». Так, Е.А. Трушин, отказывая в применении термина «коммерческий наём», исходил из того, что глава 35 ГК РФ не содержит обязанности собственника по извлечению прибыли от сдачи жилья внаём, а плата за наём – это не прибыль собственника, а нормальное погашение издержек собственника по содержанию жилого помещения [5, с. 5]. Вместе с тем, если мы обратимся к договору аренды (имущественного найма), то и в нём мы не увидим прямо закреплённой обязанности арендодателя по извлечению прибыли от сдаваемого в аренду имущества.

Кроме того, нельзя согласиться с тем, что термин "коммерческий" по отношению к найму жилого помещения в научной доктрине не общепринят [1, с. 51-54]. Общеизвестно, что термин «коммерческий наём» был введён в оборот в 1996 году П.В. Крашенинниковым, который для характеристики найма жилого помещения в домах (квартирах) граждан и организаций, осуществляемого, как правило, на коммерческих началах, использовал термин «коммерческий наём» [2]. И с тех пор практически ни один труд, посвящённый отношениям найма на коммерческих началах, не обходится без применения словосочетания «коммерческий наём».

Поэтому в свете выстроенной в законодательстве системы договоров найма жилых помещений [3] корректнее было бы внести изменения в наименование Главы 35 ГК РФ, обозначив её «Коммерческий наём жилого помещения».

Если обратиться к законодательству, то только в ЖК РФ применительно к одному из жилищных фондов, классифицируемых в зависимости от целей использования, применяется понятие «жилищный фонд *коммерческого использования* (выделено мною – Н.К.)», под которым понимается совокупность жилых помещений, используемых собственниками таких помещений для проживания граждан на условиях возмездного пользования, предоставлены гражданам по иным договорам, предоставлены собственниками таких помещений лицам во владение и (или) в пользование. Жилищный фонд коммерческого использования позволяет собственникам извлекать доход путём предоставления таких жилых помещений гражданам на условиях возмездного пользования. Сразу встаёт закономерный вопрос: а может ли государственный и муниципальный жилищный фонд использоваться в коммерческих целях. Представляется, что никаких ограничений для этого нет.

Под договором коммерческого найма жилого помещения понимается соглашение, согласно которому одна сторона - собственник жилого помещения или управомоченное им лицо (наймодатель) - обязуется предоставить другой стороне (нанимателю) жилое помещение за плату во владение и пользование для проживания в нем (п. 1 ст. 671 ГК РФ).

Договор коммерческого найма жилого помещения относится к консенсуальным, взаимным и возмездным договорам.

Договор коммерческого найма жилого помещения считается заключённым с момента достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям договора. Таким условием в договоре коммерческого найма жилого помещения является предмет, без согласования которого договор считается незаключённым.

Взаимность договора коммерческого найма жилого помещения предопределена наличием взаимных прав и обязанностей у нанимателя и наймодателя: наймодатель обязан предоставить нанимателю жилое помещение пригодное для постоянного проживания, а наниматель обязан использовать жилое помещение по назначению и оплатить проживание.

Договор коммерческого найма жилого помещения является возмездным, так как за предоставление жилого помещения наниматель обязуется предоставить наёмную плату. Кроме того, договор коммерческого найма жилого помещения относится к срочным договорам. Согласно п. 1 ст. 683 ГК РФ договор коммерческого найма жилого помещения заключается на срок, не превышающий пяти лет.

Высказывается точка зрения, согласно которой «гл. 35 ГК РФ раскрывает общие положения найма жилого помещения, имеющие отношение ко всем видам найма жилого помещения (договор социального найма, договор найма специализированного жилищного фонда)»[4, с. 22-29], а в ГК РФ и ЖК РФ отсутствуют соответствующие разделы, посвящённые договору коммерческого найма жилого помещения. Да, в ЖК РФ мы можем лишь встретить определение «жилищного фонда коммерческого использования», который перечисляется среди иных жилищных фондов. Но, как мы уже отмечали выше, Глава 35 ГК РФ как раз направлена на урегулирование отношений по коммерческому найму жилого помещения.

Если говорить об источниках правового регулирования договора коммерческого найма жилого помещения, то несмотря на распространённость договора, он практически не урегулирован в специальных нормативно-правовых актах. Упоминание о нём мы можем встретить только в некоторых нормативно-правовых актах. Так, применяются к отношениям по коммерческому найму жилого помещения Правила пользования жилыми помещениями, утверждённые постановлением Правительства Российской Федерации от 21 января 2006 г. № 25.

Упоминается договор коммерческого найма жилого помещения в нормативно-правовых актах, посвящённых компенсации командировочных расходов и расходов за наём отдельных категорий граждан. Так, согласно п. 41 Приказа МЧС России от 10.01.2008 г. № 3 «Об организации служебных командировок военнослужащих спасательных воинских формирований МЧС России и сотрудников Государственной противопожарной службы в системе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» военнослужащим (сотрудникам), направленным в командировки, возмещаются фактические расходы по найму жилого помещения, в том числе в случае заключения ими с учётом требований гражданского законодательства и ЖК РФ *договоров коммерческого найма* (выделено мною – Н.К.), подтвержденные соответствующими документами, в размере, установленном Правительством РФ. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 07.06.2012 г. № 124 «Об утверждении положения о выплате денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений судьям судов общей юрисдикции» утверждены порядок выплаты и расчёта денежной компенсации за наём (поднаём) жилых помещений судьям судов общей юрисдикции, основания и порядок изменения размеров и прекращения такой выплаты, а также форма примерного договора найма жилого помещения гражданином (физическим лицом) у гражданина (физического лица) или у юридического лица.

Список литературы

1. Бобровская О.Н. Договор коммерческого найма: перспективы развития // Современное право. 2010. № 2. С. 51 - 54.
2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть вторая) / под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. М.: МЦФЭР, 1996.
3. Корнилова Н.В. Система договоров найма жилого помещения в российском праве // Актуальные проблемы развития общества: правовые, экономические и социальные аспекты: сб. науч. ст. по итогам Всероссийской научно-практической конференции / Под редакцией И.Е. Бельских. Волгоград, 2014.
4. Садовникова Е.В. Правовая характеристика договора коммерческого найма жилого помещения // Право и экономика. 2010. № 1. С. 22 - 29.
5. Трушин Е.В. Регулирование договоров социального найма жилого помещения и найма жилого помещения нормами жилищного и гражданского законодательства // Жилищное право. 2000. № 3.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИОМАТЕРИАЛА ЧЕЛОВЕКА

Пестрикова А.А.

Самарская Гуманитарная Академия, г. Самара

Вопросы биомедицины и биоэтики тесным образом связаны именно с правовой постановкой проблемы, необходимо четкое, детальное регулирование всех аспектов, связанных с оборотом биоматериала человека.

Генетические модификации, тканевая инженерия, исследования стволовых клеток, биотехнологические процедуры изменяют наши привычные представления об отношении к человеческому организму. Дебаты философов и юристов вокруг биотехнологий становятся все ярче и сложнее с каждым новым достижением науки. Поднимаются вопросы, которые еще в недавнем прошлом даже и не возникали в сознании людей, например, право собственности в отношении человеческих органов, тканей и клеток, патентование определенной последовательности генов, клонирование органов и тканей и др.

Современное развитие медицинских технологий требует четкого правового регулирования, с учетом интересов, как конкретных индивидов, так и всего общества в целом, в том числе и мирового сообщества.

Уже несколько лет в РФ рассматривается законопроект о биомедицинских клеточных технологиях, обсуждение которого стало предметом многочисленных дискуссий среди ученых различных сфер деятельности. Биомедицинские клеточные технологии являются инновационными технологиями, с помощью данных технологий возможна разработка лекарственных препаратов и новых методик по лечению социально-значимых заболеваний, и что немаловажно, неизлечимых на сегодняшний день. На сегодняшний день применение этих технологий носит экспериментальный характер, поэтому необходимо очень четко определить порядок их использования с целью обеспечения, как национальной безопасности, так и здоровья населения.

Очевидно, что на современном этапе необходимо создавать четкую концептуальную систему законодательного регулирования оборота биоматериала человека. В первую очередь хотелось бы затронуть аспект возможности участия биоматериала в гражданском обороте, а это предполагает наделение данных объектов характеристиками в качестве объектов гражданских прав и рассмотрение их в свете вещно-правовой концепции.

Вопросы, связанные с использованием клеток, органов и тканей не только в целях донорства и трансплантации, но и с использованием их для получения дальнейших продуктов (например, лекарственных средств и препаратов, новых способов лечения и пр.), которые имеют потенциальную коммерческую ценность, поднимают важную проблему права собственности не только на отделяемые части человеческого организма, но и на конечные результаты их использования. Например, кто должен иметь права собственности на клонированный орган? Тем более в настоящий момент уже имеется некоторая судебная практика, связанная со спорами в отношении использования биоматериала и конечных продуктов их использования. Речь также идет о вопросах защиты уникальной ДНК, которая может быть использована в научных или других целях. Необходимо ли признавать исключительное право на ДНК? Может ли донор ДНК претендовать на право собственности в отношении органов, полученных с использованием данной ДНК или претендовать на часть прибыли, полученной от использования препаратов, созданных на основе генетического материала?

Биотехнологии становятся самым важным этапом развития, как медицины, так и открывают новые горизонты для науки, бизнеса и человечества в целом. Использование препаратов, созданных на основе клеточного материала, приобретает все большее распространение по всему миру. Передовыми странами в сфере биомедицинских технологий являются США, Япония, Великобритания, Сингапур и Австралия. В этих странах, за исключением США, законодательно запрещено клонирование человека в целях репродукции. Австралия и Великобритания имеют формальные возможности клонирования человеческих эмбрионов, а также использовать неиспользованные человеческие эмбрионы (созданные для репродукции) в научных целях. Теоретические подобные возможности есть в Японии и Сингапуре, но для этого необходимо разрешение соответствующих государственных органов. В США все исследования с человеческими эмбрионами контролируются Национальным институтом здоровья [2].

Владельцы биобанков имеют приоритетное право на биоматериал, хранящийся там. Но остается открытым вопрос, человек, чей биоматериал хранится в банке, сохраняет права на него, включая права на полученные в результате их использования продукты (например, лекарственные средства, которые могут иметь высокую стоимость и широкое распространение).

По мнению некоторых авторов, человек имеет право собственности на части своего тела, только когда они не отделены от него. После отделения от организма (за исключением, крови, спермы и яйцеклеток) признание права собственности зависит от ряда обстоятельств. Если передача биоматериала была намеренной и свободной для

научных целей, то следует признавать данный акт как ненаправленный дар (то есть для свободного неопределенного использования) [3]. Как интересно отмечает Feldman «...у вас нет права собственности на клетки своего организма, отделенные от него, потому что закон должен защитить человека от возможной экономической эксплуатации. Но в то же время, закон позволяет биомедицинским лабораториям и компаниям получать прибыль от использования биоматериала» [4]. Таким образом, можно отметить, необходимость получения согласия на использование биоматериала (целевое или без определения цели) является основным фактором, защищающим права медицинских и научных организаций при работе с биоматериалом, а также наличие публичного интереса.

В настоящее время нет единого мнения, кто должен выступать собственником биоматериала, отделенного от человека: донор этого материала, медицинская организация или врач (ученый). Последняя судебная практика делает вывод о признании права собственности за медицинскими организациями или научными лабораториями. И даже если право на биоматериал признается за донором, то возможно признание одновременно и права на него со стороны другого лица (лиц), которое, в частности, может использовать данное право с ограничениями для первоначального владельца (собственника). Поэтому вероятнее необходимо говорить не о праве на биоматериал, а о совокупности прав. Впервые об этом заговорил профессор Нопогé, который обозначил некую совокупность прав: право владения, распоряжения, пользования, передача права другому лицу, исключение других лиц от возможности владения и пользования, получение выгоды от использования биоматериала человека [5].

За последнее время достаточное количество судебных разбирательств в разных странах показали общую тенденцию о возможности признания права собственности на биоматериал человека (но только в отношении разных субъектов, например, признавалось право собственности за медицинскими организациями, донорами, родственниками умерших лиц и др.). В частности, Канадский суд принял подобное решение в июне 2014 год [6]. Дело было связано с обвинением врачей в халатности в отношении Снежаны Пиляк, которой не был вовремя диагностирован рак в 2008 году, и в последствие она умерла в 2011 году [7]. Суд признал биоматериал объектом права собственности, отделенный от тела человека с целью проведения медицинских манипуляций и экспертизы.

Но все же стоит признать, что признание права собственности на биоматериал человека поставит ряд сложнейших задач перед всеми странами, задействованными в процессе биомедицинских технологий и не только в этих странах, так как возможна передача биоматериала между различными государствами. Разрешая торговлю биоматериалом человека, очевидно, что сами люди самостоятельно участвовать в этом процессе не смогут. Возникает также вопрос об использовании органов и тканей после смерти человека, кто вправе распоряжаться телом и могут ли наследники использовать труп в коммерческих целях.

Правовое регулирование указанных объектов является актуальной задачей и требует скорейшего решения, отечественное законодательство в этой области носит фрагментарный характер и не содержит концептуального подхода. Хотя необходимость развития данной области современной науки в качестве приоритетного направления была озвучена В.В. Путиным еще в 2008 году. Отсутствие четкого правового регулирования приводит к негативным последствиям, как к торможению развития отрасли, так и незаконному обороту таких объектов, которые имеют высокую ценность, в том числе и с точки зрения их экономической стоимости.

Список литературы

1. http://www.ari.nus.edu.sg/docs/wps/wps15_232.pdf
2. Roche, P. (2010). The Property/Privacy Conundrum Over Human Tissue. HEC Forum, 22(3):197-209//http://diginole.lib.fsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1003&context=medlawcenter_publications
3. Feldman, R. (2011). Whose Body Is It Anyway? Human Cells and the Strange Effects of Property and Intellectual Property Law. Stanford Law Review, 63(6), 1377-1402 // diginole.lib.fsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1003&context=medlawcenter_publications
4. Loane Skene. The current approach of the courts. Journal of Medical Ethicsjme.bmj.com J Med Ethics 2014;40:10-13 doi:10.1136/medethics-2012-100994 // <http://jme.bmj.com/>
5. <http://news.nationalpost.com/news/canada/human-tissue-removed-for-medical-tests-is-personal-property-of-institution-not-person-it-came-from-ruling>
6. <http://www.bbc.com/news/health-31069173>

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Чердиченко К.С.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г.Абакан
Институт истории и права

Проблемам института банкротства посвящено множество статей и монографий, однако следует обратить внимание на статью «Системные проблемы банкротства в России» таких авторов, как Кован С.Е., Ряховская А. Н., Коцюба Н.В. Данная статья является нововведением, поскольку авторами данной статьи проанализирован процедурный порядок проведения банкротства, обозначены существующие законодательные проблемы и предложены пути дальнейшего совершенствования института банкротства.

Авторами сделан акцент на предпринимателях, поскольку их деятельность оказывает огромное влияние на экономику государства в целом, в связи с чем защита прав предпринимателей в делах о банкротстве становится очень важной.

Авторы данной статьи предлагают кардинально поменять подход к процедуре банкротства по инициативе должника, уточнить методы и критерии определения признаков фиктивного банкротства, предлагают пути совершенствования процедуры банкротства естественных монополий, прежде всего в сфере жилищно-коммунального хозяйства, а также настаивают на необходимости продолжения работы над законопроектом о трансграничной несостоятельности, повышении прав и ответственности арбитражных управляющих.

Следующим нововведением в данном вопросе, следует назвать работу Кован С.Е., посвященную «Проблемам развития реабилитационного потенциала института банкротства», исследование основано на обработке статистических данных по проведенным процедурам банкротства и их результатам за 1998-2013 годы. Данные находятся в открытом доступе на сайте Высшего арбитражного суда Российской Федерации. Проведен содержательный анализ данных, который учитывает изменения законодательства о банкротстве и экономической обстановки в указанный период.

По мнению Кована С.Е. инновацией в институте банкротства является реабилитационный потенциал законодательства о банкротстве, который не исчерпан и нуждается в новых подходах и соответствующем развитии. В число таких подходов должны быть включены:

- актуализация права должника на подачу заявления о банкротстве, если он предвидит банкротство и стремится защитить свой бизнес от действий кредиторов;
- смена парадигмы реабилитации организации в процедурах банкротства на реабилитацию работоспособного бизнеса.

В настоящее время актуализации статьи 8 препятствуют сложившиеся методология и практика выявления признаков фиктивного банкротства. Целесообразно внести изменения и снять барьеры, препятствующие подаче заявления должника о наличии обстоятельств, объективно свидетельствующих о наступлении неплатежеспособности в обозримом будущем. Это позволит применять механизмы реабилитации, пока еще не растрочены ресурсы организации и возможности ее восстановления. Задача осложняется наличием реальной перспективы злоупотребления правом на подачу заявления должника в недобросовестных целях в случае снижения строгости требований при выявлении признаков фиктивного банкротства. Сама по себе задача представляется решаемой и перспективной.

Автор отмечает, что с социально-экономической точки зрения реабилитацией можно считать те процедуры конкурсного производства, в ходе которых был сохранен работоспособный бизнес или его часть. В этом случае при проведении процедур банкротства юридическое лицо ликвидируется, а его бизнес сохраняется от разрушения, но меняется собственник. В законодательстве о банкротстве предусмотрены продажа предприятия, замещение активов должника - действенные механизмы, которые позволяют сохранить работоспособный бизнес в случае ликвидации прежнего юридического лица.

Представляется целесообразным, чтобы органы, ответственные за регулирование института банкротства в России (прежде всего, Минэкономразвитие), обеспечили организацию статистического учета результатов проведения процедур внешнего управления и конкурсного производства, не завершившихся мировым соглашением, выделив из общего числа завершенных и прекращенных процедур:

- процедуры, в которых проведена продажа предприятия-должника;
- процедуры, в которых проведено замещение активов должника.

Указанный учет, помимо возможности более адекватно отражать реабилитационную эффективность института банкротства, позволит обратить внимание правоприменителей и общественности на имеющиеся

проблемы, когда работоспособный бизнес в результате неквалифицированных действий участников процесса о банкротстве уничтожается, вместо того чтобы обеспечивать антикризисную реструктуризацию.

Продолжая выше рассмотренную тему Кочетков Е.П. в своей статье «Формирование механизма и методики разработки плана восстановления платежеспособности организации как фактор повышения эффективности функционирования института банкротства в России», указывает на анализ функционирования института банкротства в России, который показывает недостаточную его эффективность с точки зрения финансового оздоровления должников, что выражается в преобладании доли процедуры конкурсного производства в общем объеме процедур банкротства. Одной из причин такой ситуации является недостаточное развитие инструментов принятия обоснованных экономических решений в рамках процедур банкротства.

В статье предлагается формирование механизма и методики плана восстановления платежеспособности организации в рамках реабилитационных процедур банкротства с учетом особенностей действующего российского законодательства в сфере несостоятельности, а также разработка практических рекомендаций по повышению эффективности проведения процедур банкротства в России.

Еще одной инновацией в данной сфере является монография Бакунова А.В. «Внешнее управление как процедура банкротства», в данной работе речь идет о наиболее важных проблемах в сфере правового регулирования внешнего управления как процедуры несостоятельности (банкротства). Автор приходит к выводу о необходимости сохранения и совершенствования этой процедуры в рамках института несостоятельности (банкротства), а также ставит себе цель разработать рекомендации законодателю по совершенствованию процедуры внешнего управления.

Из всего вышеизложенного, напрашивается вывод, что более чем за двадцать лет институт банкротства превратился в важный и необходимый инструмент рыночной экономики, поскольку немало российских организаций сталкивается с проблемами несостоятельности, выступая в качестве должников или кредиторов. Эти обстоятельства подтверждают, что институт банкротства стал фактором социально-экономического значения, который оказывает значительное влияние на экономику.

Инновацией в институте банкротства, можно назвать на сегодняшний день реабилитационный потенциал законодательства о банкротстве, который не исчерпан и нуждается в новых подходах и соответствующем развитии. В число таких подходов должны быть включены:

- актуализация права должника на подачу заявления о банкротстве, если он предвидит банкротство и стремится защитить свой бизнес от действий кредиторов;
- смена парадигмы реабилитации организации в процедурах банкротства на реабилитацию работоспособного бизнеса.

Еще одним нововведением можно назвать разработку механизма и методики разработки плана восстановления платежеспособности, которые позволяют существенно повысить реабилитационный потенциал института банкротства в России, поскольку повышают качество обоснованности принимаемых экономических решений в рамках процедур банкротства, направленных на сохранение бизнеса от разрушения в результате действия негативных факторов кризиса.

Анализ приведенных выше исследований (монографий, статей) позволяет сделать вывод о том, что авторами предлагается прежде всего исправить ситуацию, преодолеть системные сбои в функционировании института банкротства, однако это не исчерпывает всех проблем правоприменительной практики, являющейся важной составляющей рыночной экономики.

Следует надеяться, что время и практика покажут, какие из предлагаемых авторами нововведений в области института банкротства будут учтены и внесены в действующую нормативную законодательную базу, насколько эффективными будут разработанные меры, но уже сейчас очевидно, что такие мероприятия необходимы.

Список литературы

1. Бакунов А.В. Внешнее управление как процедура банкротства: монография / А.В. Бакунов. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2009.
2. Кован С.Е. Проблемы развития реабилитационного потенциала института банкротства. М., 2014.
3. Кован С.Е., Ряховская А. Н., Коцюба Н.В. «Системные проблемы банкротства в России» // Эффективное антикризисное управление. 2014. № 18. С.64-68.
4. Кочетков Е.П. Формирование механизма и методики разработки плана восстановления платежеспособности организации как фактор повышения эффективности функционирования института банкротства в России // Журнал «Финансовая аналитика: проблемы и решения» 2015. № 17. С.43-47.

ПУТИ РЕШЕНИЯ ДЕЛ О БАНКРОТСТВЕ В ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ НЕПЛАТЕЖЕСПОСОБНОГО ДОЛЖНИКА

Лазарева Н.А.

Северо-Кавказский федеральный университет
Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) СКФУ, г.Пятигорск

Тема банкротства физических лиц обсуждалась в нашей стране в течение восьми последних лет. Основные сложности были связаны с установлением общей суммы задолженности по всем обязательствам гражданина. С 1 октября 2015 года в Российской Федерации вступил в силу закон о банкротстве физических лиц [1]. Ранее банкротами могли объявить себя (или быть признаны по решению суда таковыми) только организации – юридические лица.

Федеральный закон от 29.12.2014 № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты РФ в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника» регламентирует порядок действий гражданами России в случаях невозможности самостоятельного погашения долгов по кредитам. В связи с принятием закона внесены поправки в Гражданский кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)», Кодекс РФ об административных правонарушениях, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон «Об исполнительном производстве».

Законом № 476-ФЗ предусмотрены следующие основные моменты:

- самостоятельное признание банкротства физическим лицом;
- признание банком своего клиента в качестве банкрота.

В любом случае для оформления процедуры банкротства необходим грамотный специалист, который правильно оформит документы и заявление в суд. Также, согласно процедуре оформления банкротства, необходим финансовый управляющий, возможно, понадобится юрист, который будет отстаивать права своего клиента в суде.

Процедура признания физического лица банкротом начинается с подачи заявления в суд общей юрисдикции по месту жительства должника. Дела о банкротстве рассматриваются в индивидуальном порядке [2].

Судебная процедура для физических лиц предусматривает три варианта выхода из сложной финансовой ситуации:

1. Мировое соглашение с кредиторами в досудебном порядке и решение вопроса без обращения в коллекторские агентства и наложения штрафных санкций за неисполнение обязательств;
2. Реструктуризация долга с составлением графика выплат с рассрочкой платежей на 3 года;
3. Банкротство физического лица.

После изучения всех обстоятельств суд принимает решение по порядку действий при каждой ситуации. Так реструктуризация задолженности по кредитам применяется при наличии у должника подтвержденного постоянного дохода, достаточного для проведения выплат.

Признание гражданина банкротом не является основанием для автоматического списания долгов, а полное или частичное погашение долга после продажи финансовым (арбитражным) управляющим части его движимого или недвижимого имущества на конкурсной основе, после которой прекращаются все обязательства перед кредиторами.

Заявить о признании себя банкротом может любой гражданин при величине долговых обязательств более 500 тыс. руб. и неисполнении требований банка свыше 3 месяцев.

Причиной обращения должны быть обстоятельства, очевидно и однозначно свидетельствующие:

1. о неплатежеспособности;
2. об отсутствии возможности исполнения денежных кредитных обязательств в установленные сроки;
3. о необходимости выплат по другим кредитам, выполнению которых препятствует настоящий долг.

Обратиться в суд и дать ход процедуре признания гражданина несостоятельным должником могут также кредиторы и налоговая инспекция. План реструктуризации и возмещения в этом случае может быть принят без участия вероятного банкрота.

Возбуждение дела о банкротстве возможно в случае смерти заемщика-физлица. Процедура выполняется наследниками, до вступления акта о наследовании в силу – нотариусом или исполнителем завещания по месту открытия наследства. Конкурсной массой для погашения долгов становится имущество умершего.

Все судебные расходы и издержки несет должник, и возмещаются они вне очереди. При заключении должником и кредиторами мирового соглашения возможен иной порядок указанных платежей. Решение суда о банкротстве означает прекращение взимания штрафов, пеней, процентов и прекращение санкций банка по более ранним обязательствам.

Перечень и формы документов для заполнения при обращении в суд для проведения процедуры банкротства можно найти на официальном сайте суда определенного района, нововведением является возможность предоставления на рассмотрение необходимых копий в электронном виде с использованием интернета. Поданное заявление изучается судом на предмет его обоснованности. Если имеются достаточные основания, процедура признания банкротства запускается в делопроизводство.

Основанием для отказа при обращении физического лица в суд является непогашенная судимость за совершение:

- экономических преступлений;
- фиктивного или преднамеренного банкротства;
- мелких хищений и порчи имущества.

Признание банкротом накладывает много ограничений на физическое лицо. Статус банкрота сохраняется в течение 5 лет. При обращении за новым займом или кредитом гражданин будет обязан указывать информацию о признании его банкротом ранее. Накладывается запрет на участие в управлении организацией (юридическим лицом) на 3 года. Все имущество, выделенное для погашения долга, переходит в распоряжение финансового управляющего, новые сделки проводятся под контролем, не разрешается открывать новые банковские счета и проводить по ним операции. Признание банкротом накладывает ограничение на выезд из страны. И еще одно очень важное обстоятельство. Даже если сразу после объявления банкротом человек накопил множество новых долгов, объявить себя банкротом еще раз он сможет только через 5 лет.

В случае банкротства гражданин или индивидуальный предприниматель может погасить свои долги за счёт драгоценностей, предметов роскоши, транспортных средств и недвижимого имущества, которое должно быть распродано в ходе открытых торгов. При этом есть перечень того, что не может быть изъято:

- единственное жильё и земельные участки, на которых оно располагается;
- бытовые предметы домашнего обихода и обстановки, вещи индивидуального пользования (одежда и обувь);
- продукты питания, денежные средства в размере установленной законом суммы минимального прожиточного минимума для должника и лиц, которые находятся у него на иждивении;
- топливо, с помощью которого должник (и его семья) производят готовку пищи, обогрев помещений;
- домашних животных и скот, а также хозяйственные постройки, используемые для их содержания.
- призы и выигрыши, государственные награды и памятные, почётные знаки, находящиеся в собственности у должника [3].

Но есть некоторые вопросы. Например, нет разъяснений по поводу того, если жильё является элитным, возможна ли его продажа и приобретение менее дорогостоящего жилья.

На наш взгляд, с введением в действие Закона № 476-ФЗ возникает вероятность роста числа «преднамеренных банкротств», то есть когда физические лица начнут оформлять миллионные кредиты и в дальнейшем объявлять о своей неплатежеспособности. Много вопросов уже возникают, например, как будет проходить процедура банкротства, какими положительными и отрицательными моментами она обладает. Как, например, оценивать то, что Закон предусматривает процедуру оспаривания сделок заемщика, как это повлияет на результаты по иску о банкротстве. Конечно, необходимость применения процедуры банкротства ни у кого не вызывает сомнения, но достаточно жесткие требования к предоставляемой должником информации о личных доходах и имуществе, сложная многоступенчатая схема мероприятия, а также его дороговизна приведет к тому, что оно не будет носить массовый характер.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2014 № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты РФ в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника» <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/39835.html> © КонсультантПлюс, 2015.
2. <http://razvodimsja.com/dokumenty/sroki-rassmotreniya/iskovyh-zayavlenij.html>.
3. http://www.aif.ru/dontknows/about/vse_chno_nuzhno_znat_o_bankrotstve_fizicheskikh_lic.

РАЗДЕЛ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ

Айметдинова А.Р.

Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, г.Ульяновск

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в России за 2014 год было заключено 1225985 браков, из них разводов составило 693730, в среднем это составляет 650 тысяч семейных пар. В настоящее время раздел совместной собственности между супругами является наиболее важной и актуальной проблемой нашего общества, но эта проблема осложняется в том случае, если супруги во время своего брака заключили договор ипотеки. В настоящей статье рассмотрен вопрос, о том, как распределяется ипотечное жилье при разводе между супругами, которое является их совместной собственностью, в том числе в судебном порядке. Определение общего имущества супругов дано в статьях 256 ГК РФ и статьи 34 части 1 СК РФ, Если 1 супруг вкладывает свои личные денежные средства, то этот супруг, получит большую часть доли. Есть и другой вариант развития событий, из имущества сначала будет выделена та часть денежных средств, которые были вложены супругом из своей личной собственности, а остальная часть будет делиться в равных долях на основании закона [5]. Можно сделать вывод о том, что имущество супругов принадлежит им либо на определенных долях, либо совместно. Для разделения долей, супруги должны правильно оформить все документы у нотариуса, при этом, если данные действия не будут совершаться, то имущество будет признаваться их совместной, а не долевой собственностью. Во многих случаях, для определения долей каждого из супругов используется брачный договор, который заключается между супругами и удостоверяется нотариально. В содержании данного договора указывается, доля, принадлежащая каждому из супругов, и как будет делиться имущество.

Когда продолжение брака, становится не возможным встает вопрос о том, как разделить имущество. Большинство из супругов для решения этого вопроса обращаются в суд. При этом на основании ч.1 статьи 38 СК РФ, раздел общего имущества супругов производится как в период брака, так и после его расторжения по требованию супругов или 1 из них. В силу ч.3 ст. 39 СК РФ общие долги супругов при разделе общего имущества распределяются между супругами пропорционально присужденным им долям [3]. Примером может служить дело, рассмотренное 25.03.2011 года Новоспасским районным судом Ульяновской области. При разделе совместно нажитого имущества, выяснилось, что Коршунов, в период брака с гражданкой Коршуновой, заключил кредитный договор «на неотложные нужды». В судебном заседании Коршунова не оспаривала данный факт, указала суду, что денежные средства были израсходованы на ремонт автомашины, которой пользовался Коршунов, а не на проведение ремонта. Суд полагает установленным, что долг по кредитному договору является общим долгом супругов Коршуновых. Суд определил доли супругов в общем имуществе равными, долг по кредитному договору был признан их совместным и равен долям. Из обобщенной судебной практики следует, что имущество между супругами делиться пропорционально их долям, а в соответствии с законодательством их доли признаются равными. Если при разделе имущества, в собственность супругу передается вещь большей стоимости, др. супруг, получает компенсацию в размере суммы разницы. В наше время не у каждой семьи есть свое жилье, но многие хотят иметь его в своей собственности. В результате данной ситуации, на сегодняшний день стал очень популярен договор ипотеки. Зачастую ипотека заключается на 1 супруга, а положение другого супруга там не прописывается. В связи с этим возникает острый вопрос, как в дальнейшем, например при расторжении брака, будет делиться данное жилье, приобретенное супругами во время брака. Определение договора ипотеки дано в Федеральном законе "Об ипотеке (залоге недвижимости)" от 16.07.1998 N 102-ФЗ (с изм. и доп., от 01.07.2015)[2]. Исходя из законодательства и судебной практики, можно сделать вывод, о том, что существует 3 варианта раздела совместной собственности супругов. 1 вариант - общее имущество супругов может быть разделено между ними по их соглашению. 2 вариант – каждому из супругов присуждается доля в общем имуществе. Доли по общему правилу признаются равными, но есть исключение. 3 вариант - данное имущество продается, и полученные деньги идут на погашение ипотеки.

С. Баянов в своей статье «Раздел квартиры в ипотеке» говорит, о том, что банки привлекать к участию в деле не нужно. Обосновывает он это тем, что в решении судов не содержатся выводы, о том, что прекращается ипотека, что обязательства не будут исполняться и обеспечиваться, а возражения залогодержателя не влияют на рассмотрение вопроса о разделе имущества. По мнению данного автора, необходимо лишь уведомлять банк об изменении правового режима имущества, находящегося в залоге, и образованию идеальных долей у супругов на данное имущество. [1] На наш взгляд, считаем данную позицию не совсем обоснованной. При решении данного вопроса необходимо, что бы в деле участвовал банк, как 3-е лицо. Потому, что спорная квартира находится в залоге у банка и тем самым затрагиваются права банка. В том случае если банк, не будет уведомлен о данном споре,

и не будет участвовать в деле, то он имеет право на обжалование решения суда, в апелляционной инстанции. В большинстве случаев банк против того, что бы договор был разделен, т.к. банк считает, что 2-й супруг, который не указан в договоре, является для них неизвестным заемщиком. Перемена лиц в обязательствах без согласия и волеизъявления банка, в которых он является стороной, невозможно, поскольку это изменит договор займа и/или договор залога и тем самым нарушит нормы законодательства, а также законные интересы банка - стороны договоров займа и ипотеки. Раздел долга может привести к неисполнению данных условий договора, лишит банк возможности воспользоваться ими, поскольку другой супруг не является стороной по договорам залога и займа. Но судебная практика отмечает тот факт, что банки в меньшей степени, но все же дают свое согласие на раздел договора между обоими супругами. Суд распределяет долги по кредитному договору между супругами пропорционально их долям, т.е. в равных суммах. При вынесении решения судом устанавливаются следующие обстоятельства: устанавливается часть оставшейся суммы долга и стоимость недвижимости взятой в ипотеку. Если данное жилье нельзя разделить, то суд присуждает 1 из супругов данное жилье и обязательства по договору ипотеки, а др. получает денежную сумму от доли за недвижимость [4]. Если же супруги являются созаемщиками, то суд обращает взыскание на квартиру, основываясь на статьях 50, 54 и 78 ФЗ "Об ипотеке", при этом их ипотечный договор не изменяется. Необходимо учесть и следующее. [2] Согласно ч. 2 ст. 45 СК РФ взыскание обращается на общее имущество супругов по общим обязательствам супругов, а также по обязательствам одного из супругов, если судом установлено, что оно было использовано на нужды семьи [3]. При недостаточности этого имущества супруги несут по указанным обязательствам солидарную ответственность.

Исходя из вышесказанного при разделе общего имущества супругов, суд должен: 1) определять состав их общего имущества, которое подлежит разделу; 2) определить доли, которые причитаются каждому из супругов; 3) определить конкретные предметы из состава имущества, которые выделяются каждому супругу исходя из их интересов. Договоры займа и ипотеки сохраняют свое действие и даже после расторжения брака. Согласно ст. 401 ГК РФ изменение и расторжение договора возможны по соглашению сторон, если иное не предусмотрено ГК РФ, другими законодательными актами и договором. Так же при выделе происходит передача в собственность определенной изолированной части [6]. В случае невозможности раздела жилища, находящегося в долевой собственности в натуре, либо выдела из него доли ч. 2 п. 4 ст. 218 ГК РФ, участник долевой собственности вправе заявить требование об определении порядка пользования жилищем, если этот порядок не установлен соглашением сторон [6]. Отмечаем, что бракоразводный процесс и процесс раздела общего имущества - занятия не из самых приятных, более того, они сопряжены с огромным количеством спорных моментов, разрешение которых невозможно без профессиональных юридических познаний. Для решения вопроса о разделе ипотечного долга супругам необходимо выбрать один из 2-х вариантов. 1-й вариант и самый лучший для супругов, это самим прийти к соглашению о порядке исполнения кредитного обязательства, 2 вариантом является обращение в суд. Таким образом, считаем, наличие обременения объекта недвижимости в виде ипотеки не будет являться основанием к отказу судом в разделе общего имущества супругов: квартира останется в залоге у банка независимо от того, кто станет ее собственником в дальнейшем. Наиболее правильным решением, по нашему мнению, является позиция, которую предлагает наше законодательство. Оно предлагает 3 варианта, по которому могут пойти супруги: продать обремененную квартиру и выплатить ипотеку, либо на 1 из супругов переходит право собственности, а другому присуждается компенсация, в виде доли в данной обремененной квартире и последний вариант это присуждение каждому из супругов равных долей в праве собственности на данную квартиру.

Список литературы

1. Баянов С. Раздел квартиры в ипотеке // ЭЖ-Юрист. 2014. N 32. С. 4.
2. Федеральный закон от 16.07.1998 N 102-ФЗ (ред. от 06.04.2015) "Об ипотеке (залоге недвижимости)" (с изм. и доп., вступившими в силу с 01.07.2015) // "Российская газета", №137, 22.07.1998
3. "Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // "Собрание законодательства РФ", 01.01.1996, № 1, ст.16.
4. Пластинина. Н. Ипотека и споры вокруг нее // "Жилищное право".2014. N 2. С 97-112.
5. Угрюмов А. Прошла любовь... настало время делить долги // "Жилищное право", 2013, N 7, С.33-44.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ (ред. От 13.07.2015) (с изм. и доп., вступивших в силу с 01.10.2015)// "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

РЫНОК ЦЕННЫХ БУМАГ В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

¹Сафонова Ю.В., ²Кузнецов А.В.

¹Магистрант Тюменского государственного университета, РФ,
²К.ю.н., доцент Тюменского государственного университета, РФ
г.Тюмень

В настоящее время, когда наше государство проходит становление рыночной экономики, отечественный рынок ценных бумаг находится на уровне своего формирования, тому виной продолжительный застой и бездействие финансового рынка. В связи с тем, что в современный период рынок развивается, указанное говорит о том, что и экономика Российского государства начала интенсивно двигаться вперед, несмотря ни на мировой финансовый кризис, ни на так называемые «экономические санкции», предпринятые в отношении нашего государства.

С юридической точки зрения рынком ценных бумаг является совокупность различных правоотношений, в которых состоят их участники. Причем участниками рынка ценных бумаг выступают эмитенты, инвесторы, а также профессиональные участники рынка и различные регулирующие органы [14].

Изучая рынок ценных бумаг множество ученых [3, 4, 7, 12, 19, 22, 23 и др.], определяют данный рынок как общность экономических отношений между различными его участниками, складывающиеся по поводу выпуска, а также обращения ценных бумаг. При столь значительной роли этого экономического института требуется соответствующий уровень законодательной базы.

Законодательство в области рынка ценных бумаг до настоящего времени остается развивающейся отраслью отечественного законодательства. Причем, данное законодательство не имеет определенных заимствований из зарубежных правовых порядков и развивалось на основе вырабатываемой практики общественных отношений. Данное положение дел во многом устанавливало следующее. Развитие основ рыночного хозяйства в нашем государстве на начальном этапе выстраивалась сугубо на сиюминутных правовых актах, которые пытаются только решить текущие проблемы нормативного регулирования нерегулируемых рыночных процессов. Перспективы формирования рынка ценных бумаг в указанной ситуации не могли в достаточной степени быть установлены, и не могли проверяться государством в полном объеме. В связи с этим, по большей части в области регулирования фондового рынка не имеется и международных соглашений, участниками которых могла явиться Россия. Данного рода документы, в связи с этим, адаптированы под сложившиеся и устоявшиеся цивилизованные рынки, которые имеют однородную структуру и определенную систему функционирования.

Законодательство о рынке ценных бумаг является системой нормативных правовых актов разных уровней. В то же время, понятие «законодательство о рынке ценных бумаг» немного отличается от терминологии, употребляемой в определенных кодифицированных источниках отраслевого порядка, в первую очередь в Гражданском кодексе РФ [5]. Например, понятие «гражданское законодательство согласно пункта 2 ст. 3 ГК РФ включает законы, которые возглавляются Кодексом. Также Указы Президента РФ и постановления Правительства РФ обозначены понятием «иные правовые акты» (п.п. 3-6 ст. 3 ГК РФ).

Актами федеральных органов исполнительной власти определяются ограничения правотворческого порядка в сформировавшейся иерархии системы правовых актов. Инициатива образования гражданско-правовых норм сконцентрирована лишь на федеральном уровне, что исключает вероятность урегулирования определенных отношений на уровне субъектов РФ. В то же время, даже не имея законодательного ориентира в отношении структуры правового материала, который направлен на регулирование правоотношений, сформировывающихся на рынке ценных бумаг, определенные особенности нормотворчества в рассматриваемой сфере устанавливаются конституционным разграничением предметов ведения различных органов публичного управления. Учеными-специалистами, опираясь на конституционное разделение различных публично-властных полномочий между определенными уровнями государственной власти, относятся все же вопросы нормативного регулирования на рынке ценных бумаг к федеральному ведению [16].

Финансовая государственная деятельность устанавливается не только конституционными гарантиями по обеспечению единства экономического пространства, осуществления свободного перемещения товаров, услуг, а также финансовых средств, осуществления поддержки конкуренции, определенной свободы экономической деятельности, так и признанием и равноправной защитой частной, государственной, а также муниципальной и других форм собственности (ст. 8 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ)) [11]. К примеру, в соответствии с Конституцией РФ, государственные займы выпускаются в том порядке, который определяется федеральным законом, после чего размещаются на добровольной основе.

Развивая данное положение основного Закона, производится дальнейшее выстраивание законодательства о ценных бумагах, которое находится в определенной мере в гражданском и бюджетном законодательстве [3]. Также, согласно подпункта «ж» п. 1 ст. 71 Конституции РФ непосредственно в ведение Российской Федерации отдано установление нормативных основ единого рынка, финансовое регулирование. Необходимо понимать указанные положения Основного Закона расширительно, так как понятие «рынок», используемое Конституцией РФ, объемное и включает разные виды рынков, охватывая рынок ценных бумаг. В то же время, финансовое регулирование имеет в виду непосредственно одну из сторон государственной деятельности государства по формированию финансовой инфраструктуры, выработыванию которой способствуют определенные инструменты в виде ценных бумаг.

Муниципальными образованиями тоже может осуществляться финансовая деятельность на фондовом рынке, а также они могут регламентировать выпуск и непосредственно обращение ценных бумаг принятыми ими правовыми актами. В то же время, порядок выпуска муниципальных ценных бумаг устанавливается федеральным законодательством [14].

В зависимости от органа, который принимает нормативный правовой акт, к нормативным актам на рынке ценных бумаг относят:

- законодательные акты РФ;
- Президентские акты (в виде указов и распоряжений);
- Правительственные акты (в виде постановлений и распоряжений);
- акты правительств субъектов РФ (в виде указов, постановлений и распоряжений высшего должностного лица субъекта РФ);
- акты различных федеральных органов исполнительной власти (в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций, положений);
- акты Центрального банка РФ (в виде инструкций, указаний).

Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» [28] регулирует отношения, которые возникают при эмиссии, а также обращении эмиссионных ценных бумаг вне зависимости от типа эмитента, при обращении других ценных бумаг в тех случаях, которые предусмотрены федеральными законами, а также определенные особенности формирования и деятельности профессиональных участников фондового рынка.

Федеральный закон «Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг» [29] устанавливает:

- последовательность возникновения вследствие осуществления эмиссии государственных, а также муниципальных ценных бумаг, выполнения обязательств Российского государства, субъектов Федерации, различных муниципальных образований;
- осуществление эмиссии государственных, а также муниципальных ценных бумаг, характерные особенности их обращения;
- последовательность раскрытия информации различными эмитентами указанных ценных бумаг в той части, которая не регламентирована российским законодательством.

Нормативные основы участия Российского государства, субъекта Федерации, муниципального образования в тех отношениях, которые возникают вследствие осуществления эмиссии государственных, а также муниципальных ценных бумаг, регламентируются указанным Федеральным законом и другим российским законодательством.

Регулирование рынка ценных бумаг государством осуществляется при помощи:

- определения обязательных требований к осуществлению деятельности профессиональных субъектов рынка ценных бумаг, а также ее стандартов;
- осуществления государственной регистрации выпусков (включая дополнительные выпуски) эмиссионных ценных бумаг, а также проспектов ценных бумаг, производства контроля за соблюдением эмитентами определенных условий и обязательств, которые в них предусмотрены;
- осуществления лицензирования деятельности профессиональных субъектов рынка ценных бумаг;
- формирования системы защиты прав владельцев, а также осуществления контроля за соблюдением их прав различными эмитентами и профессиональными субъектами рынка ценных бумаг;
- запрещения, а также пресечения деятельности лиц, которые осуществляют предпринимательскую деятельность на фондовом рынке без необходимой лицензии.

Приказ ФСФР России от 20.07.2010 № 10-49/пз-н утвердил Положение о лицензионных требованиях и условиях осуществления профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг [17].

Различные виды профессиональной деятельности на фондовом рынке осуществляются на основе определенного разрешения — лицензии, которая выдается Центральным Банком России.

Определенными видами профессиональной деятельности на рассматриваемом рынке выступают: брокерская деятельность, дилерская, депозитарная деятельность, деятельность по ведению реестра владельцев ценных бумаг.

Брокерская деятельность — это деятельность по выполнению поручения клиента (включая эмитента эмиссионных ценных бумаг при размещении последних) на совершение сделок с ценными бумагами, а также на заключение договоров, которые являются производными финансовыми инструментами, исполняемая на основе возмездных договоров с клиентом.

В ситуации, если конфликт интересов [15], как брокера, так и его клиента, о котором клиента не уведомили до получения брокером определенного поручения, непосредственно привел к нанесению клиенту убытков, брокером должны быть они возмещены в порядке, который установлен гражданским законодательством РФ.

Дилерская деятельность — это совершение различных сделок купли-продажи ценных бумаг от собственного имени и за собственный счет при помощи публичного объявления цен, как покупки, так и продажи некоторых ценных бумаг с дачей обязательства покупки и/или продажи данных ценных бумаг по объявленным лицом, который осуществляет такой вид деятельности, ценам.

Деятельность по управлению ценными бумагами — это деятельность по доверительному управлению, как ценными бумагами, так и денежными средствами, которые предназначены для совершения сделок непосредственно с ценными бумагами, а также заключения договоров, которые являются производными определенными финансовыми инструментами.

Профессиональным участником рынка ценных бумаг, который осуществляет деятельность по управлению ценными бумагами, является управляющий.

Лицензии на реализацию деятельности по управлению ценными бумагами можно не иметь в случае, если само доверительное управление соединено, лишь с реализацией управляющим прав по ценным бумагам.

Порядок производства деятельности, связанной с управлением ценными бумагами, определенные права и обязанности управляющего устанавливаются российским законодательством и договорами [16].

Депозитарная деятельность — это деятельность по оказанию услуг, связанная с хранением сертификатов ценных бумаг, а также учету и переходу прав на ценные бумаги.

Профессиональным участником рынка ценных бумаг, который осуществляет депозитарную деятельность, является депозитарий. Депозитарий, производящий расчеты по итогам сделок, совершенных непосредственно на торгах организаторов торговли в соглашении с такими организаторами торговли, а также с клиринговыми организациями, производящими клиринг данных сделок, именуют расчетным депозитарием.

Деятельность по ведению реестра владельцев ценных бумаг — это деятельность, связанная со сбором, фиксацией, обработкой, хранением данных, которые составляют реестр владельцев ценных бумаг, а также предоставление информации непосредственно из реестра владельцев ценных бумаг.

Деятельность по ведению реестра не может быть совмещена с иными видами профессиональной деятельности на фондовом рынке.

Различные ограничения на совмещение видов определенной деятельности и операций с финансовыми инструментами может быть установлены Центральным Банком РФ.

Правом на реализацию отдельных видов профессиональной деятельности на фондовом рынке может обладать государственная корпорация в соответствии с федеральным законом [27], в соответствии с которым она была образована.

Кредитными организациями и государственными корпорациями осуществляется профессиональная деятельность на рынке ценных бумаг в порядке, который предусмотрен федеральным законодательством, а также принятыми согласно указанному законодательству отечественными правовыми актами для профессиональных субъектов рынка ценных бумаг.

Центральный Банк РФ контролирует деятельность различных профессиональных участников рынка ценных бумаг.

Причиненный вследствие нарушения российского законодательства о ценных бумагах вред, подлежит компенсированию в порядке, регламентированном гражданским законодательством Российской Федерации [6].

За совершение нарушений положений федерального законодательства о рынке ценных бумаг и иных законодательных актов РФ о ценных бумагах субъекты привлекаются к ответственности в случаях и порядке, регламентированных гражданским, административным [10], а также уголовным [26] российским законодательством.

Направляющая государственная функция в поддержании рыночного хозяйства, осуществления обслуживания интересов определенного частного капитала вызывает необходимость активной деятельности компетентных государственных органов в рамках исполнения нормотворческих полномочий. Как отмечает А.Б.

Балкаргов, динамичность, а также стабильность рынка ценных бумаг гарантируются государством при помощи принятия административных правовых актов, откуда следуют административные правоотношения [1].

Непосредственно административную регламентацию рынка ценных бумаг необходимо строить в пределах некоторого организационно-правового механизма. К примеру, А.Б. Балкаргов в рамках данного механизма выделяет определенные основные направления по административно-правовому регулированию рынка ценных бумаг:

- правовое регулирование появляющихся правоотношений на рынке ценных бумаг на основании метода властных предписаний, которым жестко должны следовать все субъекты фондового рынка, а также публично-правовые образования;

- контроль над выполнением предусмотренных правовых норм;

- защита различных прав и интересов субъектов административных правоотношений на рынке ценных бумаг. Регламентирован административный порядок по разрешению споров между субъектами административно-правовых отношений на рынке ценных бумаг без непосредственно обращения в суд на основании реализации норм административного права;

- координирование и определение деятельности участников административных правоотношений на рынке ценных бумаг, координирование действий брокеров, дилеров, а также других участников фондового рынка с установленными административными требованиями;

- установление самой структуры государственных органов, которые осуществляют государственно-властные полномочия в области регулирования ценных бумаг [1].

Таким образом, законодательство о рынке ценных бумаг представляет собой систему нормативных правовых актов различных уровней. В зависимости от органа, который принимает нормативный правовой акт, к нормативным актам на рынке ценных бумаг относят: законодательные акты РФ; Президентские акты (в виде указов и распоряжений); Правительственные акты (в виде постановлений и распоряжений); акты правительств субъектов РФ (в виде указов, постановлений и распоряжений высшего должностного лица субъекта РФ); акты различных федеральных органов исполнительной власти (в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций, положений); акты Центрального банка РФ (в виде инструкций, указаний).

Список литературы

1. Балкаргов, А.Б. Современные тенденции административно-правового регулирования рынка ценных бумаг // Банковское право. 2009. – № 4. – С. 35-37.
2. Батяева, Т.А., Столяров И.И. Рынок ценных бумаг: учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2010.– 303 с.
3. Габов, А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М.: Статут. – 2011. – 1104 с.
4. Галанов, В.А. Рынок ценных бумаг: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2010 — 480 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015) [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 23.08.2015).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.06.2015) [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 05.09.2015).
7. Дегтярева О.И. Рынок ценных бумаг и биржевое дело [Электронный ресурс]. – URL: www.nglib.ru (дата обращения: 21.06.2015).
8. Едропова, В.Н., Новожилова Т.Н. Рынок ценных бумаг: учеб. пособие. – М.: Магистр, 2010.– 684 с.
9. Защита прав инвесторов: Учеб.-практ. курс / Под ред. В.В. Яркова. СПб.: Издательский дом С.-Петербургского университета. — 2006. — С. 28.
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.06.2015) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2015).
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 17.06.2015).
12. Нормативно-правовая основа рынка ценных бумаг: вопросы истории, практики и тенденции регулирования (Кирилловых А.А.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://отрасли-права> (дата обращения: 21.06.2015).
13. Основные направления регулирования рынка государственных и муниципальных ценных бумаг / Под ред. А.А. Ялбулганова // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 03.11.2015)
14. Пахутко, О.П. Правовое регулирование рынка ценных бумаг// Банковское право. 2013. – № 2. – С. 21.
15. Постановление ФКЦБ РФ от 05.11.1998 № 44 «О предотвращении конфликта интересов при осуществлении

- профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг» // Вестник ФКЦБ России. – 1998. – № 9. [Электронный ресурс]. – URL: <http://zakonbase.ru> (дата обращения: 10.09.2015).
16. Правовые основы рынка ценных бумаг / Под ред. А.Е. Шерстобитова. М.: Деловой экспресс, 1997. – С. 15.
 17. Приказ ФСФР России от 20.07.2010 № 10-49/пз-н (ред. от 23.07.2013) «Об утверждении Положения о лицензионных требованиях и условиях осуществления профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.08.2010 № 18288) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2014) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2010. – № 38.
 18. Приказ ФСФР РФ от 03.04.2007 № 07-37/пз-н "Об утверждении Порядка осуществления деятельности по управлению ценными бумагами" (Зарегистрировано в Минюсте РФ 14.05.2007 № 9457) [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 15.07.2015).
 19. Ротко, С.В., Тимошенко Д.А. Основные направления развития административно-правового регулирования рынка ценных бумаг // Банковское право. – 2008. – № 6.
 20. Рукавишникова, И.В. Основные формы государственного воздействия на рынок ценных бумаг // Хозяйство и право. 2010. – № 1, 2.
 21. Рукавишникова, И.В. Финансово-правовое регулирование рынка ценных бумаг // Финансовое право. – 2012. – № 7.
 22. Селивановский, А.С. Ценные бумаги в Гражданском кодексе РФ: изменения правового регулирования / А. Селивановский, Г. Сенюк. // Хозяйство и право. – 2014. – № 11. – С. 3-18.
 23. Селивановский, А. С.. Правовое регулирование рынка ценных бумаг /А.С. Селивановский // Высшая школа экономики. – 2014. –141 с.
 24. Семилютина Н.Г. Российский рынок финансовых услуг (формирование правовой модели). М. — 2010. — С. 7.
 25. Синенко, А.Ю. Эмиссия корпоративных ценных бумаг: правовое регулирование, теория и практика. М.: Статут. – 2002. – С. 71.
 26. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения: 21.08.2015)
 27. Федеральный закон от 17.05.2007 № 82-ФЗ (ред. от 29.06.2015г.) «О банке развития» [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 21.08.2015).
 28. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (в ред. от 29.06.2015г., от 13.07.2015г.) «О рынке ценных бумаг» [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 26.08.2015).
 29. Федеральный закон от 29.07.1998 № 136-ФЗ (ред. от 14.06.2012) «Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг» [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 12.03.2015).
 30. Эмирсултанова, Э.Э. Регулирование и контроль рынка ценных бумаг (финансово-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. М.. – 2008. – С. 55.

СТИМУЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Демиева А.Г.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Казанского (Приволжского) федерального университета, Российская Федерация, г.Казань

В процессе осуществления предпринимательской деятельности, лица, имеющие статус предпринимателя, вступают в разные по своей природе правоотношения. Часть из них характеризуется как основанная на принципе «власть-подчинение» и входит в число правоотношений, составляющих предмет публичных отраслей права (налогового, финансового, таможенного и других). В основе второй части правоотношений с участием предпринимателей лежит принцип равенства сторон и диспозитивности в определении их прав и обязанностей. Эти правоотношения являются гражданско-правовыми и регулируются нормами гражданского законодательства. Остановимся в рамках настоящего исследования на некоторых аспектах регламентации именно второй группы правоотношений: ввиду большого разнообразия вариантов поведения предпринимателей, обусловленного диспозитивным характером возникающих в процессе осуществления предпринимательской деятельности

договорных связей, проблема четкой формулировки методов их правового регулирования приобретает особую актуальность.

Как и любые иные, предпринимательские отношения имеют определенный элементный состав, включающий субъект, объект и содержание. При этом рассматриваемые отношения могут быть охарактеризованы как имеющие определенную специфику. В частности, их субъекты обладают, по сравнению с иными субъектами гражданского права, специальной правоспособностью, поскольку перечень видов осуществляемой ими деятельности ограничивается при прохождении ими государственной регистрации. Объект правоотношений — имущественные и неимущественные блага, — с одной стороны, позволяет нам отнести их к числу гражданско-правовых; с другой, — в составе объекта выделяется осуществление предпринимательской деятельности, являющейся особым видом деятельности, признаки которой установлены законодателем. В этом заключается специфика объекта предпринимательского правоотношения. Определенные особенности имеет содержание анализируемых правоотношений, понимаемое как совокупность прав и обязанностей их сторон. Оно определяется в зависимости от общего объема правоспособности предпринимателя, а также от правоотношения, в которое он вступил. Приведенные ключевые характеристики элементов рассматриваемых отношений позволяют нам включить их в число гражданско-правовых, объединив при этом в самостоятельную общность — подотрасль гражданского права.

Предпринимательское право, являясь подотраслью гражданского права, характеризуется особенностями применяемых методов правового регулирования. Как отмечает Н.Д. Егоров, регулирование однородной группы общественных отношений, составляющих предмет гражданского права, осуществляется при помощи единого для всей отрасли приема, именуемого общеправовым методом гражданско-правового регулирования. Названным автором делается обоснованный вывод о том, что в определенных случаях, наряду с общеправовым методом, на определенных субъектах отношений (в нашем случае предпринимателей) воздействуют внутриотраслевые методы¹¹. Соглашаясь с позицией Н.Д. Егорова, отметим, что, с одной стороны, предпринимательские правоотношения регламентируются общеправовым методом гражданского права; с другой, — регулирование осуществляется при помощи внутриотраслевых методов. Мы убеждены, что в качестве самостоятельного внутриотраслевого метода рассматриваемой подотрасли права следует выделить метод стимулирования, который может быть охарактеризован с разных позиций, основными из которых являются следующие.

Во-первых, необходимо отметить, что стимулирование является социальным механизмом регулирования отношений в разных сферах, включая сферу предпринимательства. Его социальный характер складывается из специфики стимулов — средств правового регулирования, являющихся основными «кирпичиками», составляющими структуру и содержание изучаемого метода. Раскрывая вопрос соотношения метода и средства правового регулирования, согласимся с позицией С.А. Теряевского, которым указывается, что «что наличие метода не является достаточным условием для осуществления правового воздействия, поскольку необходим определенный «инструментарий», служащий достижению поставленной цели. В роли таких инструментов и выступают, например, правовые средства»¹². Таким образом, достижению цели метода стимулирования — формированию желаемого поведения субъектов права — способствуют стимулы как основные инструменты метода стимулирования.

Составляющие содержание анализируемого метода, стимулы могут быть охарактеризованы как: а) определенная взаимозависимость между внешними условиями жизнедеятельности личности и ее внутренним миром (представлениями, мотивами, установками); б) обратная связь по отношению к потребностям, а также к интересам и целям человека; в) специфическая форма реализации социальных норм, в силу того, что они ориентированы на сознание, поведение и деятельность человека; г) позитивная реакция общества (государства) на поведение и деятельность человека; д) категория, включающая в себя социальные регуляторы, обеспечивающие определенную интенсивность, целенаправленность и рациональность общественных процессов¹³.

Указанные характеристики стимулов позволяют нам говорить о стимулировании как об эффективном методе правового регулирования, поскольку посредством него оказывается воздействие на основные внутренние факторы, побуждающие человека к совершению определенных поступков. Полагаем, данное свойство рассматриваемого

¹¹ Егоров Н.Д. Единство и дифференциация гражданско-правового регулирования общественных отношений в СССР: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Егоров Николай Дмитриевич. — Л., 1988. — С.12-15.

¹² Теряевский С.А. Система методов правового регулирования в юридической практике современного Российского государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Теряевский Сергей Анатольевич. — Саратов, 2009. — С.17-18.

¹³ Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: Курс лекций. — 3-е изд., доп. / Г.В. Атаманчук. — М.: ОМЕГА – Л., 2005. — С.418. // в Пиптюк А.В. Проблемы стимулирования труда наемного работника как метода регулирования трудовых отношений: дис. канд. юрид. наук: 12.00.05 / Пиптюк Анна Викторовна. — Астана, 2009. — С.43.

метода позволяет достичь наиболее существенных результатов от деятельности предпринимателей, что является особенно важным в современных условиях экономического кризиса.

Во-вторых, как и любая иная категория, в том числе правовая, стимулы могут быть классифицированы в зависимости от разных критериев. В частности, по способу воздействия на субъекта, — на материальные и нематериальные; исходя из характера наступивших последствий — позитивные и негативные.

Материальные стимулы предполагают воздействие на субъектов правоотношений при помощи предоставления им материальных благ. К примеру, в договор займа может быть включено условие, имеющее целью мотивировать заемщика к досрочному исполнению обязанности по возврату предмета займа, путем уменьшения в этом случае размера процентов по договору. Включение подобного условия в содержание договора будет оказывать стимулирующее воздействие на заемщика посредством предоставления ему, в случае совершения им желаемого его контрагентом по договору действия, материального блага в виде уменьшения финансовой нагрузки.

Нематериальные стимулы вытекают из стремления субъекта права к удовлетворению в процессе предпринимательской деятельности потребностей нематериального характера, таких как признание в обществе, уважение, профессиональный рост, общение с коллегами и другие. Примером стимула такого вида может послужить включение предпринимателя в федеральный реестр добросовестных поставщиков¹⁴, реестр добросовестных застройщиков¹⁵. Фактически включение субъекта предпринимательства в указанные информационные базы означает признание его как добросовестного исполнителя принятых в соответствии с ранее заключенными договорами на себя обязанностей, что, с одной стороны, приводит к удовлетворению отмеченных нематериальных потребностей лиц, непосредственно осуществляющих предпринимательскую деятельность (в числе таких лиц — индивидуальные предприниматели, а также, поскольку юридическое лицо, как субъект предпринимательства, не может иметь каких-либо потребностей, - его учредители, должностные лица, работники и иные физические лица, силами которых данное юридическое лицо осуществляет свою деятельность); с другой стороны — к стимулированию иных субъектов вступить с ним в договорные отношения.

Позитивные стимулы предполагают наступление благоприятных последствий для тех субъектов, на которых направлено их воздействие. Например, позитивным стимулом будет предоставление скидки покупателю в случае оптовой покупки товара. Негативные стимулы, в противовес позитивным, характеризуются как ведущие к неблагоприятным последствиям в случае совершения (либо не совершения) участниками правоотношений в сфере предпринимательства определенных действий. Так, в качестве негативного стимула может быть обозначено наступление гражданско-правовой ответственности в случае неисполнения стороной договора возложенных на нее обязанностей.

В-третьих, заслуживает внимания вопрос о соотношении методов стимулирования, поощрения, убеждения и принуждения. Последние три метода из перечисленных, как отмечает О.М. Киселева, целенаправленно воздействуют на волю индивида, однако конечный результат при этом достигается при помощи разных способов. Суть метода убеждения заключается в понимании его как способа формирования у соответствующих лиц определенного сознания, привычки добровольного выполнения установленного поведения. Метод принуждения связан с угрозой или непосредственным претерпеванием субъектом воздействия негативного характера. В понимание поощрения как метода правового регулирования названным автором вкладывается следующий смысл: это способ правового воздействия, посредством которого субъекты побуждаются к совершению полезных с точки зрения государства и общества действий путем предоставления им дополнительных благ¹⁶. По нашему мнению, следует согласиться с высказанной в научной литературе позицией, в силу которой метод стимулирования является по отношению к перечисленным методам собирательным, поскольку все они нашли отражение в его содержании. В частности, применение позитивных стимулов (как материальных, так и нематериальных) опосредует реализацию на практике методов убеждения и поощрения; негативных — принуждения¹⁷.

Правовое стимулирование обозначается О.М. Киселевой как охватывающее разнообразные юридические инструменты понятие, являющееся не методом в традиционном его понимании, а более объемным элементом

¹⁴ Федеральный реестр добросовестных поставщиков [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ruscentr.com/laureats/federal/> (дата последнего обращения: 30.10.2015 г.).

¹⁵ Реестр добросовестных застройщиков г. Москвы [Электронный ресурс]. — URL: <http://stroj.mos.ru/news/v-reestr-dobrosovestnyh-zastroischikov-moskvu-voshli-esche-devyat-kompanii> (дата последнего обращения: 30.10.2015 г.).

¹⁶ Киселева О.М. Поощрение как метод правового регулирования [Электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Киселева Ольга Михайловна. — Саратов, 2000. — URL: <http://pravo.news/gosudarstva-prava-teoriya/pooschrenie-kak-osobyiy-metod-pravovogo-21207.html> (дата последнего обращения: 30.10.2015 г.).

¹⁷ Пиптюк А.В. Проблемы стимулирования труда наемного работника как метода регулирования трудовых отношений: дис. канд. юрид. наук: 12.00.05 / Пиптюк Анна Викторовна. — Астана, 2009. — С. 45.

информационного действия права¹⁸. Уважая приведенную точку зрения автора, мы, однако, исходим из того, что применительно к правовому регулированию отношений, одним из участников которых является предприниматель, стимулирование выступает в качестве действующего параллельно с общеотраслевым методом гражданско-правового регулирования внутриотраслевого метода гражданского права. Дадим его общую характеристику, опираясь на тезис о том, что ему присущи черты, характерные для метода правового регулирования.

Итак, в-четвертых, стимулирование является самостоятельным методом правового регулирования предпринимательских отношений. В теории права под термином «метод права» традиционно принято понимать совокупность приемов и способов, с помощью которых право воздействует на общественные отношения¹⁹. Основными характеристиками метода правового регулирования являются следующие: юридическое положение участников правоотношений, а также характер их взаимных прав и обязанностей; основания и порядок возникновения субъективных прав и обязанностей; характер мер государственного принуждения в случае нарушения субъективных прав, невыполнения субъективных обязанностей²⁰. Рассмотрим стимулирование как метод правового регулирования отношений с участием предпринимателей, исходя из перечисленных характеристик.

Суть первой характеристики сводится к определению юридического положения участников правоотношений, а также характера их взаимных прав и обязанностей. Участниками отношений по стимулированию в анализируемой сфере являются лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, и их контрагенты. В зависимости от заключенного договора это могут быть покупатели, заказчики услуг и другие. Основу их взаимоотношений составляет принцип свободы договора, который наделяет стороны правом выбора контрагента по договору, а также перечня подлежащих включению в него условий (п. 4 ст. 421 ГК РФ). Полагаем целесообразным акцентировать внимание на втором правомочии сторон, предполагающем предоставленную им на законодательном уровне возможность включать в договор любые условия, не противоречащие действующему законодательству. В числе таких условий могут быть положения, стимулирующие контрагента к совершению им желаемых действий. Назовем их «положения-стимулы».

Включаемые в договор положения-стимулы, так же, как и стимулы вообще, могут быть классифицированы на позитивные и негативные. Позитивные положения-стимулы представляют собой поощрение стороны договора в случае соблюдения ею его определенных условий. Наглядным примером таких положений договора могут послужить льготные условия оплаты - скидки и премии. Определения указанных терминов в действующем гражданском законодательстве не закреплены. Вместе с тем, в справочной литературе предлагается вкладывать в них следующий смысл:

а) «премия покупателю» является стимулом, который предлагается продавцом потенциальному покупателю с целью поощрения покупки им определенного товара или услуги. Премия на практике может выражаться в форме предоставления дополнительного товара или сувенира, возврата покупателю части суммы, оплаченной за товар;

б) «скидка» рассматривается в числе условий договора, в соответствии с которым определяется размер возможного уменьшения его цены²¹. Условие о скидке может быть установлено в отношении одной единицы товара (предоставляемой услуги) либо общей цены договора.

Целью негативных положений-стимулов является побуждение субъекта правоотношения к определенному поведению под угрозой наступления неблагоприятных последствий. В частности, неблагоприятные последствия могут наступить в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения стороной договора возложенных на нее обязанностей. Примером негативного положения-стимула, формирующего мотивацию сторон договора к своевременной оплате товара (работы, услуги), является закрепление в числе его положений условия о применении к должнику штрафных санкций в виде пени за каждый день просрочки оплаты.

В качестве особенности полагаем целесообразным отметить, что включение в договор позитивных положений-стимулов — это право предпринимателя. После подписания договора данные условия становятся для него обязательными. Применение на практике включенных в договор негативных положений-стимулов

¹⁸ Киселева О.М. Поощрение как метод правового регулирования [Электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Киселева Ольга Михайловна. — Саратов, 2000. — URL: <http://pravo.news/gosudarstva-prava-teoriya/pooschrenie-kak-osobyiy-metod-pravovogo-21207.html> (дата последнего обращения: 30.10.2015 г.).

¹⁹ Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для вузов. — М.: Спарк, 1998. — С.222; Губарева А.В. К вопросу о дискуссии о методе правового регулирования [Электронный ресурс]. — Документ предоставлен СПС Консультант Плюс; Родионова О.М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права [Электронный ресурс]. — С. 59. — Документ предоставлен СПС Консультант Плюс.

²⁰ Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для вузов. — М.: Спарк, 1998. — С.222.

²¹ Путеводитель по договорной работе. Поставка. Рекомендации по заключению договора [Электронный ресурс]. — Документ предоставлен СПС Консультант Плюс.

кредитором остается его правом, а не обязанностью; для должника же соблюдение правил договора, в которых закреплены отмеченные стимулы, обязательно всегда.

Самостоятельной характеристикой метода правового регулирования является порядок и основания возникновения субъективных прав и обязанностей. Права и обязанности сторон предпринимательского отношения в сфере стимулирования возникают на основании договора. В случае отсутствия данных положений в договоре, применяются нормы действующего законодательства. Так, к примеру, неустойка может быть законной и договорной. При этом мы говорим о ней, как о негативном стимуле, мотивирующем субъектов возникающих правоотношений к надлежащему исполнению ими своих обязанностей под страхом применения к ним отмеченной санкции имущественного характера. Характер мер государственного принуждения за нарушение субъективных прав, невыполнение субъективных обязанностей определяется тем, что в основе возникновения отношений по стимулированию в рассматриваемой сфере лежит гражданско-правовой договор, чем обусловлено наступление, в случае его нарушения, гражданско-правовой ответственности.

Изложенное позволяет нам сделать следующие выводы. Отношения с участием предпринимателей могут быть охарактеризованы как имеющие ряд особенностей, проявляющихся на уровне каждого из элементов, составляющих их структуру. Являясь по своей природе гражданско-правовыми, указанные отношения, в силу своей специфики, могут быть объединены в самостоятельную общность: они составляют предмет подотрасли гражданского права — предпринимательского права. В силу обособленности анализируемых отношений от иных гражданско-правовых отношений, их регулирование, наряду с общетраслевым гражданско-правовым методом, осуществляется внутриотраслевыми методами, в числе которых метод стимулирования.

Специфика стимулирования, с точки зрения характеристик, присущих ему, как методу правового регулирования, сводится к следующему. Субъектами отношений по стимулированию в сфере предпринимательской деятельности являются предприниматели, а также иные лица, вступающие с ними в договорные отношения. Указанные отношения возникают на основе договора, в который включаются положения-стимулы, классифицируемые на позитивные и негативные. За неисполнение сторонами положений-стимулов, включенных в содержание заключаемого между ними соглашения, имеющего гражданско-правовую природу, наступает имущественная ответственность.

Список литературы

1. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления: Курс лекций / Г.В. Атаманчук. — 3-е изд., доп. — М.: ОМЕГА – Л., 2005. — 584 с. // в Пиптюк А.В. Проблемы стимулирования труда наемного работника как метода регулирования трудовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Пиптюк Анна Викторовна. — Астана, 2009. — 162 с.
2. Губарева, А.В. К вопросу о дискуссии о методе правового регулирования [Электронный ресурс]. — Документ предоставлен СПС Консультант Плюс.
3. Егоров, Н.Д. Единство и дифференциация гражданско-правового регулирования общественных отношений в СССР: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Егоров Николай Дмитриевич. — Л., 1988. — 33 с.
4. Киселева, О.М. Поощрение как метод правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Киселева Ольга Михайловна. — Саратов, 2000 — [Электронный ресурс]. — Доступ в сети Интернет: URL: <http://pravo.news/gosudarstva-prava-teoriya/pooschrenie-kak-osobyiy-metod-pravovogo-21207.html> (Дата последнего обращения: 30.10.2015 г.).
5. Лазарев, В.В., Липень, С.В. Теория государства и права: учебник для вузов. — М.: Спарк, 1998. — 448 с.
6. Пиптюк, А.В. Проблемы стимулирования труда наемного работника как метода регулирования трудовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Пиптюк Анна Викторовна. — Астана, 2009. — 162 с.
7. Путеводитель по договорной работе. Поставка. Рекомендации по заключению договора [Электронный ресурс]. — Документ предоставлен СПС Консультант Плюс.
8. Реестр добросовестных застройщиков г. Москвы [Электронный ресурс]. — URL: <http://stroi.mos.ru/news/v-reestr-dobrosovestnyh-zastroischikov-moskvy-voshli-esche-devyat-kompanii> (дата последнего обращения: 30.10.2015 г.).
9. Родионова, О.М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. — 247 с. — [Электронный ресурс]. — Документ предоставлен СПС Консультант Плюс.
10. Теряевский, С.А. Система методов правового регулирования в юридической практике современного Российского государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Теряевский Сергей Анатольевич. — Саратов, 2009. — 30 с.
11. Федеральный реестр добросовестных поставщиков [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ruscentr.com/laureats/federal/> (дата последнего обращения: 30. 10.2015 г.).

СТРУКТУРА ТАРИФОВ НА ЭЛЕКТРОЭНЕРГИЮ КАК ИНСТРУМЕНТ АНТИМОНОПОЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Мальшкин Н.Ю.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г.Абакан
Институт истории и права

Одним из важнейших факторов успешного функционирования рыночной экономики является конкуренция. С целью обеспечения и поддержки конкурентной среды государством проводится антимонопольная политика. Антимонопольная политика государства призвана пресекать монополистическую деятельность хозяйствующих субъектов, обеспечивать стабильную и эффективную работу предприятий, а также создавать нормальные условия функционирования товарных рынков, что в итоге должно положительно влиять на экономику страны.

Первым шагом механизма ценообразования в естественных монополиях, стало постановление Правительства «О госрегулировании цен и тарифов на продукцию и услуги предприятий-монополистов в 1992-1993 годах». Регуляция тарифов была возложена на Федеральную энергетическую комиссию, которая в то время существовала на общественных началах при Минэкономике. Планировалось, что комиссия будет заниматься ценообразованием на российском оптовом рынке и установлением платы для региональных энергосистем за пользование сетями РАО ЕЭС.

Следующим шагом на пути совершенствования ценообразования в отраслях естественных монополий стал 1995 год, где было издано три нормативных акта, согласно которым предполагалось усовершенствовать тарифную политику, а также расширить полномочия Федеральной энергетической комиссии: положение о Федеральной энергетической комиссии, закон о естественных монополиях и закон о государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию. Федеральным законом от 14 апреля 1995 г. № 41-ФЗ «О государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию в Российской Федерации» были закреплены правовые, экономические, и организационные основы государственного регулирования тарифов на электрическую и тепловую энергию.

Кроме того, данный федеральный закон определил три уровня государственного регулирования тарифов:

- оптовый рынок электроэнергии, отнесенный к полномочиям Федеральной энергетической комиссии России;
- потребительский региональный рынок, отнесенный к полномочиям Федеральной энергетической комиссии России;
- рынок муниципальных образований, отнесенный к полномочиям органов местного самоуправления.

Федеральным органам были даны полномочия определения основ ценовой политики и механизма расчета энерготарифов, а региональным экономическим комиссиям было предоставлено право самостоятельно устанавливать тарифы.

За основу установления энерготарифов был взят затратный принцип, согласно которому затраты на производство, транспортировку и реализацию электроэнергии должны быть возмещены, после их утверждения экспертизой ФЭК России. Энергетическим компаниям было достаточно убедить РЭК и ФЭК, в важности своих затрат, для того чтобы получить прибыльные тарифы. Для эффективных электростанций такая прибыль являлась заниженной, а для неэффективных - завышенной. Это привело к тому, что неэффективным электростанциям не нужно было прилагать усилий для снижения себестоимости электроэнергии, а все их усилия направлялись на оправдание затратности производства.

Зачастую регулирование тарифов взаимосвязано с политической конъюнктурой в ущерб экономическим принципам регулирования, что в свою очередь приводит к серьезным противоречиям в системе регулирования тарифов на электроэнергию на федеральном и региональном уровнях.

Эффективность ценообразования на энергоресурсы во многом зависит от механизма расчета тарифов на производство, транспорт и сбыт электрической и тепловой энергии. Так, большим достижением ФЭК является разработка методик по расчету энерготарифов на потребительском рынке, размера платы за услуги по передаче электрической энергии, по обоснованию структуры и размера абонентной платы, расчету прогнозных уровней тарифов на электро- и тепловую энергию, потребляемую организациями, финансируемыми за счет средств федерального бюджета и др.

Без всякого сомнения, появление методик расчета различных энерготарифов положило конец ценовому беспределу, который имел место в начале 90-х годов XX века.

Вместе с тем анализ существующих методик показывает, что они страдают серьезными недостатками, что сильно затрудняет их эффективное использование.

Сегодняшняя эффективность антимонопольной политики остается недостаточно высокой и для ее повышения необходимо приложить определенные усилия. Такая эффективность антимонопольной политики обуславливается недостатками государственного антимонопольного регулирования. До настоящего времени отсутствуют условия для добросовестной конкуренции, которые определяют эффективность рыночной экономики. Соответствующие органы государственной власти на отраслевом уровне не прилагают должных усилий по развитию конкуренции и повышению конкурентоспособности отечественных предприятий. Кроме того, остро стоит проблема пресечения недобросовестной ценовой конкуренции со стороны монополистов.

Низкая эффективность проводимой антимонопольной политики тесно связана с недостаточностью норм ответственности за недобросовестную конкуренцию, включающей в себя завышение цен, дискриминацию потребителей и несоблюдение регулируемых тарифов на услуги естественных монополий. Многие предписания органов антимонопольного регулирования оспариваются в судах, причем до 40 % процессов завершаются отменой этих предписаний. Причиной этого является недостаток квалифицированных специалистов, занимающихся антимонопольным регулированием, а также значительные проблемы в организации их работы.

Правительство слабо использует право законодательной инициативы в области антимонопольной политики. Практика антимонопольного регулирования и соответствующая законотворческая работа оторваны друг от друга. Анализ опыта применения закона «О защите конкуренции» и других законодательных актов, определяющих нормы антимонопольного регулирования, свидетельствует о необходимости их серьезного совершенствования.

Для повышения эффективности антимонопольной политики требуется принятие ряда мер со стороны государства, связанных с разработкой стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования электроэнергетики, которая позволила бы разрешить существующие проблемы.

Список литературы

1. Вахтеров С. Реформа-вперед! // ЭнергоРынок. 2004. № 1. С.12-15.
2. Постановление Правительства РФ от 11.08.1992 № 576 (с изм. от 31.12.1992) "О государственном регулировании цен и тарифов на продукцию и услуги предприятий - монополистов в 1992 - 1993 годах" // Российская газета. 1992. 28 августа.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 июня 1994 г. № 739 "Об утверждении Положения о Федеральной энергетической комиссии" // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 9. Ст. 1022.
4. Федеральный закон от 14.04.1995 № 41-ФЗ (ред. от 27.07.2010) "О государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию в Российской Федерации" // Российская газета. 1995. 20 апреля.
5. Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ (ред. от 30.12.2012) "О естественных монополиях" // Российская газета. 1995. 24 августа.
6. Энергетическая стратегия России на период до 2020 года» // Вестник ФЭК России. 2001. № 1-3.

СЕКЦИЯ №4.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.05)

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

Коробейников Д.Ю.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г.Абакан
Институт истории и права

Понятие правового механизма оказания социальных услуг в юридической науке ни в ее отраслях, ни, тем более, в общей теории права до настоящего времени не разработано. Соответственно, не решены вопросы о его структуре, взаимосвязи составляющих элементов и т.п.

Методологические подходы к решению задачи разработки теоретического понятия правового механизма оказания социальных услуг могут быть различными. Данное понятие может быть построено по образу механизма

государства, под которым понимается совокупность органов, осуществляющих управление обществом, реализующих основные направления государственной деятельности. Следуя данной логике можно определить «правовой механизм оказания социальных услуг» как совокупность (систему) органов, организаций и учреждений, оказывающих социальные услуги. Однако данное определение, на наш взгляд, не выдерживает никакой критики, т.к. отражает всего лишь один из элементов данного механизма.

Механизм правового обеспечения, на наш взгляд - это понятие более близкое к механизму правового регулирования. Кроме того, оно в большей степени связано с реализацией нормотворческой компетенции органов государственной власти и местного самоуправления, уполномоченных законом издавать нормативные предписания, направленные на урегулирование общественных отношений, составляющих объект настоящего исследования. Следовательно, данный подход также представляется неприемлемым для решения задачи разработки теоретического понятия, входящего в объект настоящего исследования.

В определении понятия правового механизма оказания социальных услуг мы, в соответствии с целью данного исследования, исходим из необходимости решения трех основных задач.

Первая задача состоит в том, чтобы правильно определить пределы предмета исследования, включив в него все необходимые элементы, составляющие данный механизм, и в то же время не расширять его пределы, охватывая смежные или внешне похожие явления.

Вторая задача заключается в том, чтобы это понятие могло быть развернуто в систему понятий, отражающую во всей ее сложности сущность предмета в его связи с другими понятиями и представлениями, образующими данную систему.

Наконец, третья задача состоит в том, чтобы соответствующая дефиниция отвечала потребностям практики и имела не только теоретическое, но и прикладное значение - правильно ориентировала законодателя, адекватно отражала предмет правового регулирования и охватывала весь спектр связанных с оказанием социальных услуг общественных отношений, которые, с одной стороны, объективно могут быть урегулированы правом, а с другой - требуют такого регулирования.

Механизм оказания социальных услуг как правовое явление представляет собой единство содержания и формы. Содержание немислимо вне формы, в которой оно выражается. Содержание есть то, что наполняет форму, из чего она осуществляется.

Мы здесь имеем удвоение формы: во-первых, она, как рефлексированная внутрь себя, есть содержание, во-вторых, она, как нерелексированная внутрь себя, есть внешне безразличное для содержания существование».

Правовой механизм оказания социальных услуг представляет собой правовой цикл деятельности со своими этапами и участниками. Его составляют следующие элементы: 1) правовой статус получателей услуг (определение получателей услуг, их прав и обязанностей, включая льготные режимы) и субъектов, оказывающих социальные услуги (установление обязанности государственных и муниципальных органов, организаций и учреждений оказывать услуги, ответственность за необоснованный отказ в предоставлении услуги, невыполнение ее стандарта); 2) стандарты социальных услуг; 3) основания предоставления услуг; 4) процедуры оказания социальной услуги; 5) формы контроля за деятельностью субъектов, осуществляющих предоставление услуги (включая, порядок оспаривания решений и действий (бездействия) органа или учреждения, предоставляющего услуги, а также должностных лиц, государственных или муниципальных служащих); 6) мониторинг оказания социальных услуг.

При таком подходе открывается возможность интегрировать в дефиниции основные черты данного явления, адекватно определить предмет правового регулирования - круг общественных отношений, которые могут быть и объективно нуждаются в урегулировании, выдержать межотраслевой характер соответствующего понятия, обеспечить пригодность дефиниции как для научного исследования, так и для правовой практики.

В данной теоретической конструкции требуют пояснения такие категории как «стандарт услуг» и «процедура оказания услуги», поскольку эти теоретические понятия являются достаточно новыми для российской правовой науки.

Стандарт социальной услуги представляет собой систематизированный набор требований к органу исполнительной власти, определенный исходя, с одной стороны, из потребностей и пожеланий его клиентов, а с другой - учитывающий технологические, материально-технические, финансовые и иные ресурсные ограничения государственного органа.

Указанный стандарт имеет форму нормативного правового акта, определяющего взаимодействие органа исполнительной власти (должностных лиц) с гражданами и организациями, и разрабатывается для каждого вида услуги.

Для разработки стандартов социальных услуг необходима еще одна типология - различение сложных и простых услуг. Такое разграничение вызвано тем, что ряд услуг является составными, т.е. требуют нескольких

взаимодействий. Таким образом, можно выделить:

- 1) простую социальную услугу - однократное взаимодействие клиента с органом власти, иным субъектом оказания услуги;
- 2) сложную (составную) социальную услугу - совокупность связанных между собой простых услуг, оказываемых одному конкретному клиенту.

Стандартизации подлежат сложные социальные услуги и простые, которые не являются частью сложных.

В широком смысле процедурные механизмы характерны для нормативного регулирования вообще, и поэтому правовые процедуры рассматривают как особый нормативно установленный порядок осуществления юридической деятельности. Процедура служит выражением специфических юридических режимов применения права.

В свою очередь, административная процедура представляет собой нормативно установленный порядок осуществления уполномоченными субъектами права последовательно совершаемых действий в целях реализации их компетенции и оказания услуг. Ее назначение - ограничивать произвольное административное усмотрение и вводить легальные критерии действий государственных и муниципальных структур, служащих, должностных лиц, граждан и юридических лиц.

Введение процедур придает деятельности органов публичной власти строго легальный открытый и заранее предсказуемый характер и позволяет ограничивать и устранять произвольные действия.

Таким образом, правовой механизм оказания социальных услуг представляет собой достаточно сложный юридический феномен.

Для его формирования и эффективного функционирования необходимо надлежащее нормативно-правовое обеспечение и создание условий для адекватной правоприменительной практики.

Высказанные теоретические предложения могут оказать в этой части значительную помощь, как законодателю, так и правоприменителю.

Список литературы

1. Апостолова Т.М. Социальная политика и правовой механизм ее реализации: учебное пособие / Т. М. Апостолова, Н.Р. Косевич; под общ. ред. Н.Р. Косевич. М.: ВЛАДОС, 2008. – 480 с.
2. Законность в Российской Федерации. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2008. – 616 с.
3. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Муниципальная Россия: социально-экономическая ситуация, право, статистика. В 5 т., 12 кн. - М.: Эдиториал УРСС, 2000 - 2001: [Рецензия] // Л. Добрышина // Российский экономический журнал. - 2001. - № 7. - С. 81 – 84.
4. Механизм правового обеспечения публичных услуг / Публичные услуги и право: Научно-практическое пособие / Под ред. Тихомирова Ю.А. М., 2007. – 244 с.
5. Парамонов В.В. Развитие России и формирование модели социальной политики / В.В. Парамонов // Социальное и пенсионное право. - 2014. - № 1. - С. 47 - 51.
6. Публичные услуги и право: Научно-практическое пособие / под ред. Тихомирова Ю.А. М., 2007. – 321 с.

СЕКЦИЯ №5.

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.06)

СЕКЦИЯ №6. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.08)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОБЩИХ ЗАПРЕТОВ ВИНОВНОГО УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКОЙ

Новичков В.Е.

Юго-Западный государственный университет, г.Курск

В числе современных социально-вредных рисков особую тревогу вызывают распространение случаев преступного причинения ущерба в виде «простого» и «общеопасного» разрушения материальных ценностей, всего того, что в уголовном праве именуется виновное уничтожение или повреждение чужого имущества.

В течение последних десяти лет, только умышленное уничтожение или повреждение имущества (общие запреты), совершенные путем поджога регистрировались на уровне: в 2004 г. – 13655 преступлений (+5,8%), в 2005 г. - 17984 преступлений (+31,7%), в 2006 г.- 18386 преступлений (+2,2%), а с 2007 г. при статистических показателях ежегодного снижения в среднем на 4,7 – 4,8% реальный средне-ежегодный рост данных преступлений (в сравнении с 2005 г.) составлял + 8%, а в начале 2015 года официальные показатели преступности в России отметили рост уничтожения или повреждения имущества на +0,5% ¹. Отметим, что государственная статистика фиксирует лишь умышленное уничтожение или повреждение имущества, совершенное путем поджога, а не всю совокупность признаков этого состава преступления - путем взрыва или иным общеопасным способом либо повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, а также крупный размер; совершенные путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности. Кроме того, уничтожение и повреждение имущества выступают в качестве какого-либо признака состава преступления во многих уголовно-правовых нормах, например, в статьях 133, 162, 163, 205, 213, 281, 330, 346, 347 УК РФ и др.

Можно с уверенностью сказать, что в действующем УК РФ найдется совсем немного статей, в которых не содержались бы указания на уничтожение или повреждение чужого имущества, как дополнительного объекта или как деяния, способа, либо последствия преступления, а также мотива либо побуждения. Более того, в большинстве законодательных актов, Указов, постановлений и иных нормативно-правовых документах, каким бы аспектам борьбы с преступностью они не посвящались, всегда отмечается необходимость защиты имущества от уничтожения или повреждения (например, в Федеральном законе от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму», Федеральном Законе РФ «О повышении эффективности противодействия рейдерству в России» и др.). Однако, заложенный в них, в действующем УК РФ, а также в иных законодательных актах концептуальный подход о незначительной опасности некорыстных имущественных посягательств, порождает немало пробелов в законодательстве, различных подходов в догматическом толковании и интерпретации понятий, определений и признаков, закрепленных в общих запретах виновного уничтожения или повреждения чужого имущества и, следовательно, проблем их правоприменения.

Во-первых, теоретическая конструкция основных составов преступлений, предусмотренная ст. ст. 167 УК РФ (Умышленное уничтожение или повреждение имущества) и 168 УК РФ (Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности) носит упрощенный характер, а законодательное закрепление представлено в обеих статьях УК РФ лишь частью объективной стороны в виде: а) действия; б) его последствий (уничтожение или повреждение, «значительный ущерб», «крупный размер» и др.); в) способа совершения преступления в случае неосторожного уничтожения или повреждения («совершенные путем неосторожного обращения с огнём или иными источниками повышенной опасности»); г) предмета преступления (в виде «чужого имущества»), который в объективную сторону преступления, как известно, не входит. Квалифицированный состав наличествует лишь в ст. 167 УК (ч. 2), его конструкцию определяют несколько самостоятельных способов совершения общественно опасного деяния («те же деяния, совершенные из хулиганских побуждений, путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом либо повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия).

¹ См.: Общие сведения о состоянии преступности в Российской Федерации //Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Статистика и аналитика/<https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics>. (Запрос 28.09.2015).

Во-вторых, в рассматриваемых нормах, указание на причинение того или иного вреда («значительный ущерб», «тяжкие последствия», «крупный размер») если эти деяния их повлекли, а также ссылки на обязательность учёта способов совершения деяния и иных факультативных признаков состава преступления - есть ничто иное, как желание законодателя: 1) превратить правильную и законную «норму» в «исключение из правила» - окружив её различными условиями; 2) уравнивать совершенно разнопорядковых субъектов, подвергшихся криминальной агрессии в материальном и финансовом благосостоянии, что неправильно само по себе, в условиях существования в стране 20 млн. человек за чертой бедности и введения для них карточной системы с целью льготного приобретения ими лишь жизненноважных продуктов питания. Речь идет о том, что закон уравнил физических и юридических лиц суммой и степенью причиненного вреда их имуществу – а) «значительным ущербом» (он определяется гражданину с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее двух тысяч пятисот рублей - ч.1 ст. 167); б) «тяжкими последствиями» (это определение не имеет точных признаков и полного перечня - ч. 2 ст. 167); в) «крупным размером», под которым признается стоимость имущества, превышающая двести пятьдесят тысяч рублей.

В-третьих, содержание диспозиций общих запретов виновного уничтожения или повреждения чужого имущества (ст.ст. 167, 168 УК) содержит множество оценочных понятий, требующих законодательного (официального), догматического либо иного толкования, что «затрудняет» на практике «точную» квалификацию этих составов и их отграничение от смежных общественно опасных деяний. Так, например, проведенный нами опрос сотрудников правоохранительных органов показал, что им сложно дать уголовно-правовую квалификацию в связи с отсутствием обобщенной судебной практики квалификации уничтожения или повреждения чужого имущества и назначения наказаний по ним, а также спорным характером ряда общих разъяснений Верховного Суда РФ, например, его Пленума от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем»¹, т.е. пробельностью самого официального толкования.

Опрошенные указали на трудность правильной квалификации тех деяний, которые связаны с уничтожением имущества одного супруга другим супругом (29 % опрошенных дознавателей, 22% следователей и 6,0% прокуроров стаж практической работы у которых не более 3 лет); в связи с предполагаемым правом на это имущество субъектом деяния, а именно в тех случаях, когда квалификация зависит от совокупности субъективных представлений виновного о предмете уничтожения или повреждения имущества (соответственно - 31/ 24,8%; 13,2% опрошенных); в случаях, когда виновный ссылается на те или иные долговые обязательства потерпевшего перед ним (34/27/14% опрошенных); неоднозначность восприятия таких понятий, как «значительный ущерб» гражданину, который в рассматриваемых статьях УК РФ определяется с учетом его имущественного положения, «иные тяжкие последствия», заставляющие расценивать фактическое уничтожение или повреждение имущества как самоуправство, казус, невинное причинение вреда либо как проявление административных или гражданско-правовых отношений (37,7/29,2/15,4% опрошенных).

В-четвертых, очевидно, что вышеназванные направления современных проблем приводят к выводу о том, что уголовно-правовые запреты уничтожения или повреждения чужого имущества требуют в этой части, согласованности как минимум трех отраслевых законодательств – уголовного, административного и гражданского.

В связи с обозначенной здесь проблематикой общих запретов виновного уничтожения или повреждения чужого имущества хотелось бы предложить следующее: 1) дифференцировать эквиваленты ущерба от умышленного и неосторожного уничтожения или повреждения имущества (денежные, компенсационные, значимые для имущественного положения и для основных направлений и сфер деятельности различных субъектов) отдельно для граждан и юридических лиц; 2) изменить заложенный в общих запретах уничтожения или повреждения чужого имущества концептуальный подход о незначительной опасности подобных некорыстных посягательств на большую степень их общественной опасности.

Список литературы

1. Общие сведения о состоянии преступности в Российской Федерации // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Статистика и аналитика / <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics>. (Запрос 28.09.2015).

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем»//ВВС РФ. 2002. № 8. С. 4 — 6.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» // ВВС РФ. 2002. № 8. С. 4 — 6.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ВИДОВ МОШЕННИЧЕСТВА: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ИЗБЫТОК ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА?

Абубакиров Ф.М., Гуляев А.А.

Хабаровский государственный университет экономики и права, г.Хабаровск

Идея дифференциации уголовной ответственности за мошенничество в российском уголовном законодательстве не является новой. Различные предложения, касающиеся тех или иных ее аспектов, высказывались А.В. Филиповым, С.В. Прометовым, В.П. Трухиным и другими авторами [9, 6, 8]. Практическое же воплощение указанная идея получила в федеральном законе № 207 от 29.11.2012 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который дополнил УК РФ шестью новыми составами, предусматривающими ответственность за различные виды мошенничества.

В пояснительной записке к законопроекту отмечается, что необходимость подобной дифференциации обусловлена, прежде всего, разнородностью сфер общественных отношений, в которых совершается мошенничество, и несовершенством ст. 159 УК РФ, которая «не в полной мере учитывает особенности тех или иных экономических отношений, а также не позволяет обеспечить на должном уровне защиту интересов граждан, пострадавших от мошеннических действий» [4].

По мнению авторов законопроекта, указанные изменения будут способствовать снижению числа ошибок и злоупотреблений во время возбуждения уголовных дел о мошенничестве, повышению качества работы по выявлению и расследованию преступлений, правильной квалификации содеянного, более четкому отграничению уголовно наказуемых деяний от гражданско-правовых отношений.

Вместе с тем анализируемые новеллы законодательства вызвали в научной среде оживленную дискуссию, сопровождающуюся острой критикой целесообразности и эффективности введения новых составов, основными претензиями которой являются размытость критериев дифференциации, недостаточная разработанность законодательной конструкции составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 159.1 – 159.6, низкая степень их пенализации, создающая определенные преференции для мошенников.

В этой связи напрашивается вопрос: действительно ли необходимо многообразие норм об ответственности за мошенничество в УК РФ, или же ст. 159 в нынешнем ее виде полностью справляется со своими задачами? Попробуем разобраться в данной проблеме.

Отчасти ответ дает инициатор законопроекта о дифференциации – Верховный суд РФ, который, обосновывая ее необходимость, отмечает, что «действующая редакция статьи 159 УК РФ охватывает все случаи хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием» [4].

Однако необходимо, прежде всего, уяснить саму сущность процесса дифференциации уголовной ответственности.

Наиболее полным представляется определение дифференциации, данное Т.А. Лесниевски-Костаревой, которая рассматривает указанный процесс как градацию, разделение, расслоение уголовной ответственности в уголовном законе, в результате которого законодателем устанавливаются различные уголовно-правовые последствия в зависимости от типовой степени общественной опасности преступления и типовой степени общественной опасности личности виновного [3].

Таким образом, процесс дифференциации уголовной ответственности непосредственно связан с пенализацией (депенализацией) преступлений, и осуществляется с учетом существенных различий признаков объективной и субъективной сторон составов преступлений, а также типовой характеристики субъекта преступления.

В этой связи следует сделать небольшую оговорку. Изначально законопроект о дифференциации уголовной ответственности не предусматривал каких-либо различий в части наказания за специальные виды мошенничества [5]. В таком случае, ни о какой дифференциации уголовной ответственности в принципе не может идти речи. При таких обстоятельствах мы скорее наблюдаем дифференциацию видов мошенничества.

Однако в ходе рассмотрения указанного законопроекта законодатель все-таки решил провести градацию наказания, породив, тем самым, шесть привилегированных составов мошенничества.

Ю. В. Голик и А. И. Коробеев справедливо задаются вопросом причинной обусловленности выбора именно тех сфер экономических отношений, которые указаны в ст.ст. 159.1 – 159.6 УК РФ, в качестве требующих особой уголовно-правовой защиты. «Что касается значимости выбранных для охраны в рассматриваемой ситуации объектов, – размышляют авторы, – то она весьма сомнительна, и защита таких объектов таким способом практически не отвечает ни нуждам общества, ни интересам государства» [2].

Об избыточности дополнения УК РФ новыми составами, предусматривающими ответственность за мошенничество, говорит также А. В. Шеслер [10].

С указанными авторами можно согласиться, при этом добавив, что новые нормы о мошенничестве носят казуистичный характер, являют собой стремление законодателя предусмотреть в законе частные варианты одного и того же деяния, что на фоне позитивной тенденции унификации уголовного законодательства безусловно означает регресс в области уголовно-правовой борьбы с мошенничеством.

В этой связи видится показательным высказывание А.В. Архипова, рассуждающего о необходимости выделения специальной нормы о мошенничестве при получении выплат: вряд ли возможно было бы признать в данном случае обоснованным выделение специального состава из общей нормы, предусматривающей уголовную ответственность за мошенничество, только лишь по признаку предмета преступления или способа его совершения. Ведь в случае признания такого решения обоснованным невозможно будет найти объяснение тому, почему нельзя выделить в отдельную норму, например, мошенничество, совершенное посредством только активного обмана, или мошенническое хищение мебели (одежды, продуктов питания и т.п.) [1].

Введение специальных составов мошенничества на практике порождает проблемы квалификации, связанные с конкуренцией их с «общей» нормой. Например, в случае, когда заемщик совершает хищение принадлежащих банку или иной кредитной организации денежных средств посредством умолчания о своем намерении не возвращать кредит, и при этом предоставленные им документы, необходимые для получения кредита, не содержат ложных и (или) недостоверных сведений, его действия не могут быть квалифицированы по ст. 159.1 УК РФ. В данном случае отсутствует такой обязательный признак объективной стороны указанного состава преступления как способ совершения противоправных действий. Таким образом, виновное лицо будет нести ответственность по ст. 159 УК РФ, по которой ему уже может быть назначено наказание в виде лишения свободы. Однако достаточно при совершении мошенничества использовать заведомо ложные или недостоверные сведения и ответственность существенно смягчается. Ситуация получается абсурдная: законодатель закрепляя в диспозиции статьи способ, объективно повышающий степень общественной опасности преступления, по сути признает его смягчающим обстоятельством. Непонятно также решение законодателя наделить привилегированным статусом представителей бизнес сообщества, то есть лиц, совершающих мошенничество в сфере предпринимательской деятельности. Представляется, что правовой статус индивидуального предпринимателя, члена органа управления коммерческой организацией предоставляет мошеннику дополнительные возможности, способствующие совершению мошенничества, в связи с чем, можно говорить об использовании такими лицами своего служебного положения. Данное обстоятельство должно обуславливать лишь усиление уголовной ответственности. Здесь же следует обратить внимание на то, что в ст. 159.4 УК РФ отсутствует такой квалифицирующий признак, как совершение мошенничества группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, в связи с чем существенно снижается эффективность борьбы с организованными формами мошенничества. В свете изложенного видится вполне оправданным признание Конституционным судом РФ последней нормы несоответствующей Конституции РФ.

В целом следует отметить, что задачи, поставленные инициатором законопроекта о дифференциации уголовной ответственности за мошенничество, не достигнуты. Низкая пенализация и увеличение в некоторых статьях крупного и особо крупного размеров мошенничества не позволяют в полной мере обеспечить защиту интересов граждан, пострадавших от мошеннических действий и влекут нарушение важнейшего руководящего начала уголовного законодательства – принципа справедливости. Вместе с тем, многообразие специальных видов мошенничества, по большей части искусственно выделенных из «материнского» состава, на практике лишь увеличит количество ошибок в квалификации и создаст почву для необоснованного расширения границ усмотрения правоприменителя, трансформирующегося в существенное занижение общественной опасности традиционных форм мошенничества.

Дифференциация уголовной ответственности является одним из приоритетных направлений современной уголовной политики и, в сущности, направлена на установление соответствия между типовой степенью общественной опасности преступления, а также личности преступника и объемом мер уголовно-правового воздействия за его совершение.

Как обоснованно отмечает А.В. Архипов выделение специального состава должно производиться с целью дифференциации уголовной ответственности, иначе законодатель, признавая наличие повышенной общественной опасности деяния, выделяя его в специальную норму, никак на это не реагирует с точки зрения пенализации [1].

Думается, что разница в степени общественной опасности общего и специальных видов мошенничества минимальна, или даже вовсе отсутствует, и фактически происходит не более чем деление общего на части. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что в существующем виде дифференциация уголовной ответственности за мошенничество не имеет никакого смысла.

Список литературы

1. Архипов А.В. К вопросу о необходимости специальной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за мошенничество при получении выплат // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 95–98.
2. Голик Ю., Коробеев А. Прошлогодние трансформации уголовного закона: реплика // Уголовное право. 2013. №2. С. 16-17.
3. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. — 2-е изд., перераб и доп. — М., 2000. 400 С.
4. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности [Интернет-портал]. <http://asozd2.duma.gov.ru/> (дата обращения 22.10.2015).
5. Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности [Интернет-портал]. <http://asozd2.duma.gov.ru/> (дата обращения 22.10.2015).
6. Прометов С.В. Ответственность за посягательства в сфере страхования: законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук // Федеральный правовой портал Юридическая Россия [Интернет-портал]. <http://www.law.edu.ru/> (дата обращения: 23.10.2015).
7. Пряхина Н.И., Щепельков В.Ф. Ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности: социально-правовая обоснованность, правоприменение, перспективы в свете решения Конституционного суда РФ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2. С. 277–289.
8. Трухин В.П. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в кредитно-банковской сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук // Федеральный правовой портал Юридическая Россия [Интернет-портал]. <http://www.law.edu.ru/> (дата обращения: 23.10.2015).
9. Филиппов А. В. Уголовная ответственность за мошенничество в сфере страхования автотранспортных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук // Федеральный правовой портал Юридическая Россия [Интернет-портал]. <http://www.law.edu.ru/> (дата обращения: 23.10.2015).
10. Шеслер А. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. 2013. №2. С. 67-71.

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМАХ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ

Боричев К.В.

ЧОУ ВПО «Институт правоведения и предпринимательства», г.Санкт-Петербург

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению международных правовых актов в сфере противодействия терроризму. Рассматриваются международные резолюции, Конвенции Лиги Наций, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, Конвенции ООН и Европейские конвенции в области антитеррора. Предлагается закрепление чёткого и единообразного определения понятия «международный терроризм», в т.ч. посредством определения логически построенного и исчерпывающего перечня преступлений данной категории.

Ключевые слова: международные террористические организации, международный терроризм, преступления террористического характера, противодействие терроризму, терроризм, террористическая деятельность, террористический акт.

TO THE QUESTION ABOUT THE INTERNATIONAL LEGAL NORMS OF COUNTER-TERRORISM

Konstantin Borichev

Institute of Law and Business, Saint-Petersburg

The article is devoted of consideration of an international legal acts in the sphere of counter-terrorism. Discusses the international resolutions, the Convention of the League of Nations, resolutions of the UN General Assembly, UN Convention and the European Convention about counter-terrorism. Proposed consolidation of a clear and uniform definition of "international terrorism", including by identifying coherent and exhaustive list of crimes in this category.

Key words: international terrorist organizations, international terrorism, the crime of terrorism nature, counter-terrorism, terrorism, terrorist activities, terrorist act.

На сегодняшний день проблема противодействия терроризму является одной из наиболее актуальных в сфере международного взаимодействия. Так, 27 августа 2015 года на Координационном совете генеральных прокуроров государств-участников СНГ, прошедшем в Астане, Генеральный прокурор России Ю.Я. Чайка отметил, что «страны СНГ должны объединить усилия для того, чтобы противостоять росту террористической активности, которая наблюдается по всему миру...». Особое внимание в своём выступлении он уделил тому, что «...задачи пресечения источников и каналов финансирования терроризма, лишения его идеологических основ и противодействия транснациональной преступности в целом требуют объединения и координации усилий как генеральных прокуратур, так и других правоохранительных органов государств...» [3]. Действительно, в настоящее время существующие международные террористические организации, такие как «Исламское государство», «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»), «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»), «Аль-Каида» и другие, являются по сути не только «проводниками» идей терроризма в том или ином государстве, но и осуществляют полноценное обучение своих боевиков, участвуют в открытых боевых действиях с противостоящими им правительственными силами той или иной страны, а также ведут подготовку и финансирование террористических актов по всему земному шару. Таким образом, проблема противодействия данной угрозе уже вышла за пределы ответственности какого-либо одного государства и является важным элементом сотрудничества всех государств с целью противостояния терроризму.

Повышение эффективности борьбы с терроризмом в настоящее время требует изучения накопленного исторического опыта деятельности правоохранительных органов по его противодействию, а также изучения существовавших и ныне действующих международных и национальных нормативных правовых актов в области антитеррора. При этом их анализ и обобщение опыта нормативно-правового регулирования противодействия терроризму в целом призваны оказать исключительно положительное влияние на успешность противодействия этому явлению в современной России и современном мире.

Следует отметить, что первоначально правоведы многих государств ставили перед собой задачу унифицировать уголовно-правовые нормы национальных законодательств в области терроризма. Однако в связи с излишней политизацией оценки террористической деятельности, а также в связи с тем, что основное внимание было уделено квалификации интернационально опасных последствий терроризма, деятельность учёных не увенчалась успехом.

В резолюции III Международной конференции по унификации уголовного законодательства (Брюссель, 1930 г.) впервые была сделана попытка определения понятия терроризм, в т.ч. объективной стороны данного преступления, однако оно получилось слишком расплывчатым и неточным.

В резолюциях IV Парижской конференции по унификации уголовного права (1931 г.) и V Мадридской конференции (1933 г.) в качестве признаков международного терроризма были отмечены: использование наиболее опасных и разрушительных средств, цель в виде терроризирования (устрашения) населения, публичные призывы к совершению подобных деяний, создание соответствующего сообщества и членство в нём. После убийства в Марселе в 1934 году короля Югославии и Министра иностранных дел Франции Лига Наций при участии СССР разработала 2 конвенции: «О предупреждении терроризма и наказании за него» и «Об учреждении Международного уголовного суда», в которых терроризм описывался как «умышленное действие, преследующее цель убийства глав государств, дипломатов, разрушение или повреждение государственного имущества или

средств транспорта, действия, подвергающие опасности человеческие жизни, создание организаций, преследующих подобные цели, и членство в таких организациях» [11, с. 55].

Таким образом, уже почти столетие назад, в 1934 году Советом Лиги Наций, в которую на тот период входило 58 государств-участников, было принято решение, в котором на все государства возлагалась прямая обязанность «не поощрять и не терпеть на своей территории никакой террористической деятельности, преследующей политические цели... Каждое государство не должно ничем пренебрегать в деле предупреждения и репрессии террористических актов...» [10, с. 27].

В Женевской Конвенции о предупреждении терроризма и наказании за него 1937 года впервые была предпринята попытка дать определение такому понятию как международный терроризм. В частности, под терроризмом предлагалось понимать преступные действия, которые направлены против какого-либо государства и цель и характер которых состоят в том, чтобы посеять страх среди отдельных лиц, групп лиц или населения в целом. Однако данная Конвенция так и не вступила в силу. При этом нельзя не отметить особое значение данного документа, так как в нём непосредственно террористические действия были определены как уголовные деяния без ссылки на какую-либо возможную их политическую обусловленность, что в конечном итоге позволяют отграничить террористические преступления и вооруженную борьбу за независимость, в том числе восстания и партизанскую борьбу [9].

После Второй Мировой войны Генеральной Ассамблеей ООН было принято более 10 резолюций о национальном, региональном и международном терроризме [5, с. 133]. Также были приняты иные международно-правовые документы, относящиеся к проблеме противодействия терроризму: Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов от 14 сентября 1963 года (Токийская); Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 года (Гагская); Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников от 4 декабря 1989 года (Нью-Йоркская); Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом от 15 декабря 1997 года (Нью-Йоркская); Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года (Шанхайская) и др.

Необходимо отметить, что ещё в 1972 году Восьмой Конгресс ООН выработал специальные рекомендации в форме Приложения «О мерах по борьбе с международным терроризмом», в котором важнейшими мерами были признаны: провозглашение необходимости разработки и осуществления международных договоров о выдаче террористов, при этом исключения в отношении политических преступлений теперь не должно было становиться препятствием для выдачи террористов. В Докладе V Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1976 г.) отмечалось, что пытки и терроризм представляют собой две стороны одного и того же зла, которое заключается в применении насилия с целью заставить людей под страхом страдания или смерти подчиниться воли государственного аппарата, отдельных лиц или групп лиц [11, с. 55]. Секретариат ООН в 1972 году официально заявил о существовании в мире таких форм терроризма, которые обусловлены нищетой, бедами и отчаянием, безысходностью населения определённых регионов, которые в свою очередь вынуждают население этих регионов фактически жертвовать человеческими жизнями, в т.ч. и собственными, чтобы добиться реальных существенных изменений для групп населения, чьи права ущемляются [5, с. 133].

Попытка конкретизировать объективные и субъективные признаки терроризма, к которым можно отнести цели, способ, предмет, место и последствия, была предпринята международным сообществом в 1997 году в Международной конвенции по борьбе с бомбовым терроризмом. Действительно, вплоть до конца XX века в актах международного права террористические преступления с применением взрывных устройств не получили должной оценки и рассмотрения, что, в свою очередь, приводило к необходимости укрепления международного сотрудничества между государствами в области разработки и реализации эффективных мер по предупреждению террористических актов, уголовного преследования и наказания террористов [7, с. 291].

В Международной конвенции ООН о борьбе с бомбовым терроризмом была определена объективная сторона «бомбового» терроризма. В частности, в п. 1 ст. 2 указывается, что «...любое лицо совершает преступление по смыслу настоящей Конвенции, если оно незаконно и преднамеренно доставляет, помещает, приводит в действие или взрывает взрывное или иное смертоносное устройство в пределах мест общественного пользования, государственного или правительственного объекта, объекта системы общественного транспорта или объекта инфраструктуры или таким образом, что это направлено против них:

- a) с намерением причинить смерть или серьёзное увечье; или
- b) с намерением произвести значительное разрушение таких мест, объекта или системы, когда такое разрушение влечёт или может повлечь причинение крупного экономического ущерба...» [6].

Особое внимание в Конвенции было уделено местам совершения «бомбового» терроризма, к которым были отнесены:

❖ Государственные или правительственные объекты (любой постоянный или временный объект или транспортное средство, используемые или занимаемые представителями государства, членами правительства, представителями законодательного или судебного органа, либо должностными лицами или служащими органа государственной власти или иного государственного органа или учреждения, либо служащими или должностными лицами межправительственной организации в связи с выполнением своих служебных обязанностей);

❖ Объекты инфраструктуры (любой объект, находящийся в государственной или частной собственности, который оказывает или распределяет услуги водоснабжения, водоотведения, энергоснабжения, снабжения топливом и связи в интересах населения);

❖ Места общественного пользования (части здания, земельного участка, улицы, водного пути и других мест, доступных или открытых для населения, включая любой коммерческий, деловой, культурный, исторический, просветительский, культовый, государственный, развлекательный, рекреационный и иные аналогичные объекты);

❖ Система общественного транспорта (все объекты, транспортные средства и вспомогательные элементы независимо от форм собственности, которые используются для оказания общедоступных услуг по перевозке людей и грузов) [7, с. 291].

В 2001 году, после того, как в США 11 сентября была совершена серия террористических актов, Совет Безопасности ООН принял Резолюцию № 1368 (2001) «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые актами терроризма» (Принята в г.Нью-Йорке 12.09.2001 на 4370-ом заседании Совета Безопасности ООН), в которой содержится призыв к мировому сообществу объединить усилия по предупреждению и подавлению терроризма [10, с. 31].

В настоящее время антитеррористическая деятельность ООН базируется на основе стратегии, которая была предложена Генеральным секретарём ООН К. Аннаном и состояла из 5 основополагающих элементов:

- использование метода убеждения по отношению к террористическим организациям с целью избежания применения насилия с их стороны;

- ограничение участников террористических организаций в средствах, которые могут быть использованы ими для проведения атак и террористических актов;

- принятие соответствующих мер по недопущению поддержки террористических организаций и сообществ со стороны какого-либо государства;

- развитие соответствующих систем и возможностей государств в сфере противодействия терроризму;

- защита прав человека при проведении контртеррористических мероприятий.

Однако развитие международного законодательства в области противодействия преступлениям террористической направленности не ограничивается нормативными правовыми актами, принятыми ООН. Западноевропейские государства, понимая необходимость недопущения совершения террористических актов на территории своих стран, также внесли существенный вклад в развитие международного права в сфере борьбы с терроризмом. Так, на европейском уровне преступность «бомбового» терроризма определена в Европейской конвенции о пресечении терроризма 1977 года. В частности, в Европейской конвенции о пресечении терроризма от 27 января 1977 года была предпринята попытка определить исчерпывающий перечень преступлений, являющихся террористическими, к которым были отнесены:

1) преступления, относящиеся к применению Гаагской Конвенции по борьбе с преступным захватом летательных аппаратов от 16 декабря 1970 года;

2) преступления, относящиеся к применению Монреальской Конвенции по борьбе с преступными актами, направленными против безопасности гражданской авиации от 23 сентября 1971 года;

3) тяжкие преступления, заключающиеся в покушении на жизнь, телесную целостность или свободу людей, имеющих право международной защиты, включая диппредставителей;

4) преступления, связанные с похищением, захватом заложников или серьёзным незаконным лишением свободы;

5) преступления, связанные с применением бомб, гранат, ракет, автоматического стрелкового оружия или взрывных устройств, вложенных в письма или посылки, если подобное применение создаёт опасность для людей [2].

Также в данной Европейской Конвенции было специально указано на то обстоятельство, что к террористическим преступлениям относится покушение на совершение одного из указанных в Конвенции преступлений или участие в качестве сообщника лица, которое совершает подобное преступление или покушается на его совершение [7, с. 288].

В 2006 году в России вступил в силу Федеральный закон от 20 апреля 2006 года № 56-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма». Указанная Конвенция определила в ст. 20 так называемое «изъятие политической оговорки», согласно которому публичное подстрекательство к совершению террористического преступления, вербовка террористов, подготовка террористов и сопутствующие преступления «... не рассматриваются для целей выдачи или взаимной правовой помощи как политическое преступление или преступление, связанное с политическим преступлением, или преступление, совершённое по политическим мотивам. Следовательно, связанная с таким преступлением просьба о выдаче или взаимной правовой помощи не может быть отклонена лишь на том основании, что она касается политического преступления или преступления, связанного с политическим преступлением, или преступления, совершённого по политическим мотивам...» [4]. Фактически, статья 20 Конвенции призвана не допустить того, чтобы террорист смог избежать выдачи другому государству за совершение соответствующих террористических преступлений, представ политическим преступником.

Следует отметить, что в соответствии с Декларацией о мерах по ликвидации международного терроризма (утверждена резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1994 года) акты, методы и практика терроризма представляют собой грубое пренебрежение целями и принципами ООН, что может угрожать международному миру и безопасности, ставить под угрозу дружественные отношения между государствами, препятствовать международному сотрудничеству и вести к подрыву права человека, основных свобод и демократических основ общества. При этом преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди широкой общественности, группы лиц или конкретных лиц в политических целях, ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы какими бы ни было соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или любого другого характера, которые могут приводиться в их оправдание [7, с. 290].

Вместе с тем, при осуществлении мер по предупреждению или пресечению терроризма должны соблюдаться верховенство закона и демократических ценностей, права человека и основные свободы, а также другие положения международного права [8].

Таким образом, в ходе рассмотрения норм международного права в сфере противодействия терроризму, следует отметить, что на сегодняшний день важным является появление и юридическое закрепление такого понятия, как международный терроризм. В качестве примера можно привести определение, данное в издании «Война и мир» под редакцией Д.О. Рогозина, в котором под международным терроризмом понимается способ устрашения государств (народов, а также этнических или религиозных групп) со стороны международных экстремистских движений или объединений религиозных фанатиков путём проведения террористических актов против государственных и общественных деятелей, сотрудников международных организаций, а также гражданского населения [1, с. 59].

Необходимо отдавать отчёт в том, что в современных условиях глобализации безопасность отдельно взятого государства может быть обеспечена только совместными усилиями мирового сообщества. На сегодняшний день необходимость объединения усилий всего мирового сообщества в противодействии международному терроризму стала очевидной. Разумеется, это должно найти свое отражение в реальном сотрудничестве полномочных государственных органов и компетентных служб на надёжной правовой основе. Между тем, нельзя не сказать о том, что сохраняются и сдерживающие мотивы, которые серьёзно мешают конструктивному взаимодействию спецслужб ведущих государств в работе по противодействию терроризму. Особенно актуальной для России эта проблема оказалась в последнее время, когда большинство западных стран проводят в отношении Российской Федерации комплекс санкций с целью недопущения усиления её влияния на мировой арене. Вместе с тем озабоченность вызывают появляющиеся в последнее время в СМИ сведения о том, что такие террористические организации как «Аль-Каида» и «Исламское государство» являются своеобразными проектами ЦРУ США, посредством которых США реализовывали свою внешнюю политику на Ближнем Востоке. Не вдаваясь в оценку справедливости подобных заявлений, важно отметить, что создание, финансирование и использование террористических организаций для их дальнейшего использования в интересах определённого государства является недопустимым в международном праве, т.к. по сути преступно, антигуманно и бесчеловечно.

Представляется, что признание глобальности угроз терроризма является необходимым условием противодействия подобным угрозам в современных условиях. Для разработки системы мер противодействия терроризму в современной России существенное значение имеет учёт вышеизложенных факторов.

Список литературы

1. Война и мир в терминах и определения. Военно-политический словарь / Под общ. ред. Д.О. Рогозина. – М.: Вече, 2011. – 640 с.

2. Европейская конвенция о пресечении терроризма ETS № 090 (Страсбург, 27 января 1977 г.) // Собрание законодательства РФ. 20.01.2003 г. № 3. Ст. 202.
3. Егоров И. Вербуют в Интернете // Российская Газета. 2015. № 192 (6763). С. 3.
4. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (sets n 196) [рус., англ.] (Заключена в г. Варшаве 16.05.2005) // Интернет-портал «Сейчас.ру» - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/5260> (дата обращения 17.09.2015).
5. Лунев В.В. Курс мировой и российской криминологии в 2 т. Т. II. Особенная часть: учебник для вузов / В.В. Лунев. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 872 с.
6. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Принята в г.Нью-Йорке 15.12.1997 Резолюцией 52/164 на 72-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Интернет-портал «Сейчас.ру» - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/9780> (дата обращения 18.09.2015).
7. Международное уголовное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / А.В. Наумов, А.Г. Кибальник, В.Н. Орлов, П.В. Волосюк; под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 510 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // «Российская газета», № 35, 17.02.2012.
9. Проблемы международного терроризма в международном и российском уголовном праве // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: Материалы международной научно-практической конференции 16-17 октября 2003г. Часть I.- Уфа: РИО БашГУ, 2003. С. 92.
10. Ткаченко В.В., Ткаченко С.В. Российский терроризм: проблемы уголовной ответственности: Монография. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 110 с.
11. Энциклопедия уголовного права. Т.21. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка. – Издательство профессора Малинина. – СПб ГКА, СПб, 2013. – 1072 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НЕЗАКОННОГО РАЗГЛАШЕНИЯ ТАЙНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ

Ломакина Д.В.

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г.Саранск

Согласно статьи 124 Семейного кодекса РФ²², усыновление или удочерение (является приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, усыновление (удочерение) применяется в отношении несовершеннолетних детей и исключительно в их интересах. В тоже время в соответствии со статьей 155 Уголовного кодекса РФ²³ разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя является уголовно наказуемым деянием. Вместе с тем отдельные вопросы ответственности за разглашение тайны усыновления (удочерения) в отечественном уголовном праве являются не до конца изученными в силу наличия дискуссионных положений как в уголовно-правовой доктрине, так и возникающих разногласий при квалификации данной нормы на практике.

Объектом нарушения тайны усыновления являются, во-первых, охраняемые законом интересы семьи и нормальное формирование и развитие личности ребенка, во-вторых, право независимость личности, включающее в себя право на семейную тайну, которое закреплено в Конституции РФ.

Потерпевшими от данного преступления согласно ст. 155 УК, являются:

- 1) усыновленные (удочеренные) дети;
- 2) усыновители (удочерители), которые подали заявление (удочерении) в орган управления образованием;
- 3) лица, признанные в установленном законом порядке усыновителями (удочерителями), т.е. признанные родителями конкретного ребенка по закону.

Объективной стороной данного преступления является разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя. Под разглашением понимается распространение любых сведений о факте усыновления, из которых видно, что усыновители не являются родителями усыновленного ребенка. Это может состоять в сообщении кому бы

²² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.2005 № 223-ФЗ (ред. от 25.11.2013) [электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.07.2014) [электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

то ни было: родственникам, знакомым, самому усыновленному, посторонним лицам о реальных обстоятельствах появления конкретного ребенка у конкретных родителей. По форме такое сообщение может быть устным так и письменным, в том числе с использованием любых средств связи и информации. Под волей усыновителя толкуется как совместное стремление, пожелание, требование супругов сохранить обстоятельства появления ребенка в их семье в тайне. Поэтому, если один из супругов огласил тайну усыновления (удочерения) ребенка без согласия, разрешения другого супруга, такие действия уголовно наказуемы.

Субъективной стороной преступления выступает прямой умысел. Виновный осознает общественную опасность разглашения тайны усыновления и желает эту тайну разгласить. Мотивом являются корыстные или иные низменные побуждения. Корыстью является побуждение приобрести материальные блага любым незаконным способом. Иными низменными побуждениями могут быть месть, зависть, причинение нравственных страданий малолетнему. Мотив для наличия состава преступления, предусмотренного ст. 155 УК, необходим тогда, когда разглашение осуществляется лицом, не обязанным хранить факт усыновления как служебную или профессиональную тайну.

Субъектом преступления является:

- 1) лица, обязанные хранить факт усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну;
- 2) иные лица, которым эти сведения стали известны.

Анализ судебных приговоров по данной категории уголовных дел, позволяет прийти к выводу, что преступление чаще всего совершается по причине разглашений на бытовой почве. Так Решением Судебного участка № 1 города Торжка Тверской области от 10.05.2012 по делу 34-4133²⁴ усыновители (удочерители) находились в процессе развода и обвиняемый в состоянии алкогольного опьянения, чтобы сделать морально плохо усыновленному, рассказал про усыновление. Нередко анализируя деяния, совершаются на почве возникших личных неприязненных отношений. Так, согласно Решению Московского областного суда города Москвы от 18.04.2014 г. по делу 22-2318²⁵ обвиняемая узнала, что у ее мужа есть другая женщина, а у которой приемный сын. Обвиняемая встретила мальчика около школы и рассказала ему об усыновлении.

Следует доказать, что именно, а не иной человек рассказал тайну усыновления. Все доказательства должны быть процессуально зафиксированы. Так в Решении Московского областного суда Московской области от 13.04.2011 по делу 2569-18²⁶ произошла ссора на бытовой почве, обвиняемый рассказал об усыновлении, но потерпевшая не могла доказать это, так как кроме их в квартире никого не было и также она не рассказывала об этом никому в течении года.

Так же следует указать на то, что диспозиция нормы статьи 155 Уголовного Кодекса является несовершенной. Необходимо поддержать позицию А.А. Саматовой, что в диспозиции статьи 155 УК не учитывается тот факт, что «тайну разглашения усыновления» может раскрыть сам усыновитель. И это также может отрицательно повлиять на психическое состояние усыновленного (удочеренной).

Кроме того, после смерти усыновителя (удочерителя) возможно разгласить тайну усыновления, даже если против этого возражают близкие родственники ребенка или лица, которые осуществляют о нем заботу, так как за подобные действия не предусмотрено никакой ответственности. Поэтому следует внести изменения в статью, что усыновитель не зависимо от своей воли также не вправе разглашать тайну усыновления (удочерения)²⁷.

Поэтому можно сделать вывод, что преступление совершается на бытовой почве. Стоит обратить внимание, что в статье 155 УК РФ присутствует законодательный пробел в отношении субъекта. При этом, если лицо хочет доказать, что это преступление совершил именно конкретный субъект, то ему надо как можно скорее обратиться в правоохранительный орган с заявлением и прикрепить к нему всевозможные видеозаписи, звукозаписи, либо свидетельские показания о совершении данного деяния.

²⁴ Решение Судебного участка № 1 города Торжка Тверской области от 10.05.2012 по делу 34-4133 [электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

²⁵ Решение Московского областного суда города Москвы от 18.04.2014 г. по делу 22-2318 [электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

²⁶ Решение Московского областного суда Московской области от 13.04.2011 по делу 2569-18 [электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁷ Саматова А.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления связанные с усыновлением (удочерением) // Уголовное право и процесс. - 2010. - № 1. - С. 35-42.

Список литературы

- 1 Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.2005 № 223-ФЗ (ред. от 25.11.2013) [электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.07.2014) [электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 3 Постановление Правительства РФ от 29.03.2000 № 275 (ред. от 10.02.2014) «Об утверждении правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации и правил постановки на учет консульскими учреждениями Российской Федерации детей, являющихся гражданами Российской Федерации и усыновленных иностранными гражданами и лицами без гражданства» (ред. от 10.02.2014) [электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 4 Решение Судебного участка № 1 города Торжка Тверской области от 10.05.2012 по делу 34-4133 [электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 5 Решение Московского областного суда города Москвы от 18.04.2014 г. по делу 22-2318 [электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 6 Решение Московского областного суда Московской области от 13.04.2011 по делу 2569-18 [электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 7 Саматова А.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления связанные с усыновлением (удочерением) // Уголовное право и процесс. - 2010. - № 1. - С. 35-42.

ПОНЯТИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Зикеев В.А.

Северо-Кавказский федеральный университет, г.Ставрополь

Противодействие преступности, рассматриваемое как целенаправленная деятельность общества и государства, основывается на общепризнанных международно-правовых принципах и нормах, а также на нормах национального права. Сегодня на теоретическом уровне мы наблюдаем институализацию права противодействия преступности. В этой связи, всё чаще в работах отечественных ученых высказываются идеи о формировании самостоятельной комплексной отрасли права, которая охватывает уголовно-правовой комплекс отраслей, а также совокупность нормативных актов, регулирующих общественные отношения в сфере противодействия преступности, нерепрессивного характера.

Изучением проблемы криминологического законодательства, разработкой понятия законодательства о противодействии преступности занимались такие отечественные ученые как: Д.А. Шестаков (основоположник отрасли криминологии закона), Д.Ю. Гончаров, Ю.В. Трунцевский и др.

В доктрине нет единого подхода к понятию, охватывающему совокупность нормативно-правовых актов в сфере противодействия преступности. Ряд криминологов предлагают использовать понятие «антикриминальное законодательство», [6; 13] под которым понимается законодательство, направленное на борьбу с преступностью. [1] Упоминает в своей работе о таком варианте наименования криминологического законодательства Д.Ю. Гончаров. [3] Ю.В. Трунцевский, в ходе научного исследования нормативно-правовых основ предупреждения преступности выдвинул предложение об использовании понятия уголовно-превентивного законодательства. [14] Однако, по нашему мнению, превентивную (уголовно-превентивную) деятельность необходимо рассматривать как одно из направлений антикриминальной деятельности, деятельности по противодействию преступности в целом. Поэтому понятие криминологического законодательства соотносится с уголовно-превентивным законодательством как целое и часть. В этом вопросе мы солидарны с Д.Ю. Гончаровым. [3]

С учетом вышеизложенного, справедливо говорить о том, что вопрос разработки категории, определяющей совокупность нормативно-правовых актов, регламентирующих противодействие преступности, является открытым и требует детальной разработки в условиях расширения правового регулирования антикриминальной деятельности. При этом, оптимальным решением для криминологов было бы признать тождественность таких понятий как «криминологическое законодательство», «законодательство о противодействии преступности» и «антикриминальное законодательство».

Значительный интерес вызывает проблема содержания рассматриваемой категории. Основоположник криминологии закона Д.А. Шестаков на разных этапах своей научной деятельности предлагал рассматривать криминологическое законодательство как:

- систему законодательных актов, «регламентирующих противодействие преступности, подразделяемых на репрессивное (уголовное) и нерепрессивное, в частности социальное». [16]

- «систему нормативных актов, которые в совокупности образуют юридическую базу для реагирования на преступность, в частности, для предупреждения преступлений». [17]

- как «законодательство, регламентирующее организационные вопросы противодействия преступности в целом и отдельным составляющим, криминологическими, криминологическо-социальными, криминологическо-воспитательными, криминологическо-психологическими и другими вопросами». В то же время, ученый делает оговорку, отмечая, что источниками криминологического законодательства являются и уголовный, и уголовно-процессуальный, и уголовно-исполнительный кодексы. [18; 19]

Приведенные выше выдержки из работ профессора Д.А. Шестакова, наглядно иллюстрируют эволюцию мысли в области рассматриваемой проблемы. Идеи, высказываемые учеными-криминологами относительно криминологического (антикриминального) законодательства, требуют обобщения, систематизации, научного синтеза.

Традиционно в юридической науке, характеризуя то или иное правовое явление, принято обращаться к его этимологическому значению, философскому смыслу. В первую очередь необходимо рассмотреть этимологию понятия «законодательство». С точки зрения русского языка существенных различий понимания термина «законодательство» нет. Словарь В.И. Даля предлагает понимать под термином «законодательство» - общность и дух всех постановлений, законов страны. [4] С.И. Ожегов предлагает толковать «законодательство» как совокупность законов. [11] Иными словами данный термин представляет собой собирательное, обобщающее понятие, характеризующее определенную общность законодательных актов. Немецкий ученый-правовед Густав Радбрух отмечал, что «само по себе слово «законодательство» характеризует процесс как его результат». [12]

В области философии права содержанию термина «законодательство» уделяется недостаточно внимания. Законодательство как таковое находится сегодня на периферии современной правовой парадигмы. Внимание мыслителей приковано к праву в субъективном смысле. Современная философско-правовая мысль носит антропоцентричный характер.

С середины XX века философия права строится вокруг постулата о незыблемости человека, его естественных, гражданских, политических, социальных, культурных прав и свобод. Отечественный ученый А.Ф. Закомлистов утверждает, что «законодательство — это система нормативных высказываний, истинность которых покоится на феномене очевидности общечеловеческих ценностей, ядром которых является право человека на жизнь». [7] Данный подход является фундаментальным для правовой мысли современности. Заостряя всё больше внимания на ценности естественных прав человека, мыслители, правоведы, юристы, ученые ушли на непозволительно дальнейшее расстояние от изучения права, правовых явлений и процессов с позиций легистской концепции. В свою очередь, «легистика настолько же оторвана от изучения социальной жизни, она ограничивается не критическим анализом законов». [15] Как известно, криминологию с самого момента её зарождения принято называть социологией права. В существующей философско-правовой парадигме криминология всё больше становится социологией, психологией, и всё меньше – правом. Тенденция разрыва между правом и криминологией является концептуальной ошибкой современной правовой доктрины. Криминология – это наука, конечной целью которой является выработка научно обоснованных и законных мер противодействия преступности, которые должны выражаться во вне, прежде всего, через правовые предписания. С другой же стороны, если рассматривать криминологию в самом общем смысле, как науку о преступности, то нужно помнить, что преступность деяния определяется законом, и только им! «Nullum crimen sine lege» («Нет преступления без указания на то в законе») - гласит известный принцип, лежащий в основе принципа законности, закрепленного в третьей статье отечественного уголовного закона. Именно криминологическое законодательство призвано «вернуть криминологию в юриспруденцию». [18]

Д.А. Керимов утверждает, что «законодательство является искусственным образованием, создаваемым законодателем в процессе законотворческой деятельности. При этом, могут образовываться законодательные целостности, имеющие либо объективные, закономерные, либо субъективные, произвольные основания». [8] В основе любых законодательных решений должны лежать в первую очередь объективные реалии общественной жизни. С точки зрения криминологии, фундаментом реформ законодательства в сфере противодействия преступности должны быть объективные показатели преступности.

Законодательство является целостным выражением государственной воли (результатом законотворчества) в отношении социальной действительности, возведенным до уровня относительной истины, проявляющимся в

совокупности обязательных для исполнения предписаний. Условно законодательство в данном понимании можно назвать «законодательство в статике». Посредством реализации предписаний, воздействия на общественные отношения, «законодательство в статике» преобразуется в «действующее законодательство» (А.Ф. Закомлистов и Д.А. Керимов), т.е. речь уже идет о «законодательстве в динамике».

В теории государства и права существует несколько подходов к понятию «законодательство». Н.И. Матузов и А.В. Малько отмечают, что законодательство – это форма существования прежде всего правовых норм, средство придания им определенности и объективности, их организации и объединения в конкретные правовые акты. [10] С.С. Алексеев утверждал, что «термин «законодательство» в теории и практике используется в широком и узком смысле. «В узком смысле - это система действующих законов. Законодательство в широком смысле слова означает все действующие в стране нормативные акты». [2] «Определение понятия «законодательство» - проблема не только теоретическая. Сам подход к этому вопросу связан с правопониманием. При широкой трактовке в законодательство включают акты законодательных органов, а также подзаконные акты (акты органов управления и судов). Данный подход нивелирует роль закона и порождает коллизию подмены законодательных актов иными решениями органов публичной власти, что является характерным признаком императивного правового регулирования. Речь идет о том, что размывается такой признак как нормативность правовых актов. Иными словами при широком подходе к пониманию законодательства, объединяются нормативные акты и акты ненормативного характера. При узкой трактовке в законодательство включают только нормативные акты законодательных органов. [9]

Понятие «криминологическое законодательство» носит исключительно теоретический характер. Объясняется это тем, что само присутствие в словесной конструкции прилагательного «криминологическое» говорит о том, что в прикладном аспекте использовать рассматриваемую категорию не совсем корректно. Криминология – это в первую очередь учение (наука, знание) о преступности. Этимологическое происхождение «криминологии» не позволяет рассматривать данное понятие иначе. «Криминология (от лат. *crimena*, р.п. *criminis* - преступление и гр. *logos* - слово, учение) - наука о преступности, ее причинах, личности преступника, путях и средствах предупреждения преступности и перспективах ее ликвидации». [5]

При этом не подлежит сомнению и высокое прикладное значение законодательства, регламентирующего предупреждение и борьбу с конкретными общественно опасными, уголовно-наказуемыми деяниями, а также их совокупностью.

Синтезируя подходы перечисленных выше авторов, предлагаем определение криминологического законодательства (законодательства о противодействии преступности) рассматривать в широком и узком смысле следующим образом.

В широком смысле криминологическое законодательство представляет собой массив нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере противодействия преступности, а именно в области предупреждения, выявления, пресечения и борьбы с преступностью, устранения причин и условий преступности, применения мер уголовно-правового воздействия к лицам, совершившим преступления, содействия социальной адаптации лиц, понесших наказание за совершение преступлений, снижения криминогенного потенциала всех сфер жизни общества, сведения к минимуму виктимизации общества. При данном подходе система криминологического законодательства включает нормы наднационального права (международные нормативно-правовые акты, ратифицированные Российской Федерацией и международные соглашения), рамочные федеральные законодательные акты, нормы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, нормы подзаконного характера, а также муниципальные нормативные акты, регулирующие отдельные вопросы противодействия преступности. При этом включению в совокупность антикриминальных законодательных актов подлежит как репрессивное, так и нерепрессивное законодательство.

Что касается узкого подхода к пониманию криминологического законодательства, то в этом случае под последним следует понимать совокупность нормативно-правовых актов федерального, регионального, местного уровня, закрепляющих общие организационные положения, очерчивающие рамки противодействия преступности и определяющие конкретные средства превентивной деятельности, а также мероприятия по противодействию криминальным проявлениям (акты законодательства нерепрессивного характера).

Список литературы

1. Азаров В.А. Либерализация антикриминального законодательства и защита общечеловеческих ценностей в уголовном судопроизводстве // Вестник Омского Университета : Серия «Право». -2012. - № 1. - С. 103 – 109
2. Алексеев С.С. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов. // <http://www.twirpx.com/file/57284/>

3. Гончаров Д.Ю. Источники законодательства о противодействии преступности: монография / под науч. Ред. Д.ю.н., проф., заслуженного деятеля науки РФ И.Я. Козаченко. –М.: Юрлитинформ, 2012.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка (современное написание слов)// Изд. «Цитадель», Москва, 1998.
5. Додонов В.Н., Ермаков В.Д., Крылова М. Большой юридический словарь. // Инфра-М., М., 2001.
6. Еникеев З.Д. Совершенство законов и эффективность их применения как важные условия борьбы с преступностью.//Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 95-летию Башкирского государственного университета. Часть 1. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. //http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/ufa20042/enikeev.htm
7. Закомлистов А.Ф. Юридическая философия — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.
8. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). // 2-е изд. - М.: Аванта+, 2001.
9. Лившиц Р.З. Теория права. // http://www.studylaw.narod.ru/livshic/livshic_sod.htm
10. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Курс лекций / – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под. Ред. Н.Ю. Шведовой. – 20 –е изд., стереотип. М.: Рус. Яз., 1989.
12. Радбрух Г. Философия права. - Пер. с нем. - М.: Междунар. отношения, 2004.
13. Рахманова Е.Н. Защита прав человека от преступности в условиях глобализации. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук [Электронный ресурс] <http://www.twirpx.com/file/1180124/>
14. Трунцевский Ю.В. Российское уголовно-превентивное право: признаки отрасли. // Российский криминологический взгляд. 2010. № 3. С.165.
15. Четвернин В.А. Институциональная теория права. // <http://www.hse.ru/data/2010/02/20/1232122347/300%2025.02.pdf>
16. Шестаков Д.А. От понятия преступности к криминологии закона. // Общественные науки и современность. № 6, 2008.
17. Шестаков Д.А. Контроль преступности и криминологическое законодательство. // <http://www.pravoznaavec.com.ua/books/263/19321/28/>
18. Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2011.
19. Шестаков Д.А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013, № 1 (28).

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Усенков И.А.

Волгоградский государственный университет, г.Волгоград

Объект преступления является одной из важнейших структурных единиц общей части уголовного права, которая сохраняет накал научных споров вокруг себя. К примеру, наука уголовного права так и не определилась, есть ли у объекта вообще обязательные признаки и что следует к ним относить. Не менее дискуссионным является вопрос о дефиниции данного элемента состава преступления, который мы попытаемся рассмотреть в этой работе.

Наиболее общее и в тоже время представляющее доминирующий подход к объекту преступного посягательства определение дает в своем, ставшим уже сигнатурным для российского юридического образования, учебник Л.Л. Кругликова, называющий объект преступления совокупностью общественных отношений, уголовная ответственность за посягательства на которые предусмотрена действующим законодательством [5, С.130].

Такое понимание берет свое начало в 20-х – 40-х годах прошлого века, и хотя изначально оно применялось исключительно к общему объекту, то со временем стало использоваться и для непосредственного и родового в том числе [1, С.79]. Однако такое определение не было ни единственным, ни хронологически первым. Рассмотрим другие «школы» объекта преступления.

Теория объекта преступления как субъективного права предполагает, что именно человек во всех своих ипостасях (жизнь, здоровье, условия жизни и т.п.), а также его права должны рассматриваться как объект преступления [2, С.65]. Такая внешне привлекательная теория, к сожалению, абсолютно не выдерживает критики

на сегодняшний день. Во-первых, субъективное право непосредственно не может нарушаться преступлением, поскольку последнее воздействует на составляющие субъективного права (право-поведение, право-требование, право-притязание и право-пользование). Вор может лишить собственника обладания вещью, но не права собственности на нее. Во-вторых, существуют общественные отношения, которые осуществляются, несмотря на отсутствие субъективных прав в их структуре, что позволяет сделать вывод о том, что такая точка зрения неполна. Рассмотрение же человека как личности в качестве общего объекта преступления, предлагаемое некоторыми учеными, также является не совсем корректным, поскольку игнорирует такие объекты, как государство, общество и другие.

Нормативная теория объекта преступления тоже имеет не слишком прочные позиции в современном уголовном праве. Рассматривая в качестве объекта преступления норму права, концепция упускает тот момент, что, по сути, самой норме права в ее формальном понимании никакого вреда не наносится, она не только не страдает от преступного посягательства, но можно сказать, что неким образом «дает сдачи», предполагая для виновного субъекта претерпевание неблагоприятных последствий [10, С.5].

Следующие две теории на сегодня являются наиболее конкурентоспособными, поэтому остановимся подробнее на их сравнительных преимуществах и недостатках. Первой является уже упомянутая концепция объекта как общественных отношений. Вторая представляет рассматриваемый элемент состава преступления как те блага или интересы, на которые посягает преступное деяние и которые охраняются законом.

Наумов А.В., являясь приверженцем теории блага, справедливо замечает, что трактовка объекта как общественных отношений не может быть полностью применима к современной действительности, т.к. представляя жизнь и личность в качестве лишь совокупности общественных отношений, мы откатываемся далеко назад в понимании этого феномена [9, С.303]. Часть ученых замечают, что такая позиция продиктована соображениями идеологического плана и ничего не дает для науки. Это, безусловно, интересное понимание ст.2 Конституции РФ, которая гласит, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [4, С.3]. Т.е. фактически авторы предлагают игнорировать основополагающую конституционную норму, наиболее отражающую современные достижения в области прав человека, поскольку она «ничего полезного для уяснения сущности преступления, уголовно-правового регулирования, места объекта в системе иных элементов и признаков состава преступления ... не несет» [7, С.59].

Жалинский также отмечает, что интерпретация объекта как «правового блага» проще поддается конкретизации, не несет ложного идеологического заряда и существенно проще включается в состав преступления в сравнении с «общественными отношениями».

Концепция «блага» также подвергается критике: так, отмечается, что указанная теория может привести к отождествлению объекта и предмета преступления, и особенно малоприменима к отношениям собственности, когда при угоне автомобиля, например, он является «материальным благом», но при этом ему ущерб не наносится, страдают именно отношения собственности.

Не совсем, на наш взгляд, корректен аргумент против теории общественного блага, который заключается в том, что если мы принимаем ее за истинную, становится непонятно, почему каждое преступление обладает общественной опасностью, даже если направлено против индивида [6, С.30]. Приверженцы такого направления критики уже не первыми из рассматриваемых нами явно не являются поклонниками естественно-правовых концепций, которые рассматривают человека, его права и свободы ценными сами по себе и *ipso facto* для общества, а также забывают об общей превенции уголовных норм.

Достаточно спорным выглядит и вовлечение в аргументацию моментов рождения и смерти человека. В данном случае ученые говорят о том, что уголовный закон защищает жизнь ребенка с момента рождения, когда он уже может быть участником общественных отношений, в то время как благо жизни существует и ранее [6, С.31].

Нечто завуалировано-обобщенное демонстрирует нам профессор Н.Е. Крылова (сторонник теории «общественных отношений»): так, выстрел в труп, если рассматривать жизнь как общественное благо, не должен быть наказуем, тогда как «посягающий на общественные отношения, гарантирующие право на жизнь» он должен понести уголовную ответственность [6, С.32]. Но почему не должно караться покушение на благо, если на это направлен умысел преступника, тем более, если это высшее благо? И что есть «общественные отношения, гарантирующие право на жизнь»: нормы права, механизмы их обеспечения? Первые, как мы уже определились, не страдают от преступного посягательства, вторые, очевидно, тоже.

Довод о том, что взяв за основу «теорию блага», мы придем к выводу, что нарушения правомочия собственника, которые восстанавливаются предъявлением негаторного иска, являются преступлением, поскольку данное благо охраняется и уголовным законом, выглядит утратившим позиции оппонентов со стороны представителей кафедры уголовного права Волгоградского государственного университета [7, С.64]. Сторонники понимания объекта как правового блага в своих дефинициях указывают на такие признаки, как существенность

вреда, наносимого материальному благу, его именно уголовно-правовую охрану. Более того, данный аргумент является обоюдоострым, А.Э. Жалинский пишет, что «общественные отношения» есть излишне абстрактная модель... противоречивость отношений людей в обществе не позволяет считать эти отношения чем-то однородным, то есть одинаково ценным, нуждающимся в защите», считая, что более нейтральное понятие «правовое благо» будет как раз более разумным [3, С.104].

В заключение хотелось бы отметить, что разработка нового понимания объекта преступления объективно необходима, и, на наш взгляд, перспективным направлением является объединение теорий «общественных отношений» и «правового блага», причем работы в этой области уже существуют [8, С.143].

Список литературы

1. Дрожжина Е.А. «О значении обращения к истории становления учения об объекте преступления для современного исследования объекта преступления» / Е.А. Дрожжина//Бизнес в законе. - 2013. -№2. – С.78-81
2. Ермакова О.В. «Характеристика основных теорий объекта преступления» / О.В. Ермакова//Алтайский юридический вестник. - 2015. -№10. – С.64-68.
3. Жалинский А.Э. Объект преступления / А.Э. Жалинский// Уголовное право России / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. В 2 т. Т.1. Общая часть. – М.: Норма – ИНФРА-М, 1999.
4. Конституция Российской Федерации [Текст]: офиц. текст. — М.: Издательство «Омега Л», 2013.
5. Кругликов Л.Л. Уголовное право России: Часть Общая: Учеб. для вузов/ Л.Л. Кругликов – М.: Волтерс Клувер, 2005. - 567 стр.
6. Крылова Н.Е. «О понятии объекта преступления» / Н.Е. Крылова//Вестник Московского университета. Серия 11: Право. - 2013. -№6. – С.20-33.
7. Лобанова Л.В., Актуальные проблемы уголовного права. Курс лекций: в 3 т. Т. 2. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013.
8. Мальцев В.В. «Объект преступления в уголовном законодательстве и в теории уголовного права: постановка проблемы» / В.В. Мальцев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. - 2010. -№2 (13). – С.136-145.
9. Наумов А.В., Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть / А.В. Наумов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 736 с.
10. Новоселов Г.П., Учение об объекте преступления. М., 2001.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ МАНИПУЛИРОВАНИЯ РЫНКОМ И НЕПРАВОМЕРНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСАЙДЕРСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Караульная В.А.

Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», г.Новосибирск

В период финансово-экономического кризиса создаются наиболее благоприятные условия для криминализации финансового рынка. Безопасность субъекта, как и безопасность системы общества в целом определяется наличием или отсутствием информации и возрастающей скоростью устаревания информации. Причиной тому и другому является рост интенсивности коммуникаций в обществе [1, с. 6]. В связи с этим манипулирование информацией на рынке еще более усугубляет текущую непростую ситуацию, способствует различного рода спекуляциям с ценными бумагами, а также является причиной паники относительно резких рыночных колебаний.

Законодательством Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за преступления, совершенные в сфере валютного рынка и рынка ценных бумаг, что является одним из основных критериев для присоединения к многостороннему меморандуму IOSCO, а также выполнением рекомендаций Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) [7, с. 132].

Тем не менее, уровень выявленных и раскрытых преступлений, связанных с использованием инсайдерской информации и манипулированием рынком, остается низким [2, с. 34]. Однако составы преступлений, предусмотренных статьями 185.3 и 185.6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту - УК РФ),

несут не меньшую общественную опасность, нежели другие преступления в сфере экономики, и имеют более изощренные и трудно доказуемые способы совершения [6, с. 847].

Нормы уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за нарушение интересов граждан, организаций и государства на рынке ценных бумаг, являются бланкетными и отсылают к Федеральному закону от 27 июля 2010 года № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4]. Данный Федеральный закон разграничивает два состава преступлений, которые соответственно предусмотрены статьями 185.3, 185.6 УК РФ. Объектом и в том и другом случае являются общественные отношения, связанные с финансовыми инструментами, иностранной валютой, ценными бумагами. Так же, и манипулирование рынком и неправомерное использование инсайдерской информации имеют одну и ту же цель - влияние на представление участников рынка о стоимости и ценности активов, обращающихся на рынке. По нашему мнению, «манипулирование рынком» - это более широкое понятие, а неправомерное использование инсайдерской информации является одним из способов манипулирования. Следовательно, видится целесообразным включение признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 185.6 УК РФ в объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 185.3 УК РФ.

Анализируя положения Федерального закона «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», следует обратить внимание на раскрытие числа лиц, относящихся к инсайдерам, перечень является конкретным и исчерпывающим. В дополнение к этому, информационным письмом ФСФР РФ от 28 декабря 2011 года № 11-ДП-10/37974 указано, что необходимым условием для включения физических лиц в список инсайдеров юридического лица является наличие заключенного между соответствующими физическим и юридическим лицами гражданско-правового или трудового договора, в котором предусматривается доступ к инсайдерской информации [3, с. 164]. Из этого следует, что Федеральный закон «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не распространяется на лиц, которые уволились из компании, хотя случаи распространения ими инсайдерской информации не редкое явление. Следовательно, вопрос об уголовной ответственности этих лиц остается нерешенным.

Современное уголовное законодательство предусматривает ответственность, как за действия, так и бездействия, повлекшие общественно опасные последствия, однако, способы манипулирования рынком, раскрытые в вышеуказанном Федеральном законе, предусматривают только активные действия. В свою очередь, в практике встречается так же пассивное манипулирование рынком, непредусмотренное современным законодательством. Пассивное манипулирование заключается в отказе от раскрытия или предоставления соответствующих сведений в тех случаях, когда они должны были быть раскрыты и предоставлены [8, с. 65]. Мы считаем, что введение уголовной ответственности, как за действия, так и за умышленные бездействия в сфере манипулирования будет разумным.

Хочется отметить, что в УК РФ уголовная ответственность за манипулирование рынком имеет конкретные формулировки, в отличие от законодательства зарубежных стран. Это, безусловно, играет положительную роль в привлечении к ответственности лиц, чья вина в манипулировании рынком доказана.

Все же, данные нормы, на сегодняшний день практически не применяются. Это говорит о наличии криминалистических проблем расследования данного вида преступлений, которые обусловлены сложностью выявления источника утечки информации, широким предметом доказывания, а именно: обстоятельства распространения ложной информации, умысел совершения данного деяния, а также совершения операций на рынке, которые запрещены действующим законодательством [5, с. 445]. Необходим высокий профессионализм и специальные знания следователей, которые расследуют преступления, предусмотренные статьями 185.3 и 185.6 УК РФ. Главная задача следователя по таким делам, установить, что в результате незаконных действий цена, спрос, предложение или объем торгов акциями отклонились от уровня или поддерживались на уровне, существенно отличающемся от того, который сформировался бы без учета указанных выше незаконных действий. Очевидно, что для этого необходимы специальные знания, следователь, не обладающий такими знаниями и математическим складом ума, просто не сможет понять формулу, рекомендованную к исполнению в приказе. Так же, для доказательства обстоятельств, подлежащих доказыванию, в порядке статьи 73 УПК РФ и для анализа «существенного отклонения» цены, объема спроса или предложения по указанной бумаге в момент совершения сделок на организованном рынке необходимо заключение эксперта, которое вырабатывается экспертной комиссией при ФСФР РФ. Поэтому видится необходимым тесное сотрудничество Следственного комитета Российской Федерации с ФСФР РФ.

Таким образом, Федеральный закон «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», принятый в 2010 году, является положительным шагом российского уголовного законодательства и соответствует современным реалиям. Но представляется необходимым дальнейшее совершенствование уголовного законодательства и разработка методических рекомендаций по выявлению, раскрытию и расследованию данной категории уголовных дел на основе российской и зарубежной практики, применение технических новаций, активное сотрудничество со специалистами в сфере финансовых рынков.

Список литературы

1. Владимирова Т.В. Социальная природа информационной безопасности [текст]: научная монография. М.: АНО Изд. дом «Науч. обозрение», 2014. 239 с.
2. Корнилов А.В., Ульянова В. В. Квалификация «откатов» // Уголовное право. 2014. № 6. С. 30-35.
3. Матвеев И.В., Ульянова В. В. Поиск оптимальной модели правового регулирования уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном праве // Теоретико-прикладные аспекты формирования института уголовного преследования юридических лиц: материалы Всерос. науч.-практ. конф., г.Новосибирск, 19 февр. 2015 г. / науч. ред. Е.А. Дорожинская. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015. С. 160-167.
4. О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2010 года № 224-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4193.
5. Ульянова В.В. Проблемы реализации уголовной ответственности за содействие террористической деятельности в форме финансирования терроризма // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3 (40). С. 442-447.
6. Ульянова В.В. Проблемы уголовно-правового регулирования противодействия незаконному экспорту из Российской Федерации или передачи контролируемых товаров и технологий // Национальная безопасность / nota bene. 2014. № 6. С. 845-855.
7. Ульянова В.В. Уголовно-правовое регулирование противодействия финансированию терроризма // Российский юридический журнал. 2008. № 6. С. 132–138.
8. Ульянова В.В. Проблемы охраны тайны в российском уголовном законодательстве // Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 10 сентября 2015 г. Выпуск II. Уфа, 2015. С. 64-66.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Колпакова К.С.

Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», г.Новосибирск

На современном этапе развития террористическая угроза сохраняется на достаточно высоком уровне практически во всех регионах мира. Несмотря на активные усилия международного сообщества по противодействию терроризму, масштабы его проявлений продолжают расти [7, с. 442].

Так, Федеральными законами от 02 ноября 2013 г. № 302-ФЗ [5] и от 05 мая 2014 г. № 130-ФЗ [6] в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту - УК РФ) внесен ряд изменений и дополнений, направленных на усиление уголовной ответственности за совершение преступлений террористической направленности. В первую очередь к ним относятся включение в УК РФ новых ст.ст. 205.3, 205.4 и 205.5, предусматривающих ответственность за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности, организацию террористического сообщества и участие в нем, а также за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации.

Вопрос о необходимости введения в УК РФ самостоятельной уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за создание террористической организации и участие в ней, неоднократно поднимался в юридической литературе [8, с. 848]. Причем авторы объясняли свою позицию потребностью разрешения сложившейся порочной практики квалификации действий лица по организации или участию в

деятельности террористической организации по ст. 282.2 УК РФ, что влекло за собой нарушения принципа законности, запрещающего аналогию уголовного закона [9, с. 136].

Насколько перспективными с точки зрения противодействия террористической деятельности могут оказаться рассматриваемые новеллы уголовного законодательства?

Например, преступление, предусмотренное ст. 205.3 УК РФ, с субъективной стороны характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла, а это предполагает, что виновный должен осознавать, что проходит обучение, которое проводится в целях осуществления террористической деятельности либо совершения одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205.1, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК России, и желает это обучение пройти. В связи с этим правоприменитель может столкнуться с проблемами установления и доказывания виновности лица в совершении рассматриваемого преступления, особенно в случаях, когда последний знакомится с обучающими материалами, размещенными в сети «Интернет» [2, с. 63; 4, с. 24].

Статья 205.4 УК РФ предусматривает ответственность за организацию террористического сообщества, то есть за создание устойчивой группы лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст.ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, а равно руководство таким террористическим сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями (ч. 1 ст. 205.4 УК РФ) и участие в террористическом сообществе (ч. 1 ст. 205.4 УК РФ).

Приведенная уголовно-правовая норма, по сути, является аналогом уголовно-правовой нормы ст. 282.1 УК РФ, вследствие чего возникает необходимость в разграничении предусмотренных ими преступлений.

Основное отличие названных преступлений друг друга следует проводить по целям создания сообщества. Так, для экстремистского сообщества обязательно наличие цели подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, а для террористического сообщества – либо осуществление террористической деятельности, либо подготовка или совершение одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст.ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма [10, с. 103].

Согласно примечанию 2 к ст. 205.4 УК РФ под поддержкой терроризма понимается оказание услуг, материальной, финансовой или любой иной помощи, способствующих осуществлению террористической деятельности.

Определение публичного оправдания терроризма регламентировано примечанием к ст. 205.2 УК РФ. При этом данное определение распространяется только на положения ст. 205.2 УК РФ, о чем прямо предусмотрено в примечании. Используя систематическое толкование уголовного закона, можно определить оправдание терроризма как заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. Однако такое понимание обязательного признака преступления, предусмотренного ст. 205.4 УК РФ, можно признать применением уголовного закона по аналогии, что недопустимо в силу требований ст. 3 УК РФ [3, с. 31].

Понятие пропаганды терроризма, к сожалению, в действующем уголовном законодательстве не раскрыто вообще.

В социально-философском аспекте пропаганду следует рассматривать как распространение политических, философских, научных, художественных и других идей в обществе, в более узком смысле - политическая или идеологическая пропаганда с целью формирования у широких масс населения определенных взглядов, идей, их внедрения в общественное сознание и воздействия на процесс формирования соответствующей социально-политической ориентации масс [1, с. 27].

С учетом изложенного, можно констатировать, что пропаганда терроризма означает не что иное, как публичное оправдание его идеологии. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос, насколько необходимым было такое усиление цели организации террористического сообщества в ст. 205.4 УК РФ, если данная норма уже предусматривает в качестве одной из них подготовку и совершение преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ.

Статья 205.5 УК РФ регламентирует уголовную ответственность за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации. Данная уголовно-правовая норма также является аналогом нормы, предусмотренной ст. 282.2 УК РФ, а, следовательно, необходимо разграничить эти смежные преступления друг от друга.

Для разграничения рассматриваемых составов законодатель внес изменения в ч. 1 ст. 282.2 УК РФ, в соответствии с которыми указанная уголовно-правовая норма предусматривает уголовную ответственность за

организацию деятельности экстремистской организации за исключением организаций, которые в соответствии с российским законодательством признаны террористическим.

Однако законодатель не решил основной проблемы, какой должна будет признана, экстремистской или террористической, организация, от имени или в интересах которой осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 280, 282.1, 282.2 УК РФ, которые в силу примечания 2 к ст. 282.1 УК РФ относятся к преступлениям экстремистской направленности. Вероятно, эту проблему будет разрешать непосредственно суд уже в процессе правоприменения.

Список литературы

1. Владимирова Т.В. Социальная природа информационной безопасности [текст]: научная монография. М.: АНО Изд. дом «Науч. обозрение», 2014. 239 с.
2. Владимирова Т.В. Социально-философские аспекты обеспечения безопасности в Интернете // Научный Вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2 (57). С. 62-66.
3. Корнилов А.В., Ульянова В. В. Квалификация «откатов» // Уголовное право. 2014. № 6. С. 30-35.
4. Матвеев И.В. Правовые вопросы противодействия использованию сети интернет для распространения экстремистских материалов // Современное инновационное общество: динамика становления, приоритеты развития, модернизация: экономические, социальные, философские, правовые, общенаучные аспекты: материалы международной научно-практической конференции в 3-х частях / отв. ред. Н. Н. Понарина, С. С. Чернов. Том. Часть 3. Энгельс, 2015.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 02 ноября 2013 г. № 302-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 44. Ст. 5641.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 05 мая 2014 г. № 130-ФЗ // Российская газета. 2014. № 101.
7. Ульянова В.В. Проблемы реализации уголовной ответственности за содействие террористической деятельности в форме финансирования терроризма // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3 (40). С. 442-447.
8. Ульянова В.В. Проблемы уголовно-правового регулирования противодействия незаконному экспорту из Российской Федерации или передачи контролируемых товаров и технологий // Национальная безопасность / nota bene. 2014. № 6. С. 845-855.
9. Ульянова В.В. Уголовно-правовое регулирование противодействия финансированию терроризма // Российский юридический журнал. 2008. № 6. С. 132–138.
10. Ульянова В.В. Террористическое сообщество и террористическая организация: проблемы квалификации // Уголовное право. 2015. № 1. С. 100-105.

СЕКЦИЯ №7.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.09)

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Климанова О.В.

ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет», г.Самара

Досудебное соглашение о сотрудничестве – это относительно новый (введенный в 2009 году) компромиссный институт российского уголовного процесса. Несмотря на первоначальную, весьма осторожную реакцию на его введение, со временем правоприменители оценили преимущества института и стали использовать предоставленную законом возможность взаимовыгодного сотрудничества с лицом, подвергаемым уголовному преследованию. Количество рассмотренных дел в Российской Федерации с заключенным соглашением о сотрудничестве с годами выросло, однако, в общих показателях преступности их по-прежнему не так много (см. Табл.1).

Таблица 1

Статистические данные о рассмотренных уголовных делах с заключенными досудебными соглашениями о сотрудничестве в РФ в 2011-2015 года [13].

Категории преступлений/ Всего	Число рассмотренных уголовных дел по гл. 40.1 УПК в 2011 году	Число рассмотренных уголовных дел по гл. 40.1 УПК в 2012 году	Число рассмотренных уголовных дел по гл. 40.1 УПК в 2013 году	Число рассмотренных уголовных дел по гл. 40.1 УПК в 2014 году	Число рассмотренных уголовных дел по гл. 40.1 УПК в 1 полугодии 2015 года
Преступления небольшой тяжести	1614 (54,3 %)	671 (29,3 %)	688 (21 %)	1152 (27,2 %)	597 (26,7 %)
Преступления средней тяжести	478 (16 %)	259 (11,3 %)	526 (16,1 %)	607 (14,3 %)	366 (26,5 %)
Тяжкие преступления	461 (15,5 %)	647 (28,2 %)	864 (26,5 %)	1070 (25,2 %)	592 (26,5 %)
Особо тяжкие преступления	416 (14 %)	712 (31,1 %)	1183 (36,3 %)	1412 (33,2 %)	676 (30 %)
Всего (% от общего количества уголовных дел, рассмотренных в суде)	2969 (0,3 %)	2289 (0,25 %)	3261 (0,36 %)	4241 (0,46 %)	2231 (0,49 %)

Немалую роль в этом играют, несомненно, имеющиеся несовершенства в правовом регулировании института, внутренние неточности и противоречия, с которыми сталкиваются правоприменители и которые вызывают неутихающий интерес теоретиков уголовного процесса. К таковым относится, в частности, неопределенность круга преступлений, при расследовании которых может быть заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Применение норм главы 40.1 УПК РФ, прежде всего, затруднено в связи с нерешенностью вопроса, по каким уголовным делам может быть заключено соглашение о сотрудничестве и существуют ли в этой связи какие-либо ограничения. Отметим сразу, что в российском законодательстве прямое указание на этот счет отсутствует. То есть, на первый взгляд, эта компромиссная процедура доступна подозреваемым и обвиняемым во всех преступлениях. Как поясняет Д.Т. Арабули, решение вопроса об определении уголовных дел о преступлениях, в производстве по которым надлежит заключать соглашения о сотрудничестве, отдано на усмотрение правоприменителя [1, с. 9-13]. Аналогичным образом к этому вопросу подходят суды, как видно по вышеприведенным данным судебной статистики – досудебные соглашения о сотрудничестве заключаются по всем категориям дел. Однако системное толкование норм уголовно-процессуального закона позволяет сделать иной вывод – некоторые косвенные ограничения сферы применения досудебных соглашений о сотрудничестве, незаметные для многих исследователей и практиков, в законодательстве имеются, о чем будет вестись речь позднее.

Рассуждая на предмет ограничения круга преступлений, по которым могут быть заключены соглашения о сотрудничестве, следует исходить из того, что такие соглашения с подозреваемым (обвиняемым) – это не обязанность прокурора, а его право. И всякий раз при получении ходатайства лица, прежде чем принять соответствующее решение, прокурор оценивает совокупность факторов: насколько велика ценность дополнительной информации о тех или иных преступлениях, возможно ли ее получить из иных источников, действительно ли подозреваемый (обвиняемый) владеет данной информацией, и другие. Очевидно, при принятии решения должны учитываться и уголовно-правовые характеристики совершенного преступления, прежде всего, категория преступления, тяжесть его последствий, групповой характер преступления и др.

Указанная деятельность прокурора носит тактический характер. И ее законодательная конкретизация невозможна (и не нужна) ввиду бесконечного разнообразия обстоятельств, способных повлиять на принятие решения. Вместе с тем целесообразно установить пределы усмотрения прокурора, например путем обозначения видов преступлений, при расследовании которых допустимо сотрудничество с подозреваемым (обвиняемым).

Нельзя забывать, что уголовно-процессуальные механизмы заключения и последующей реализации соглашения о сотрудничестве весьма сложны, здесь задействован значительный круг субъектов, и есть обоснованные сомнения, нужно ли «запускать» эту сложную процедуру (по сравнению с возможностями других компромиссных процедур для соответствующих категорий преступлений) ради информации, обещаемой лицом, подозреваемым (обвиняемым) в совершении, например, преступления небольшой тяжести.

Интересно, что во многих зарубежных странах существует практика законодательного ограничения дел, по которым возможно сотрудничество с обвиняемым в обмен на снижение ему наказания. Так, во Франции обвинитель предлагает подозреваемым по нетяжким преступлениям заключить сделку [2, с. 29-30]. В ФРГ (§153а УПК) прямо предусмотрено, что снижение наказания в обмен на сотрудничество может быть предложено лишь при совершении уголовных проступков [4, с. 229-230]. В Италии сокращенная процедура *patteggiamento* - «ходатайство о наказании по просьбе сторон» - применяется по преступлениям, за которые могло быть назначено наказание не более 5 лет, однако в исключительных случаях подобные соглашения с *pentito* (членами организованных преступных групп) могут быть заключены по любым категориям дел (именно эта практика легла в основу российского досудебного соглашения о сотрудничестве) [10, с. 119-120]. В государствах восточной Европы подход аналогичен. Например, в Польше практикуются сделки с правосудием в ограниченной форме, в случаях незначительных преступлений, наказуемых тюремным заключением на срок не более трех лет. В Эстонии сделки допустимы для преступлений, караемых тюремным заключением на срок не более четырех лет [2, с.30-31].

Даже в юго-восточном регионе, несмотря на принципиальные различия в правовых традициях и в целом в построении правовой системы, введены подобные ограничения. Например, согласно законодательству Индии сделки применимы только к случаям, по которым максимальное наказание – это тюремное заключение на семь лет. Преступления, наносящие ущерб социально-экономическому состоянию страны, или преступления, совершенные против женщины или ребенка младше 14 лет, исключаются из сферы применения данного института [2, с. 30-31].

На основании изложенного можно сделать вывод, что в мировой практике (за исключением стран англо-американской правовой системы, в которой роль института сделки весьма значительна и об ограничениях речи не идет) преимущественно существует следующий подход: смягчение наказания, даже в обмен на определенную полезную информацию, допустимо лишь по нетяжким преступлениям, а либеральные тенденции в отношении серьезных преступлений недопустимы.

Российский законодатель пошел по принципиально иному пути. Этому есть несколько подтверждений. В первую очередь, подобная идея отражена в пояснительной записке к проекту Федерального закона, которым введен институт досудебного соглашения о сотрудничестве. Там отмечено, что в целях раскрытия и расследования «заказных» убийств, фактов бандитизма, наркопреступлений, коррупционных проявлений важно предоставлять правоохранительным органам возможность привлекать к сотрудничеству лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, при условии значительного сокращения таким лицам уголовного наказания и распространения на них мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [11]. Таким образом, целью рассматриваемого института является борьба с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, совершенными в соучастии. Но содержание пояснительной записки – это не правовая норма, и ее можно использовать только для осознания идейного наполнения вводимых правил. Поэтому предпримем попытку найти похожие положения непосредственно в законе.

Отдельные ученые, проанализировав главу 40.1 УПК РФ, обнаружили некоторые нормы, ограничивающие круг преступлений, по которым возможно сотрудничество с подозреваемым (обвиняемым). Они категорично подтверждают возможность заключения соглашения о сотрудничестве только в групповых преступлениях, аргументируя это наличием ч. 4 ст. 317.6 УПК РФ, согласно которой положения главы 40.1 УПК РФ не применяются, если содействие подозреваемого или обвиняемого следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности. Ю.Г. Овчинников отмечает, что термин «преступная деятельность» однозначно указывает на групповой характер преступлений [9, с. 30]. Д.П. Великий трактует норму похожим образом, указывая, что данная формулировка весьма неопределенна и ее следует толковать в комплексе с п. 1 ч. 2 этой же статьи, согласно которому обвиняемый должен активно содействовать следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании соучастников преступления [3, с. 84-85]. Аналогичной позиции придерживается А.Л. Карлов [7, с. 81]. Соответственно данная группа авторов делает вывод, что гл. 40.1 УПК РФ применяется только по делам о преступлениях, совершенных несколькими лицами. Следует отметить, что данная позиция усилена поддержкой судей Верховного Суда РФ, которые, признавая, что в законе нет прямых ограничений для применения института соглашения о сотрудничестве в зависимости от категории преступлений либо от того, в какой форме осуществляется по этим делам предварительное расследование (в форме дознания или предварительного следствия), тем не менее, однозначно заявляют, что рассматриваемый институт может быть применен лишь при расследовании преступлений,

совершенных не одним, а несколькими лицами [12].

Не все согласны со сложившимся подходом. Например, имеется рекомендация более категоричного характера – ограничить область применения данного института исключительно расследованием преступлений, совершенных организованными группами [5, с. 9-10]. Мотивы такого предложения понятны, однако, как можно решить эту сложную квалификационную задачу, отграничив организованную группу от смежных форм группового совершения преступления, на этапе заключения соглашения – не ясно.

Ни с одной из указанных позиций в полной мере согласиться не можем. Преступная деятельность – термин незнакомый уголовному законодательству и, следовательно, говорить о его тождественности соучастию нельзя. Совершение одного или множественности преступлений одним лицом – тоже деятельность, исходя из лексического толкования данного словосочетания. Положение п. 1 ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ также сформулировано грамматически не вполне корректно: по всей видимости, оно предполагает не совокупность указанных обстоятельств, а их альтернативность. Например, в этом законодательном предписании, в том числе, идет речь о подтверждении обвинителем активного содействия лица в розыске имущества, добытого в результате преступления. Получается, если в таком преступлении нет получения преступником чужого имущества, заключать досудебное соглашение о сотрудничестве недопустимо? Но тогда из сферы применения главы 40.1 УПК РФ исключаются, в частности, отдельные случаи бандитизма, преступлений террористической направленности, что явно не отвечает заявленным целям и задачам рассматриваемого института. Поэтому мы исходим из того, что содействие обвиняемого может быть весьма разнообразным и не обязательно касается изобличения соучастников. Интерпретационные рассуждения вновь подтверждают: закон в рассматриваемой части императивных норм не содержит. Представляется, если подозреваемый (обвиняемый) в рамках сотрудничества предлагает, например, информацию, касающуюся совершения преступлений иными лицами (*не* в соучастии с желающим сотрудничать), закон этому не должен препятствовать.

Продолжая анализировать положения УПК РФ, можно обнаружить еще один намек на установление ограничений по заключению соглашений о сотрудничестве (немного более близкий к вышеприведенной европейской практике). Так, весьма важно, что в настоящее время УПК РФ предполагает проведение судебного заседания в особом порядке по делам с заключенным соглашением о сотрудничестве. Согласно ч. 1 ст. 314 УПК РФ особый порядок судебного разбирательства возможен лишь по делам о преступлениях, наказание за которые, предусмотренное УК РФ, не превышает 10 лет лишения свободы, то есть по всем категориям преступлений, кроме особо тяжких. Сложность в том, что многие преступления, ради расследования которых введен институт сотрудничества, являются особо тяжкими. На это противоречие уже было обращено внимание в научной среде [8, с. 47]. Тем не менее, эта проблема разрешится, есть учитывать (а к тому есть определенные предпосылки в УПК РФ и прямое указание в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»), что особый порядок судебного разбирательства не всегда должен являться обязательным следствием заключения соглашения. Таким образом, полагаем, что целесообразно допустить заключение соглашения о сотрудничестве по делам об особо тяжких преступлениях и судебное заседание в таком случае проводить в общем порядке. Кроме того, однозначной поддержкой идеи недопустимости изъятия особо тяжких преступлений из сферы применения соглашения о сотрудничестве являются нормы уголовного закона. Так, в ч. 4 ст. 62 УК РФ отмечено, что в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, если статьей УК РФ предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь (имеющие место только в особо тяжких преступлениях), эти виды наказания не применяются. Указанное наблюдение дополнительно убеждает нас в правильности ранее избранной позиции.

Другой попыткой законодателя ограничить круг уголовных дел, по которым допустимо заключение соглашения, является прямое установление единственно допустимой в этом случае формы предварительного расследования – предварительное следствие. Об этом свидетельствует многократное указание в главе 40.1 УПК РФ субъекта – следователя, и прямое упоминание предварительного следствия в п. 3 вышеупомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ. Но и это ограничение не абсолютно: воспользовавшись положением ч. 4 ст. 150 УПК РФ, органы дознания могут передавать уголовные дела для производства предварительного следствия по письменному указанию прокурора. Кроме того, существует проект Федерального закона [11], предлагающий обеспечить возможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при производстве предварительного расследования в форме дознания. Однако он до сих пор не принят.

Таким образом, можно заключить, что действующий закон не содержит норм, прямо определяющих, по каким уголовным делам недопустимо заключение досудебного соглашения о сотрудничестве. В выше приведенных нами примерах отдельные положения УПК РФ и УК РФ являются косвенными регуляторами, их невозможно истолковать однозначно, они не образуют системы. В этой связи в отсутствие «буквы» закона мы

вынуждены ориентироваться на его «дух».

С учетом сложившихся российских правовых реалий (отличающихся от европейских тенденций) и исходя из юридической целесообразности, предлагаем исключить зависимость сферы применения главы 40.1 УПК РФ от ограничений, установленных в главе 40 УПК РФ. Тяжкие и особо тяжкие преступления – именно на них в большей степени сориентирован институт сотрудничества. Однако, приведенные в Табл.1 данные судебной статистики показывают что соответствующий вектор слабо учитывается правоприменителями. Более того, в первые годы существования института он применялся в большинстве своем по делам о преступлениях небольшой тяжести (например, в 2011 году более 50 % дел с соглашениями о сотрудничестве, рассмотренных в судах, были преступлениями небольшой тяжести). К настоящему моменту соглашения о сотрудничестве заключаются примерно в равной степени по всем категориям преступлений.

При этом полагаем, что к этому вопросу следует подходить более разборчиво и заключение соглашений о сотрудничестве с лицами, подозреваемыми (обвиняемыми) в совершении преступлений небольшой тяжести, вряд ли в большинстве случаев целесообразно (при этом мы не отрицаем, что в ряде ситуаций сотрудничество с подозреваемыми (обвиняемыми) в таких преступлениях может быть эффективным, но оно требует большей предварительной проверки). Для большинства преступлений небольшой тяжести механизм сотрудничества с обвиняемым является неадекватно сложным, поэтому при принятии прокурором и следователем решений по ходатайствам таких лиц следует уделять особое внимание проверке доказательств их осведомленности в интересных прокурору преступных проявлениях. Следует отметить, что именно в этой части в настоящее время ведется активная законотворческая деятельность. В 2015 году в Государственную Думу РФ внесен законопроект, предлагающий подробно определить содержание ходатайства о заключении соглашения, с целью предварительного понимания осведомленности подозреваемого или обвиняемого и целесообразности сотрудничества с ним [6]. Кроме того, для смягчения им меры ответственности существуют иные компромиссные процедуры, более простые и не обязывающие для стороны обвинения (деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, даже особый порядок судебного разбирательства при согласии с предъявленным обвинением). В любом случае их помощь стороне обвинения является смягчающим наказанием обстоятельством (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) и при определенных условиях может повлечь применение наказания более мягкого, чем предусмотрено за данное преступление.

Список литературы

1. Арабули Д.Т. Исследование отдельных полномочий участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // *Мировой судья*. 2009. № 9. С. 9 - 13.
2. Ахмедов Ш.М. Межотраслевой институт досудебного соглашения о сотрудничестве в законодательстве зарубежных стран // *Международное публичное и частное право*. 2010. № 4. С. 28 - 31.
3. Великий Д.П. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе // *Журнал российского права*. 2010. № 2. С. 84 - 90.
4. Головенков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона / П. Головенков, Н. Спица. — Издательство Universitätsverlag Potsdam, 2012.
5. Дудина Н.А. К вопросу о предназначении института досудебного соглашения о сотрудничестве // *Российский судья*. 2014. № 4. С. 8 - 10.
6. Законопроект № 812345-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (по вопросу совершенствования порядка досудебного соглашения о сотрудничестве)» // URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=812345-6&02> (дата обращения: 25.10.2015).
7. Карлов А.Л. Преюдиция и досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы взаимодействия при рассмотрении уголовных дел // *Современное право*. 2012. № 10. С. 80 - 83.
8. Овсянников И.В., Тенишев А.П. Проблемы обеспечения прав потерпевшего и обвиняемого при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // *Юридический мир*. 2012. № 5. С. 46 - 47.
9. Овчинников Ю.Г. Процессуальный порядок разъяснения прав подозреваемому или обвиняемому на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве // *Российский следователь*. 2011. № 15. С. 29 - 31.
10. Пилюк А.В. Типология современного уголовного процесса и проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации: монография / Пилюк А.В. М.: Юрлитинформ, 2013. - 264 с.
11. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 485937-4 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о введении

особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

12. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики / В.А. Давыдов, В.В. Дорошков, Н.А. Колоколов и др.; под ред. В.М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. Судебная статистика. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 25.10.2015).

ПРАВА ПОДСУДИМОГО И ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ НАЗНАЧЕНИИ И ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Ермакова Н.В.

Практикующий юрист, г. Ярославль

Как следует из ст.196 УПК РФ (Обязательное назначение судебной экспертизы), назначение и производство судебной экспертизы обязательно, если необходимо установить: 1) причины смерти; 2) характер и степень вреда, причиненного здоровью; 3) психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве; 4) психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания; 5) возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение.

Статья 198 УПК РФ (Права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве судебной экспертизы) указывает на то, что при назначении и производстве судебной экспертизы подозреваемый, обвиняемый, его защитник вправе: 1) знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы; 2) заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении; 3) ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении; 4) ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту; 5) присутствовать при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту; 6) знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта. Потерпевший пользуется также правами, предусмотренными пунктами 1 и 2 части первой настоящей статьи.

Содержание указанных норм закона достаточно ёмко и не влечёт двоякого понимания. Отступление от указанных требований закона недопустимо, поскольку они имеют большую значимость при соблюдении гарантий участников уголовного процесса, в частности, лиц, чья судьба фактически зависит от такого доказательства, как заключение эксперта; это касается в равной степени как подсудимого, так и потерпевшего. Процедура назначения экспертизы, права и обязанности участвующих в этом лиц полно и ясно обозначены законодателем. Однако, имеет место ряд вопросов, подлежащих обсуждению в стадии назначения экспертизы в ходе судебного разбирательства по такой категории дел, как частное обвинение, а именно, по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч.1 ст.115 УК РФ, ч.1 ст.116 УК РФ.

УПК РФ обозначает пострадавшего от преступления лица, подавшего в суд заявление по уголовному делу частного обвинения и поддерживающего обвинение в суде, «частным обвинителем» (ст.43 УПК РФ), на которого закон возлагает обязанность самостоятельно сформулировать обвинение в соответствии со ст.318 УПК РФ и поддерживать его на основании представленных доказательств. Частный обвинитель- это потерпевший с правами, предусмотренными ст.42, ч.4,5,6 ст.246 УПК РФ. Данные нормы закона обязывают потерпевшего-частного обвинителя поддерживать обвинение в судебном разбирательстве аналогично тому, как поддерживает государственный обвинитель обвинение в суде по делам публичного и частно- публичного обвинения. То есть, потерпевший по делам частного обвинения, в отличие от потерпевшего по делам публичного и частно- публичного обвинения, фактически имеет особый процессуальный статус. Как следует из требований действующего законодательства, заявление частного обвинения, по сути, является аналогом обвинительного акта (заключения), и, соответственно, потерпевший-частный обвинитель обязан представить суду доказательства в обоснование

обвинения. Поскольку нормы закона –ч.1 ст.115 УК РФ и ч.1 ст.116 УК РФ предполагают причинение вреда здоровью, а потерпевший просит суд о привлечении подсудимого к уголовной ответственности именно за причинение вреда здоровью той степени тяжести, какая определена указанными статьями, то в деле должны быть доказательства причинения потерпевшему вреда здоровью степени тяжести, соответствующей данным нормам закона, а именно, должен быть установлен вред здоровью на основании судебно-медицинской экспертизы. Следует отметить, что в рамках дела частного обвинения может возникнуть необходимость назначения и иного рода экспертизы (трасологической, химической, дактилоскопической...).

Возьмем для примера вопрос назначения судебно-медицинской экспертизы. Итак, потерпевший сформулировал заявление частного обвинения согласно требованиям ст.318 УПК РФ, суд принял данное заявление к производству, но говорить об окончательной квалификации преступления преждевременно. Однозначного подтверждения степени тяжести вреда здоровью не имеется (если до обращения в суд потерпевший не обращался в органы внутренних дел и в рамках предварительной проверки не проводилась экспертиза на определение степени тяжести вреда здоровью). Одно из доказательств, подтверждающих вред здоровью потерпевшему, -заключение эксперта. По сути- это основополагающее доказательство, которое обязан представить суду потерпевший (не считая доказательств вины подсудимого). Каким образом потерпевший-частный обвинитель сможет это сделать? По делам частного обвинения суд не имеет инициативы собирания доказательств, но может оказывать помощь потерпевшему по его ходатайству в истребовании доказательства, которое тот не имеет возможности истребовать где-либо самостоятельно (ч.2 ст. 319 УПК РФ).

При указанных требованиях закона в начальной стадии судебного разбирательства по ходатайству потерпевшего- частного обвинителя об оказании помощи судом назначается экспертиза с целью определения степени тяжести вреда здоровью потерпевшего; рассмотрение уголовного дела при этом откладывается до окончания производства экспертизы. При тех же обстоятельствах может быть назначена иная экспертиза.

Казалось бы, сложностей не усматривается. Но по делам частного обвинения, как следует из многочисленной судебной практики, подсудимый не всегда является в суд как для проведения собеседования сторон в соответствии с ч.3 ст.319 УПК РФ, так и в судебные заседания, в связи с чем суд вынужден принимать меры процессуального принуждения- принудительный привод, а зачастую и объявление подсудимого в розыск. При таких обстоятельствах перед судом встает вопрос о возможности и правомерности назначения экспертизы в отсутствие подсудимого.

С одной стороны- заключение эксперта следует считать доказательством потерпевшего- частного обвинителя, на которого законом возложена обязанность предоставить суду доказательства в подтверждение обвинения. С другой стороны- уголовно-процессуальный закон предоставляет подсудимому право участвовать при рассмотрении вопроса о назначении экспертизы и ставить вопросы эксперту.

Представим ситуацию, когда судом принято к производству заявление частного обвинения с просьбой привлечь лицо к уголовной ответственности по ч.1 ст.116 УК РФ, назначено собеседования сторон, подсудимый не явился, уведомление с разъяснением прав и обязанностей и копия постановления о назначении судебного заседания направлены подсудимому почтой. В судебное заседание подсудимый также не явился, а потерпевший в начальной стадии судебного разбирательства ходатайствует о назначении экспертизы с целью определения степени тяжести вреда здоровью. Соблюдая требования ст.198УПК РФ, суд должен отложить судебное заседание с целью обеспечения прав подсудимого, в том числе права на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы и права заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении; ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных им лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении; ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту.

В то же время отложением судебного разбирательства будут нарушены права потерпевшего на оказание ему помощи и содействия в собирании доказательств, на подтверждение квалификации преступления, а также будут нарушены сроки рассмотрения дела. Насколько отложение судебного разбирательства будет обоснованным- вопрос спорный. Подсудимый может не являться в суд неоднократно, может быть объявлен в розыск, в то время как квалификация преступления так и будет оставаться спорной, а к судебному следствию приступить будет невозможно опять же ввиду неявки подсудимого.

При своевременном назначении экспертизы заключение эксперта может подтвердить степень тяжести вреда, указанную потерпевшим в заявлении частного обвинения, а может быть установлена и иная степень тяжести вреда здоровью. Например, потерпевший просил привлечь подсудимого к уголовной ответственности по ч.1 ст.115 УК РФ (легкий вред здоровью), а из заключения следует, что вред здоровью соответствует ст.112 УК РФ (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью). Однако, преступления, предусмотренные данной нормой закона, не могут рассматриваться в рамках дела частного обвинения.

Как установлено ч.6 ст.321 УПК РФ, если в ходе судебного разбирательства в действиях лица, в отношении которого подано заявление, будут установлены признаки преступления, не предусмотренного частью второй статьи 20 УПК РФ, то мировой судья выносит постановление о прекращении уголовного преследования по делу и направлении материалов руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке публичного или частно-публичного обвинения, если потерпевший подтвердил свое желание привлечь подсудимого к уголовной ответственности по данной норме закона. Если же предполагать, что суд откладывает рассмотрение ходатайства о назначении экспертизы ввиду неявок подсудимого, то по сути приостанавливается весь процесс уголовного судопроизводства, чего нельзя признать оправданным.

Учитывая особенности производства по делам частного обвинения и особый статус потерпевшего, представляется правильным законодательно обозначить возможность назначения экспертизы по ходатайству потерпевшего-частного обвинителя с целью определения степени тяжести вреда его здоровью (или иной экспертизы) в отсутствие подсудимого.

Учитывая фактические обстоятельства дела и требования законодательства, рассмотрение вопроса о назначении судебно-медицинской экспертизы (или иной экспертизы) в отсутствие подсудимого по делу частного обвинения фактически не нарушит его прав. А именно, постановление о назначении экспертизы само по себе не влечет ограничения конституционных прав и свобод подсудимого, поскольку этот документ не имеет самостоятельного доказательственного значения, на основании данного постановления будет составлено заключение с данными о степени тяжести вреда здоровью потерпевшего. В ходе рассмотрения дела, в любой его стадии, подсудимый вправе ознакомиться как с заключением эксперта, так и с постановлением о назначении экспертизы, поскольку оба этих документа неразрывно связаны между собой.

В случае несогласия с заключением эксперта, подсудимый вправе оспаривать его, ходатайствовать перед судом о назначении дополнительной, повторной экспертиз, а также ходатайствовать о вызове в суд эксперта.

Статьи 4 и 6 УК РФ предусматривают «принцип равенства граждан перед законом» и «принцип справедливости» соответственно. Однако, данные нормы не относятся к потерпевшим, указывают только о лицах, совершивших преступления, обозначают равенство последних перед законом, в том числе относительно справедливости назначаемого им наказания.

Учитывая изложенное, усматривается, что в условиях рассмотрения дела частного обвинения права потерпевшего-частного обвинителя могут быть нарушены, поскольку он поставлен в условия, неравные с потерпевшим по уголовным делам частно- публичного и публичного обвинения. А именно, право потерпевшего на защиту от преступленного посягательства, на скорое рассмотрение дела, а также его обязанность предоставить суду доказательства в поддержку обвинения (заключение эксперта), поставлены в зависимость от волеизъявления подсудимого, от его своевременной явки в суд.

Вышеназванные обстоятельства являются значимыми для детального исследования института частного обвинения в процессуальном смысле, для разработки рекомендаций по совершенствованию судопроизводства по делам частного обвинения применительно к нормам уголовного-процессуального права, по совершенствованию судопроизводства по делам данной категории.

Вариантами решения возникающих проблем может стать исключение из УПК РФ дел частного обвинения как отдельной категории, а возбуждение дел, указанных в ч.2 ст.20 УПК РФ, должно иметь место в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством применительно к делам публичного обвинения.

Иным вариантом решения указанного выше процессуального вопроса может стать указание законодателем в главе 41 УПК РФ прав и обязанностей подсудимого и потерпевшего отдельными нормами, где обозначить вопрос участия при назначении экспертизы, а также могут быть расширены полномочия мирового судьи, который должен быть наделен правом на свое усмотрение, в зависимости от обстоятельств дела, определить возможность назначения экспертизы в отсутствие подсудимого.

Учитывая изложенное, анализ производства по делам частного обвинения остается актуальным, требует дальнейшего исследования и принятия соответствующих мер по внесению изменений в законодательство с целью повышения эффективности судопроизводства в целом и исключения нарушения прав потерпевшего и подсудимого.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001года N174-ФЗ
2. Судебная практика по уголовным делам, находившимся в производстве мировых судей Ярославского района Ярославской области, Дзержинского района г.Ярославля за период с 2002г. по 2015г.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРКИ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА О ВОЗОБНОВЛЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ПО НОВЫМ И ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

Стельмах В.Ю.

Уральский юридический институт МВД России, г.Екатеринбург

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает возможность отмены вступившего в законную силу судебного решения при выявлении новых и вновь открывшихся обстоятельств. Данный порядок является исключительным и используется в случаях, когда неприменимы или исчерпаны все другие средства процессуально-правовой защиты.

Значительные особенности имеет процедура пересмотра судебного решения по вновь открывшимся обстоятельствам, а также по новым обстоятельствам, указанным в п. 3 ч. 4 ст. 413 УПК РФ. Решение о возобновлении производства принимается после последовательного прохождения нескольких «фильтров», причем на каждом из них данная процедура может быть прекращена.

Указанный порядок состоит из нескольких этапов.

1 этап. Возбуждение производства и проведение проверки. Поводами для возбуждения производства могут быть сообщения граждан и должностных лиц, а также фактические данные, полученные в результате предварительного расследования и судебного рассмотрения других уголовных дел (то есть не тех, по которым постановлен приговор, подлежащий пересмотру) (ч. 2 ст. 415 УПК РФ). В отличие от поводов для возбуждения уголовного дела, данные поводы могут не адресоваться прямо прокурору (например, содержаться в сообщениях средств массовой информации), и не иметь строгой процессуальной формы.

В данном случае производство ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств возбуждается прокурором (ч. 1 ст. 415 УПК РФ). Правоприменительная практика придерживается правила, закрепленного в ранее действовавшем УПК РСФСР, в соответствии с которым принять указанное решение может прокурор, уполномоченный на внесение представления в порядке надзора.

В УПК РФ не говорится о возможности не производить проверку в случаях, когда недостоверность сведений, указанных в названных поводах, обнаруживается сразу после их поступления прокурору. В практической деятельности в указанных ситуациях данное решение принимается, причем в некоторых случаях прокурор выносит постановление об отказе в возбуждении производства, а в некоторых направляет заявителю письмо, в котором сообщает о принятом решении.

Процессуальный порядок проверки законодательно не урегулирован, поэтому правоприменительная практика руководствуется правилами процессуальной аналогии и общим смыслом уголовно-процессуального закона.

Если в поводе содержатся сведения о совершении преступления участниками уголовного судопроизводства (п.п. 1-3 ч. 3 ст. 413 УПК РФ), причем эти сведения подтверждены вступившим в законную силу приговором суда, прокурор выносит постановление о возбуждении производства ввиду вновь открывшихся обстоятельства, проводит проверку, истребует копию приговора и справку суда о вступлении данного приговора в законную силу (ч. 3 ст. 415 УПК РФ).

Если в поводе указаны сведения о наличии «иных новых обстоятельств» (п. 3 ч. 4 ст. 413 УПК РФ), прокурор выносит постановление о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств, после чего направляет соответствующие материалы руководителю следственного органа для производства расследования этих обстоятельств и решения вопроса об уголовном преследовании по выявленным фактам. При расследовании новых обстоятельств могут производиться следственные и иные процессуальные действия в порядке, установленном УПК РФ (ч. 4 ст. 415 УПК РФ).

Очевидно, что употребленный в законе термин «проверка» должен пониматься в широком смысле. Порядок действий после получения повода о возбуждении производства зависит от содержания изложенных в данном поводе сведений. В случае, когда речь идет о преступных действиях, совершенных как властными, так и невластными участниками уголовного судопроизводства (например, защитником или потерпевшим), прокурор обязан вынести постановление о направлении соответствующих материалов руководителю следственного органа и направить эти материалы для принятия решения о возбуждении уголовного дела (п. 4 ч. 1 ст. 140, 144, 146, 147 УПК РФ). По общему правилу, отказ в возбуждении уголовного дела в подобных ситуациях возможен только с согласия руководителя следственного органа (ч. 1¹ ст. 148 УПК РФ). Очевидно, что отказ в возбуждении

уголовного дела, если он признан прокурором законным и обоснованным, автоматически приводит к прекращению производства по возобновлению.

Если уголовное дело возбуждается, по нему производится предварительное расследование, соответствующим лицам предъявляется обвинение, после чего дело направляется в суд для рассмотрения по существу. Только вынесение и вступление в законную силу обвинительного приговора будет являться основанием для возобновления производства по делу. В порядке исключения вместо приговора может учитываться постановление о прекращении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (в случаях истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности, акта амнистии или помилования, смерти виновного).

В случаях, когда речь идет об обстоятельствах, не представляющих собой самостоятельного преступления (например, представление лицом ложных документов, удостоверяющих личность либо симулирование психического заболевания, в результате чего к лицу необоснованно применяются меры медицинского характера), уголовное дело не возбуждается, а соответствующие факты проверяются средствами, предусмотренными для проверки сообщений о преступлениях (направление запросов, получение объяснений и заключений специалистов). Очевидно, что в подобных ситуациях допускается производство следственных действий, но только тех, которые разрешены до возбуждения уголовного дела. Применение мер процессуального принуждения невозможно. В рамках данной проверки не предъявляется обвинение и не составляется обвинительное заключение. Сроки такой проверки в законе не установлены. С учетом конкретных обстоятельств (например, необходимости получения подлинников документов, удостоверяющих личность осужденного, из иностранного государства), проверка может продолжаться несколько лет. Налицо явная коллизия, поскольку следственные действия (правда, только указанные в ч. 1 ст. 144 УПК РФ) могут производиться без возбуждения уголовного дела не в строго очерченное время, как это имеет место в стадии возбуждения уголовного дела, а практически без ограничения срока.

По окончании проверки, установив наличие оснований для возобновления производства по делу, прокурор составляет заключение о необходимости возобновления производства по уголовному делу и направляет его вместе с делом в суд (ч. 1 ст. 416 УПК РФ). Если вопрос о возобновлении производства обусловлен преступными действиями участников уголовного судопроизводства, соответствующее решение может быть принято только на основе обвинительного приговора или постановления о прекращении уголовного дела (об отказе в возбуждении уголовного дела) по нереабилитирующим основаниям. В случаях, когда необходимость возобновления производства вызывается иными обстоятельствами, не имеющими преступного характера, прокурором учитываются материалы, собранные в ходе проверки.

Если по результатам проверки оснований для возобновления производства не выявлено, прокурор выносит постановление о прекращении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (ч. 2 ст. 416 УПК РФ). Несмотря на принятие такого решения, в последующем возможно повторное решение вопроса о возобновлении производства.

2 этап. Рассмотрение судом заключения прокурора о необходимости возобновления производства по делу. Прокурор направляет заключение о необходимости возобновления производства по делу в соответствующий суд (ч. 1 ст. 417 УПК РФ). Суды, правомочные возобновить производство ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельства, названы в ч. 1 ст. 417 УПК РФ.

3 этап. Пересмотр судом судебного решения по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Рассмотрение заключения прокурора производится судьей районного суда единолично, а вышестоящими судами – в составе коллегии из 3 судей или президиумом по правилам, установленным для рассмотрения надзорного представления прокурора (ч.ч. 3, 4 ст. 417 УПК РФ).

По результатам рассмотрения заключения прокурора о необходимости возобновления производства суд принимает одно из трех решений, названных в ст. 418 УПК РФ:

1. Об отмене приговора, определения или постановления суда и передаче уголовного дела для производства нового судебного разбирательства.

2. Об отмене приговора, определения или постановления суда и о прекращении уголовного дела.

3. Об отклонении заключения прокурора:

а) если новые или вновь открывшиеся обстоятельства не подтвердились;

б) если новые или вновь открывшиеся обстоятельства формально имеются, но они не оказали влияния на законность, обоснованность и справедливость приговора;

в) если ставится вопрос об ухудшении положения осужденного, однако истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности либо 1 год с момента выявления соответствующих обстоятельств.

СЕКЦИЯ №8.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.10)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИНЦИПОВ ПРАВА НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ГОСУДАРСТВА НА ПРИМЕРЕ ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Мякинина С.Б.

Московский педагогический государственный университет

Проблема взаимосвязи основополагающих принципов международного права, таких как право наций на самоопределение и территориальной целостности государств не теряет своей актуальности. Признание независимости Косово, но непризнание мировым сообществом Абхазии и Южной Осетии и, наконец, признание некоторыми государствами де-юре и де-факто вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации – яркие примеры неоднозначного толкования доктринами разных государств принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств.

Поэтому в рамках данной статьи необходимо затронуть следующие злободневные вопросы: 1) вопрос о легитимности референдума от 16 марта 2014 в Крыму; 2) вопрос о легитимности вхождения Республики Крым в состав РФ.

Для анализа законности референдума 16 марта 2014 г. в Крыму обратимся к действующей на тот момент Конституции Украины. [6;88] Так, согласно ст. 138 Конституции к ведению Автономной Республики Крым относится организация и проведение местных референдумов, что и было реализовано 16 марта 2014 года. Поэтому референдум был проведен на законных основаниях. Однако существует 73 статья Конституции, которая закрепляет, что исключительно всеукраинским референдумом решаются вопросы об изменении территории Украины. Здесь следует согласиться с мнением Вельяминова Г.М., о том, что такое «коллективное» голосование всего как неотделяющегося, так и отделяющегося народа сводит на нет возможность самоопределения [2;12-18]. Кроме того, напоминает Вельяминов, Украина, является членом ООН, в связи с чем на нее распространяется Устав ООН, Пакт о гражданских и политических правах, а также Украина является участницей Хельсинского заключительного акта 1975 г., закрепляющих право народов на самоопределение. Не споря со сторонниками примата международного права над правом национальным, отметим, что эти документы приняты Украиной как обязательные, поэтому ст. 73 Конституции Украины противоречит принятым ею же добровольно международным обязательствам, а именно обязательству следовать принципу права наций и народов на самоопределение.

Кроме того, необходимо учитывать ст. 72 Конституции Украины, о том, что назначается всеукраинский референдум Президентом Украины или Верховной Радой Украины. В связи со сменой власти на Украине прекращение полномочий Президента Украины возможно досрочно в соответствии со ст. ст. 108, 109, 110 и 111 Конституции Украины. Эти статьи предусматривают отставку, невозможность исполнять полномочия Президента по состоянию здоровья и импичмент. Других способов досрочного прекращения полномочий Президента Украины, согласно действующей Конституции нет. Напротив, сам Президент заявлял, что он является действующим и подавать в отставку не собирается. [14] Поэтому фактическое «смещение» Верховной Радой Президента Януковича В.Ф., в соответствии с принятым ею Постановлением [3;158], юридически неправомерно, так как не была проведена процедура импичмента и состояние здоровья Президента также не вызывало опасений.

Что касается легитимности Верховной Рады Украины, выборы которой осуществились лишь 26 октября 2014 года, то на дату проведения референдума в Крыму, ее состав все время менялся, депутаты подавали в отставку, на их место приходили другие, но депутаты ли? Согласно определению данного термина, данного в толковых словарях, депутат – лицо, избранное населением в состав представительного органа государственной власти или местного самоуправления и призванное участвовать в осуществлении полномочий данного органа, а также представлять интересы своих избирателей, всего народа страны [15]. Пришедших в Верховную Раду в феврале-марте 2014 года господ никто не избирал.

Поэтому референдум в Крыму был проведен при полностью нелегитимной власти, которая никак не могла ни санкционировать, ни запретить, ни признать референдум. Соответственно следует полагать, что народ Крыма приобрел международную правосубъектность как нация, борющаяся за свою независимость. Крымчане в данной ситуации воспользовались правом, предоставленным им, как субъекту международного права, Уставом ООН

[11;14-47], Заключительным актом 1975 [11;544-589], Декларацией о принципах международного права [8;2-8] и др., на самоопределение.

Из этого следует, что референдум в Крыму 16 марта 2014 года был полностью легитимен. Причем, 17 марта 2014 г. Крым объявил себя суверенным государством – Республикой Крым, в состав которой входил город Севастополь. А, как известно, суверенитет неотъемлемая часть любого государства, возникающая в момент его образования и не зависящая от признания его (суверенитета) таковым международным сообществом. Поэтому как суверенное государство Крым принял решение о присоединении к Российской Федерации, что также является правомерным с точки зрения международного права.

Что касается вопроса о территориальной целостности Украины, то на момент проведения референдума в Крыму, вообще не представляется возможным говорить об Украине как о суверенном, целостном государстве, в связи с тем, что ее высшие органы государственной власти не могли эффективно контролировать ее территорию (это касается Президента Януковича), либо были нелегитимны (это касается парламента).

Далее необходимо затронуть второй вопрос о правомерности вхождения Республики Крым в состав РФ.

Согласно Федеральному Конституционному закону "О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации"[9] иностранное государство обращается к РФ с просьбой о вхождении в состав РФ и о заключении соответствующего международного договора. Президент РФ информирует об этом обе палаты российского парламента и правительство РФ, и при необходимости проводит консультации. Потом глава государства обращается в Конституционный суд с просьбой дать оценку соответствия договора Конституции РФ, и в случае, если суд даст положительную оценку, международный договор вносится на ратификацию в Госдуму вместе с проектом федерального конституционного закона, в котором определяется название, статус и границы субъекта. Если два этих документа поддерживаются палатами, то вносятся изменения в Конституцию, куда дополняется название одного или нескольких субъектов.

Согласно Договору между РФ и Республикой Крым о принятии в РФ Республики Крым и образовании в составе РФ новых субъектов федерации, подписанного в Москве 18 марта 2014 года[4], Республика Крым считается принятой в Российскую Федерацию с даты подписания настоящего Договора (ст. 1).

Согласно Федеральному конституционному закону от 21.03.2014 N 6-ФКЗ "О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя"[9;66] Республика Крым принимается в Российскую Федерацию в соответствии с Конституцией Российской Федерации и статьей 4 Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 года N 6-ФКЗ "О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации".

Основаниями принятия в Российскую Федерацию Республики Крым являются:

1) результаты общекрымского референдума, проведенного 16 марта 2014 года в Автономной Республике Крым и городе Севастополе, на котором поддержан вопрос о воссоединении Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации;

2) Декларация о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя, а также Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов;

3) предложения Республики Крым и города с особым статусом Севастополя о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым, включая город с особым статусом Севастополь;

4) настоящий Федеральный конституционный закон.

Соответственно статья 65 Конституции РФ дополнена такими субъектами РФ как Республика Крым и город федерального значения Севастополь.

Поэтому юридически правомерным являются действия Российской Федерации о принятии решения о вхождении в ее состав двух новых субъектов.

Что касается теоретических положений принципа права наций на самоопределение, то здесь следует учесть как исторический, так и новейший аспект.

Изначально право наций и народов на самоопределение было задекларировано в Уставе ООН 1945 [11;14–47] года, как право на освобождение от колониальной зависимости, что активно отстаивалось в советской международно-правовой доктрине [13]. В связи с завершением процесса деколонизации этот принцип не утратил своей актуальности, а приобрел иное значение – право нации, уже определившей свой политический статус, на свободное развитие. Такое развитие вовсе не предполагает обязательности отделения и создания нового государства. Оно подразумевает повышение уровня самостоятельности, но без угрозы территориальной целостности государства и правам человека [10;75-76]. Такую позицию признает и Россия. Она закреплена в Постановлении Конституционного суда РФ от 31.07.1995 N 10-П., в котором говорится, что «осуществление

права на самоопределение "не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов"» [9;155].

Однако имеются и другие варианты толкования права народа на самоопределения в теории на практике. Так, по мнению Г.Б. Старушенко, самоопределение как решение выхода из состава государства может считаться законным, если власти государства делают невозможным «внутреннее» самоопределение, то есть, допускают массовые нарушения прав человека или систематическую дискриминацию, и если нет иного способа изменить сложившееся положение. [12]

Мы можем видеть это на примере самоопределения абхазов и осетин в 1994 году, черногорцев в 2006 году, косовских албанцев в 2008 году и др. В большинстве случаев такого самоопределения прослеживается явная дискриминационная политика государств в состав которых входили народы и, даже более того, политику геноцида (на примере Грузии и современной Украины). Проведение этнических «чисток», обстрелы мирного населения, гуманитарная блокада свидетельствуют о грубейших нарушениях прав человека и основных свобод. Россия, Украина, Грузия и подавляющее большинство других государств являются участниками Устава ООН и Пактов о гражданских и политических правах 1966 г.[1;12] и об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.[1;12] Таким образом, на примере Абхазии, Южной Осетии, Крыма мы видим нарушение другого принципа, закрепленного в вышеназванных документах, принципа уважения прав человека и основных свобод. Поэтому и такое развитие принципа права нации на самоопределение возможно, как исторически, так и юридически.

Так, например Международный суд ООН пришел к выводу о том, что декларация о провозглашении независимости Косово в целом не нарушает никаких международных актов или резолюций Совета Безопасности, в том числе положений резолюции 1244 и таким образом не противоречит нормам международного права. Суд отметил, что резолюции Совета Безопасности были документами, которые предусматривали необходимость определения окончательного статуса Косово. Судьи напомнили о предшествовавшем процессе по определению окончательного статуса края. [7] В свою очередь представители края заявили, что принятие декларации является завершением пути к определению окончательного статуса Косово и актом реализации права народа на самоопределение. С этой точкой зрения согласились 69 государств, в том числе США, Германия, Албания, Саудовская Аравия.

В заключение необходимо отметить, что принцип права наций и народов на самоопределение в перспективе своего развития находится в тесной связи с принципом территориальной целостности государств, что проиллюстрировано в данной статье, и что поддерживается современными государствами, в том числе и Россией. Также этот принцип может выступать самостоятельно и народ (нация) может выйти из состава государства в случае нарушения этим государством принципа уважения прав человека и основных свобод ввиду ведения дискриминационной политики.

Список литературы

1. Бюллетень Верховного Суда РФ, N 12, 1994.
2. Вельяминов Г.М. Воссоединение Крыма с Россией: правовой ракурс // Государство и право, 2014, №9.
3. Відомості Верховної Ради (ВВР), 2014, № 11.
4. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (Подписан в г. Москве 18.03.2014) // Российская газета. 2014. 19 марта.
5. Конституции стран-членов СНГ: Сборник документов. Ереван, 1997.
6. Конституция Украины // Конституции стран-членов СНГ: Сборник документов. Ереван, 1997.
7. Консультативное заключение Международного суда ООН «О соответствии одностороннего провозглашения независимости Косово нормам международного права» [англ.] (Принято 22.07.2010) // СПС Консультант Плюс.
8. Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1.- М.: БЕК, 1996.
9. Российская газета: N 155, 11.08.1995N 247, 20.12.2001; N 248, 03.11.2005; N 66, 24.03.2014.
10. Сафронова Е.В. Международное публичное право: теоретические проблемы: Монография. – М. ИНФРА-М, 2013.
11. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, Вып. XII, - М., 1956, с. 14 – 47.
12. Старушенко Г.Б. Самоопределение как правовая основа предотвращения конфликтов и защиты прав человека // Право народов на самоопределение. Идея и воплощение. Сборник статей 1997

13. Фельдман Д.И. Международная правосубъектность (некоторые вопросы теории) М., 1972.
14. <http://ru.wikipedia.org>
15. <http://dic.academic.ru>

КОЛЛИЗИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В СТРАНАХ МИРА

Ефимова Е.А.

ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», г.Саратов

Одной из приоритетных задач социальной политики многих государств мира, в том числе и России, является улучшение демографической ситуации в стране, повышение уровня рождаемости. К сожалению, на сегодняшний день не для всех супружеских пар мечта о рождении ребенка традиционным способом воплощается в реальность. В связи с этим наибольшую актуальность в современных реалиях приобретают вспомогательные репродуктивные технологии, в том числе суррогатное материнство.

Вопрос о допустимости использования данного способа репродукции человека в разных государствах решается по-разному. Так, в некоторых странах Западной Европы (Германия, Норвегия, Австрия, Италия, Швейцария и др.) под влиянием Римской католической церкви, запрещающей любое вмешательство в процесс рождения ребенка, институт суррогатного материнства не получил своего развития. В иных государствах, таких как США, Казахстан, Польша, Украина, ЮАР, Финляндия, использование услуг суррогатной матери легализовано и довольно распространено. В отдельных странах мира суррогатное материнство допустимо, но с определенными ограничениями: возможна оплата только текущих расходов, связанных с оказанием медицинской помощи суррогатной матери (Великобритания), устанавливается запрет рекламирования данной услуги (Нидерланды), допускается возможность выступать в роли суррогатной матери только родственницам генетической матери (Дания, Венгрия) [5].

Такие неоднозначные подходы в правовом регулировании суррогатного материнства объясняются тем, что рассматриваемый институт является относительно новым, развивающимся явлением, что в свою очередь порождает определенные проблемы, связанные, например, с определением правового статуса суррогатной матери в отношении рожденного ею ребенка, неоднозначное решение вопроса о допустимости отказа от передачи суррогатной матерью ребенка генетическим родителям и многие другие. Сложность разрешения указанных проблем очевидна, поскольку не всегда ответы на поставленные вопросы четко указаны в национальном законодательстве государств. Однако решение указанных проблем еще более усложняется, когда суррогатная мать и генетические родители являются гражданами разных государств.

Коллизии при использовании программы суррогатного материнства возникают при решении вопроса о том, кто признается настоящей матерью ребенка. Так, мировой практике известны случаи, когда суд отказался зарегистрировать в качестве матери генетическую мать новорожденного, а признал таковой суррогатную мать. Для иллюстрации приведенного положения приведем следующий пример: в 2003 году телеведущая А. Мукаи-гражданка Японии прибегла к помощи суррогатной матери - гражданки США, в результате проведенной процедуры на свет появились двое мальчиков-близнецов. Впоследствии гражданка Японии столкнулась с проблемой регистрации ее в качестве матери мальчиков. Верховный суд Японии отказал в регистрации, обосновывая свою позицию тем, что по японскому законодательству матерью признается женщина, родившая ребенка [2]. Однако, в законодательстве США матерью признается женщина, из генетического материала которой был зачат ребенок.

По-иному данный вопрос решается в Финляндии. Согласно Закону «Об установлении отцовства» в данном государстве при определении матери ребенка действует принцип биологического родства, согласно которому матерью признается та женщина, чей биологический материал использовался для зачатия ребенка, независимо от того, что вынашивала и рожала ребенка не она. Аналогичный подход содержится в ст. 52 Кодекса Республики Беларусь «О браке и семье» (далее - КоБС Республики Беларусь), где законодателем четко указывается: «Матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства» [3].

В Семейном Кодексе Российской Федерации (далее - СК РФ) законодателем предусмотрен альтернативный вариант решения рассматриваемой проблемы. Согласно ст. 51 СК РФ в качестве родителей ребенка регистрируются лица, давшие письменное согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его

вынашивания, если на это не имеет возражений суррогатная мать [7]. Данная формулировка представляется наиболее предпочтительной, поскольку позволяет упростить разрешение коллизий между правовыми порядками разных государств, предоставляя возможность разрешения вопроса об установлении «истинной» матери участникам правоотношения (достаточно согласия суррогатной матери), а не судебным органам.

Зачастую в процессе вынашивания ребенка суррогатная мать относится к нему, как к родному, и настолько к нему привыкает, что после рождения ребенка у нее пропадает всякое желание с ним расставаться. В связи с этим, еще одним актуальным вопросом рассматриваемой темы является допустимость оставления генетически неродного ребенка суррогатной матерью себе. Так, одни страны считают в этой ситуации менее защищенными с правовой точки зрения генетических родителей новорожденного и в связи с этим закрепляют за ними преимущественное право на оставление ребенка [6]. Иллюстрацией этого являются положения Кодекса Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье», согласно ст. 59 данного нормативно-правового акта право на оставление ребенка остается у супругов-заказчиков, поскольку именно они признаются родителями новорожденного. Возможность передачи ребенка суррогатной матери предусмотрена только в случаях, если сами супруги-заказчики откажутся от ребенка, либо в случае их смерти [4]. Аналогичный подход закреплен в ст. 52 КоБС Республики Беларусь [3].

Российский законодатель установил иные правила в решении рассматриваемого вопроса. В вышеупомянутой ст. 51 СК РФ, стоит обратить внимание, что законодатель посчитал менее защищенной при возникновении спора о том, с кем должен остаться ребенок, суррогатную мать и закрепил за ней преимущественное право на оставление ребенка [7]. Данное право сформулировано таким образом, что для передачи ребенка генетическим родителям, независимо от содержания заключенного между сторонами договора, необходимо согласие суррогатной матери, следовательно, при его отсутствии новорожденный остается с женщиной, его родившей. Согласие суррогатной матери, должно быть выражено в письменной форме и удостоверено руководителем медицинского учреждения, в котором была произведена имплантация эмбриона. Супругам в таком случае должна быть выдана справка этого медицинского учреждения обычного образца о рождении у них ребенка, которая затем представляется в органы загса для регистрации рождения ребенка. В том случае, если женщина, родившая ребенка (суррогатная мать), отказывается дать свое согласие на запись других лиц в качестве родителей ребенка и хочет оставить ребенка у себя, она на основании справки медицинского учреждения, в котором произошли роды, сама регистрирует в органах загса рождение ребенка и записывается в книге записей рождений как мать этого ребенка [1].

Думается, что в решении рассматриваемого вопроса позиция российского законодателя в некоторой степени вступает в противоречие с принципом свободы договора. В практике российских судов данные отношения рассматривают как «договор об оказании услуг суррогатного материнства» и как для любого гражданско-правового договора к нему принимаются положения о том, что все условия такого договора должны быть согласованы сторонами обоюдно. В СК РФ вопрос разрешения спора о ребенке ставится в зависимость от воли лишь одной стороны.

В заключение отметим, что мы считаем наиболее предпочтительной позицию тех стран, которые закрепляют преимущественное право на передачу ребенка его генетическим родителям. Это будет способствовать реализации концепции суррогатного материнства как соглашения об оказании услуг, предметом которого является рождение ребенка для конкретных лиц (заказчиков), которые должны иметь приоритетное право на передачу им ребенка, поскольку именно их генетический материал используется для зачатия ребенка.

Список литературы

1. Антокольская М.В., Королев Ю.А. Комментарий к Семейному Кодексу РФ / отв. ред. Кузнецова М.И. - М.: Издательство БЕК. 1996. С. 54
2. Байбороша Н.С. Сущность института суррогатного материнства// Журнал международного права и международных отношений. 2008 . № 3. С. 15
3. Кодекс Республики Беларусь «О браке и семье» от 9.07.1999 № 278-3 (ред. от 12.12.2013)// URL: http://www.pravo.by/world_of_law/text.asp?rn=hk9900278 (дата обращения 26.09.2015)
4. Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» от 26.12. 2011 № 518-IV (в ред. 19.05.2015)// URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 26.09.2015)
5. Малиновская Е.Г. Правовое регулирование суррогатного материнства в Российской Федерации и в Республике Беларусь // Семейное и жилищное право. 2007. N 2. С. 29.
6. Мирсаев Х.С. Проблемы взаимоотношений родителей и детей в международном частном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. Наук/Мирсаев Х.С. - Душанбе, 2014.- 191 с.

7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Российская газета. 27 января 1996.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Шайкина Д.В.

Саратовская государственная юридическая академия, г.Саратов

В настоящее время Россия является одной из мировых держав организующих проведение важнейших международных спортивных соревнований на своей территории. Таких как XXI зимние Олимпийские игры и XI Паралимпийские зимние игры в г. Сочи 2014 г., Чемпионат мира по хоккею с шайбой 2016 г., Чемпионат мира по футболу 2018 г., а с 2016 г. Россия также начнет принимать гонки "Формулы- 1".

Организационной основой для проведения подобных мероприятий служат международные спортивные организации, которые представляют собой всемирные и региональные неправительственные международные организации по физической культуре, физическому воспитанию и спорту [5, с. 241]. К ним относятся, Международный олимпийский комитет и Международные спортивные федерации.

Для получения права на проведение спортивных мероприятий, Российская Федерация от имени Правительства РФ предоставила международным организации ряд гарантий о соблюдении международного спортивного права. Реализация их происходит с помощью принятия и исполнения следующих федеральных законов: ФЗ " Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" [1], 23 ноября 2012 г. был принят в первом чтении законопроект " О подготовке и проведении в Российской Федерации Чемпионата мира по футболу ФИФА 2018 г., Кубка ФИФА конфедерации ФИФА 2017г. и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" и т. д. Также стоит отметить, что поскольку в данных отношениях Россия фактически осуществляет международные обязательства на внутригосударственном уровне, то к актам регламентирующим ее деятельность можно отнести и международные нормативные акты (например: Кодекс спортивного арбитража, Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте, Найробский договор об охране Олимпийского символа и др.)

В России на сегодняшний день в связи с событиями на Украине сложилась достаточно неблагоприятная обстановка, которая отразилась и на деятельности международных спортивных организаций. Уже практически как год на страницах зарубежных изданий не утихает вопрос о лишении России права на проведение всех крупных международных спортивных соревнований (чемпионата мира по футболу 2018 года, этапа гран- при "Формулы-1" в Сочи) из- за сложной политической обстановки. Причины для этого высказываются различные: одни утверждают, что "Россия, причастна к крушению малазийского Боинга в Донецкой области", другие, что "право на проведение ЧМ- 2018 Москва купила", третьи, что " РФ не может обеспечить безопасности воздушных путей". В частности, заместитель Ангелы Меркель Михаил Фукс заявил, что " отказ в проведении футбольного турнира может намного сильнее воздействовать на Россию, чем введение экономических санкций". А британский министр иностранных дел Дэвид Дэвис заявил: " Поскольку мы не хотим третьей мировой войны, единственным способом иметь дело с Россией- это другие формулы давления. Важным ответом будет отмена " Формулы-1" [2]. Даже не смотря на отдельные призывы лишить Россию права на проведение крупнейших международных мероприятий, нам представляется, что это не увенчается успехом, как и кампания против казанской Универсиады и сочинской Олимпиады. Поскольку для этого требуются огромные финансовые затраты, особенно на строительство инфраструктуры, а также большое количество времени.

Другой проблемой, которая требует своего разрешения, стала коррупционная деятельности международных организаций, которая относится как к России так и ряду других стран. Профессиональные соревнования давно стали большим бизнесом. Огромные доходы футболистов, хоккеистов, волейболистов и других спортсменов привлекают к себе внимание многих коррупционеров. Договорные матчи, теневые отчисления от спонсоров, продажа прав на проведение важных игр и чемпионатов получает свое начало с 1990 года. Как указывает П.В. Крашениников и С.В. Алексеев, "коррупция в спорте -это одна из злободневных проблем современного спортивного движения" [3, с. 38-40].

Особый резонанс в конце мая 2015 года вызвало задержание полицией Швейцарии высокопоставленных чиновников ФИФА, по обвинению в коррупции. Данный конфликт был осложнен рядом обстоятельств.

Во-первых, Министерство юстиции Швейцарии подтвердило арест функционеров по просьбе властей США. В заявлении генерального прокурора Швейцарии говорится также о начале в этой стране производства "против неопределенного круга лиц, подозреваемых в принятии незаконных решений и отмывании денег в связи с выбором места проведения чемпионата мира по футболу в 2018 и 2022 годах"

Во-вторых, задержание произошло накануне голосования за нового президента футбольной организации мира, и в СМИ стали появляться сведения о давлении на желающих (в том числе и со стороны США) проголосовать за кандидатуру действующего главы ФИФА Й. Блатера.

В-третьих, штаб квартиры международных спортивных организаций, перестают быть неприкасаемыми, а их сотрудники могут подвергнуты преследованию и наказанию по закону принимающей страны.

В-четвертых, пропаганда против России со стороны зарубежных СМИ, глав и представителей других государств, стремившихся не допустить Олимпиаду в Сочи 2014, получила свое продолжение в отношении футбольных чемпионатов мира в Москве и Катаре.

По данному делу говорится о 216 "транзакциях" и выявлены лишь их некоторые получатели, а именно почетный президент ФИФА Жоао Авеланд, бывший генеральный секретарь совета Азии Муталлиб Ахмад и др. Схема их преступной деятельности была следующая. Адвокаты и доверенные лица функционеров ФИФА, снимали денежные средства со счетов находящихся в других странах (например, в лихтенштейнском банке GLT), после чего перевозили их в чемоданах через границу и в Швейцарии отдавали топ-менеджеру ISL Жан- Мари Веберу, который в последующем передавал деньги высокопоставленным чиновникам ФИФА. "Все эти платежи были необходимы, чтобы с нами в принципе подписывали договоры, и чтобы спортивные функционеры их придерживались,- вспоминает член направления ISL. -Такая практика была обычной для отрасли, частью стиля нашего бизнеса". Иначе, "зарплатные платежи" получали функционеры федераций и ассоциаций, с которыми взаимодействовало ISL, в числе которых МОК, ФИФА, УЕФА [4].

В связи с вышеизложенным, представляется, что меры по борьбе с коррупцией реализуемые международными спортивными федерациями, показали свою недостаточную эффективность, а системы саморегулирования спортивных клубов и федераций не соответствуют растущим требованиям в сфере спорта в условия глобализации. В связи с этим предлагаем сделать деятельность международных спортивных организаций финансово открытой, спортивным функционерам высокого уровня представлять соответствующие справки по доходам и расходам (по подобию госслужащих). В то же время, они должны иметь особый статус и быть защищены дополнительно от давления иностранных государств. Кроме того, создать на международном уровне специальный международный орган, включающий представителей спортивных союзов и ассоциаций, который будет осуществлять контроль над высокопоставленными спортивными чиновниками. Положительным примером этого служит WADA (допинговая полиция), созданная, когда отдельные федерации и МОК перестали справляться с распространением допинга. Полагаем, что предложенные нами меры, помогут в борьбе с коррупцией и сведут ее до минимума.

Список литературы

1. ФЗ от 1 декабря 2007 г. № 310-ФЗ (в ред. от 30.06.2014) "Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр 2014 г. в городе Сочи, развитии города Сочи как горно-климатического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"// "Российская газета", 5.12.2007, № 272.
2. Антропова М. В. Россию хотят лишить футбола и гонок [Электронный ресурс]// Бюро информации Notum: информ. - справочный портал. 2014. URL: <http://www.notum.info/news/005.htm> (дата обращения: 12.10.2015)
3. На вопросы читателей отвечают П. В. Крашенинников и С.В. Алексеев. // Спорт: Экономика, право, управление. - 2011.- №2.- 48 с.
4. Новикова А.В. В Швейцарии по подозрению в коррупции задержаны члены руководства ФИФА [Электронный ресурс]//Комсомольская правда. 2015. URL: <http://www.kp./online/news/2066548/> (дата обращения: 12.10.2015)
5. Энциклопедический словарь юного спортсмена. М., 2000. 480 с.

ПРИНЦИП МИРНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ: КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ

Валишина М.Ф., Кузнецов И.А.

Башкирский государственный университет, Институт права, г.Уфа

Одним из условий сохранения мира и безопасности на международном уровне является недопущение вооруженных столкновений между государствами и регулирование возникших разногласий силой оружия. Данное условие нашло свое отражение в таком международном принципе как мирное разрешение международных споров.

В соответствии с п. 3 ст. 2 Уставом Организации Объединенных Наций (далее – ООН), принятой резолюцией XXV Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года все Члены ООН разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость²⁸. Кроме этого в Уставе ООН в ст. 33 закреплён перечень способов мирного разрешения споров, к числу которых относит переговоры, обследование, посредничество, примирение, арбитраж, судебное разбирательство, обращение к региональным органам или соглашениям. Приведенный перечень способов не является исчерпывающим.

Указанный принцип является проявлением гуманизма, уважения прав человека и средством обеспечения международной безопасности. В связи с чем, как отмечает Д.Б. Левин в своей работе, существовал до создания ООН. Д.Б. Левин подразделил средства разрешения споров на две категории: средства, применяемые самими спорящими сторонами, и средства, применяемые не участвующими в споре государствами или международными организациями. К первой категории он относит непосредственные дипломатические переговоры, следственную или согласительную процедуру с помощью смешанных комиссий из представителей спорящих сторон. Ко второй, по его мнению, относятся добрые услуги, посредничество, обследование с помощью третьих государств и международных организаций, арбитраж, судебное разбирательство, обращение к региональным органам, в Совет Безопасности или Генеральную Ассамблею ООН²⁹

Рассмотрим на примерах формы реализации принципа мирного разрешения международных споров. Одним из таких примеров является разрешение ближневосточного конфликта. Так, на военные операции Израиля против Египта, произошедшие в 1956г. и 1973 г., ООН отреагировала резолюциями 242 (1967) и 339 (1973) соответственно. «Однако, поскольку боевые действия продолжались, президент Египта Анвар Садат обратился непосредственно к Советскому Союзу и Соединенным Штатам с призывом вмешаться и направить свои войска с целью обеспечить соблюдение прекращения огня. После войны 1973 года ООН существенно активизировала свою деятельность по обеспечению прочного урегулирования арабо-израильского конфликта. В декабре 1973 года в Женеве под эгидой ООН и под совместным председательством Советского Союза и США была проведена международная мирная конференция, результатом которой является разъединении вооруженных сил Египта и Израиля в январе 1974 года и октябре 1975 года, а также заключение соглашения о разъединении войск Сирии и Израиля в мае 1974 года»³⁰. Данный пример, на наш взгляд, ярко демонстрирует способ мирного регулирования конфликта с участием третьей стороны.

В особом мнении по вопросу о Палестине судья Корона «заявил, что, после того как Суд представил свои выводы, Генеральная Ассамблея должна использовать их таким образом, чтобы добиться справедливого и мирного урегулирования израильско- палестинского конфликта, который не только продолжается слишком долго, но и причиняет огромные страдания тем, кто непосредственно затронут им, и отравляет международные отношения в целом»³¹. В данном примере мы наблюдаем разрешение конфликта с помощью судебного разбирательства.

Встречаются и такие постановления Международного суда ООН, в которых суд требует сторон не только разрешить спор мирными средствами, но и «заботиться о том, чтобы не обострять или не расширять споры»³².

Сложно представить, что современное мировое сообщество и развитые демократические государства, пережившие две мировые войны, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, афганскую войну, военные

²⁸ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 14.10.2015).

²⁹ Левин Д.Б. Принцип мирного разрешения международных споров. М., 1977. С. 89-90.

³⁰ Брошюра «Вопрос о Палестине и Организация Объединенных Наций» // Официальный веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/peace/palestine/> (дата обращения: 14.10.2015).

³¹ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 2003–2007 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://legal.un.org/ICJSummaries/documents/russian/ST-LEG-SER-F-1-Add3_R.pdf (дата обращения: 14.10.2015).

³² I. C. J. Reports. 1999. P. 925.

столкновения в Ираке, чеченские конфликты, потрясшие весь мир и оставившие неизгладимые шрамы в душе ни одного поколения человечества, до сих пор готовы прибегнуть к дикарскому методу установления своего авторитета. К сожалению, и наше поколение стало свидетелем вооруженных конфликтов.

11-12 февраля 2015 года весь мир наблюдал обсуждение украинского конфликта. Итогом дипломатических переговоров президентов Российской Федерации, Франции, Украины и канцлера Германии является подписание Минского соглашения по Донбассу. В указанном документе в качестве способов регулирования вооруженных конфликтов были предусмотрены следующие меры: прекращение вооруженных столкновений, отвод тяжелой техники, возобновление контроля над границами на Донбассе, изменение Конституции Украины и проведение выборов на подконтрольной ополченцам территории. Как мы видим, в приведенном примере стороны добровольно решили прибегнуть к такому мирному урегулированию международного спора как дипломатические переговоры, в ходе которого были достигнуты соглашения по вышеназванным пунктам. Да, минское соглашение подписали, однако будут ли они реализованы, покажет время.

Если вооруженное противостояние в Украине входит в рамки Минских соглашения, то обороты набирает другой конфликт – сирийский. На сегодняшний день мировое сообщество признает необходимость в урегулировании возникших разногласий и ищет пути решения. А именно, Евросоюз активно пытается «напрямую контактировать с Россией, чтобы понять, можно ли добиться в Сирии начала политического процесса и политической трансформации», - заявила Федерика Могерини. Схожий взгляд на проблему выразил и министр иностранных дел Словакии, который призвал сотрудничать в мирном урегулировании не только с Россией, но и с соседями Сирии, несмотря на то, что с некоторыми из них у стран Запада непростые отношения»³³.

Как утверждает официальный представитель госдепартамента США Джон Кирби «Вашингтон не отказывается от диалога с Москвой по Сирии. «Мы сохраняем желание обсуждать Сирию (с РФ — ред.)... Есть диалог, и он будет продолжен», — заявил Кирбина брифинге. «Открытость и воля (к диалогу — ред.) с нашей стороны не ставится под сомнение», — заверил представитель госдепартамента»³⁴.

Россия также не остается в стороне рассматриваемых событий и предлагает свои средства мирного урегулирования возникших вооруженных конфликтов. Президент РФ Владимир Путин предлагал «провести международную встречу на высоком военно-политическом уровне в Москве по Сирии, а также отметив необходимость перевести эту работу на более предметный и серьезный уровень, предлагал отправить делегацию в Вашингтон». Однако на сегодняшний день эти способы не реализованы. Мы надеемся, что в скором времени все дипломатические представители сядут за столом переговоров и в ближайшем будущем будут предприняты мирные способы разрешения сирийского кризиса.

Таким образом, международный принцип мирного разрешения международных споров является, на наш взгляд, основополагающим, ведь его соблюдение будет способствовать соблюдению и остальных международных принципов: уважения государственного суверенитета, неприменения силы, равноправия и самоопределения народов, уважения прав человека и основных свобод.

Список литературы

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 14.10.2015).
2. Брошюра «Вопрос о Палестине и Организация Объединенных Наций» // Официальный веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/peace/palestine/> (дата обращения: 14.10.2015).
3. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 2003–2007 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://legal.un.org/ICJSummaries/documents/russian/ST-LEG-SER-F-1-Add3_R.pdf (дата обращения: 14.10.2015).
4. Левин Д.Б. Принцип мирного разрешения международных споров. М., 1977. С. 89-90.
5. В Европе все больше говорят о необходимости мирного урегулирования конфликта в Сирии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1tv.ru/news/world/294032> (дата обращения: 14.10.2015).
6. Госдеп: США не отказываются от диалога с РФ по САР, он будет продолжен. [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/syria/20151014/1302010559.html#ixzz3oa7yfpI0> (дата обращения: 14.10.2015).
7. I. C. J. Reports. 1999. P. 925.

³³ В Европе все больше говорят о необходимости мирного урегулирования конфликта в Сирии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1tv.ru/news/world/294032> (дата обращения: 14.10.2015).

³⁴ Госдеп: США не отказываются от диалога с РФ по САР, он будет продолжен. РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/syria/20151014/1302010559.html#ixzz3oa7yfpI0> (дата обращения: 14.10.2015).

ПРИНЦИП РАВНОПРАВИА И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Алексеева С.В., Кузнецов И.А.

Башкирский государственный университет, Институт права, г.Уфа

В Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (далее – ООН), принятой резолюцией XXV Генеральной Ассамблеи ООН 24 октября 1970 года, одним из основополагающих начал, на которых должно базироваться международное право, признан принцип равноправия и самоопределения народов. Согласно вышеназванной Декларации, его сущность состоит в следующем: все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава ООН. Создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются формами осуществления этим народом права на самоопределение³⁵.

Таким образом, мы понимаем, что ООН формально закрепил за народами в целом право самостоятельно определять, в рамках какого государства они хотели бы проживать. Безусловно, после Второй мировой войны множество народов воспользовались данным правом, чем обусловлен крах существовавшей ранее колониальной системы.

В качестве примера действительной реализации принципа равноправия и самоопределения народов, вспомним об одной из стран африканского континента.

Так, ООН способствовала реализации права народов Эритреи на образование самостоятельного государства, когда по просьбе эритрейской стороны, стремящейся получить независимость от Эфиопии, была создана Миссия наблюдателей ООН по контролю за проведением референдума, в результате организации которого на карте мира возникло новое независимое государство³⁶.

За последние десятилетия произошло немало серьезных политических событий (например, в Афганистане, Ираке, Сербии, Грузии, на Украине), которые были неоднозначно восприняты мировым сообществом и, в первую очередь двумя основными полюсами влияния: Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки.

Рассмотрим ситуацию в Косово. До 1989 года Косово было автономной провинцией Сербии, но в последующем этот статус был отменен. После распада Югославии, Косово оказалось частью территории Сербии. Косово – регион полинациональный, но в связи с преобладанием албанцев, последние выступали за отделение от Сербии. В 1999 году представители стран НАТО высказали предложение по введению войск на территорию Сербии, мотивируя необходимостью обеспечения безопасности проживающих в регионе албанцев. Власти Сербии, на основе принципа суверенитета своего государства такую идею, по сути военного вмешательства третьих стран, отвергли. Не удовлетворенные поступившим отказом, силы стран НАТО подвергли бомбардировке территорию Сербии, посредством применения насилия поспособствовав процессу сецессии в Косово³⁷.

Казалось бы, народы, проживающие в Косово, имеют право на создание независимого государства, но как быть с тем фактом, что помимо албанцев в регионе проживают и сербы, немало пострадавшие от притеснений на своей родине. Военное вмешательство НАТО, бесспорно, противоречит множеству принципов международного права, в частности принципу, согласно которому государства воздерживаются в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо иным образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций; обязанности в соответствии с Уставом не вмешиваться в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства. Да и принцип равноправия и самоопределения народов, отмеченный в рассмотренной нами Декларации ООН, строится на той позиции, что каждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны.

³⁵ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 01.10.2015).

³⁶ Малов Д.В. Политико-правовой анализ деятельности ООН по урегулированию этнических конфликтов на территории Африки в 1990-2012 гг. // Вестник Омского университета. 2013. № 1 (67). С. 191-192.

³⁷ Гришаева Л.Е. Кризис миротворчества ООН (1999-2008 г.) // Новый исторический вестник. 2008. № 17. С. 136-140.

Мы считаем, что в ситуации с Косово нужно говорить не о реализации принципа равноправия и самоопределения народов, а о грубейшем нарушении многих положений международного права.

Иная ситуация имела место в Абхазии и Южной Осетии. Распад в 1991 году такого огромного государства, как СССР, было событием очень болезненным и сложным, породившем немало территориальных споров (по принадлежности Приднестровья, Крыма, Абхазии и Южной Осетии). Ранее входившие в состав единого государства Абхазия и Южная Осетия оказались частью территории Грузии. Изначально народы этих регионов высказались против распада СССР при проведении референдума 17 марта 1991 года и в дальнейшем выступали против своего нахождения в составе Грузии. По сути эти территории стали частью грузинского государства благодаря неразберихе, царившей в 1991 году³⁸. Желая «приструнить» стремящихся к независимости, 8 августа 2008 года грузинская армия применила военную силу в отношении мирного населения, игнорируя рассмотренные нами ранее принципы международного права. Вопрос относительно правомерности ответных мер Российской Федерации мы рассматривать не будем, так как это не охватывается предметом нашей статьи. Однако позиция основного большинства стран Запада относительно вопроса самоопределения абхазов и осетин поражает: признавая независимость Косово, они отказали в праве на независимость этих государств. В данном случае проявляется односторонность, однополярность мышления немалого количества субъектов международного права.

Не можем не затронуть вопрос вхождения Республики Крым и города Севастополь в состав Российской Федерации. Исторически, данные территории вошли в состав Российской Империи в результате кровопролитных русско-турецких войн. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 года Н.С. Хрущев распорядился передать Крым Украинской республике. В 1991 году, Б.Н. Ельцин не позаботился о решении вопроса по Крыму, впоследствии чего он был признан частью территории нового независимого государства. Опустим все иные исторические аспекты и обратимся непосредственно к реализации права крымчан и севастопольцев на самоопределение. В ходе проведенного в марте 2014 года референдума, 96 % жителей данных регионов высказались за присоединение к Российской Федерации. А 21 марта Россия принимает Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов Республики Крым и города федерального значения Севастополя». Реакция западных стран не заставила себя ждать: неприятие свершившегося факта есть непризнание использованных этими же государствами принципов международного права.

Проблема реализации принципа равноправия и самоопределения народов на сегодняшний день, бесспорно, является одной из наиболее актуальных и хотелось бы верить, что в будущем этот принцип, закрепленный ООН, не будут извращать и подстраивать под удобные каким-либо странам реалии.

Список литературы

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 01.10.2015).
2. Гришаева Л.Е. Кризис миротворчества ООН (1999-2008 г.) // Новый исторический вестник. 2008. № 17. С. 136-140.
3. Клинов А.С. К вопросу о выходе Абхазии из состава Грузии // Теория и практика общественного развития. 2012. №2. С. 265-266.
4. Малов Д.В. Политико-правовой анализ деятельности ООН по урегулированию этнических конфликтов на территории Африки в 1990-2012 гг. // Вестник Омского университета. 2013. № 1 (67). С. 191-192.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО УСЫНОВЛЕНИЯ (УДОЧЕРЕНИЯ)

Шайкина Д.В.

Саратовская государственная юридическая академия, г.Саратов

Проблемы, связанные с правовым регулированием и применением на практике норм о международном усыновлении, остаются до настоящего времени крайне актуальными. Отчасти это связано с тем, что до сих пор так

³⁸ Клинов А.С. К вопросу о выходе Абхазии из состава Грузии // Теория и практика общественного развития. 2012. №2. С. 265-266.

и не сформирован унифицированный режим такого усыновления, а также не выработаны механизмы, позволяющие в полной мере защищать интересы усыновленных детей, проживающих за границей.

Снижение рождаемости в странах Западной Европы и США и ряд других факторов, которые непосредственно связаны с ухудшением экономического положения в странах Азии, привели в конце XX - начале XXI в. к распространению международного усыновления. В некоторых случаях усыновлялись тяжелобольные дети, и для них были созданы в новых семьях, в частности в США, соответствующие условия [3, с.15-20].

Новая волна всеобщего интереса к проблемам международного усыновления была связана с чередой трагических событий, произошедших с усыновленными детьми в США, и с принятием Закона «Димы Яковлева», которым был введен запрет на усыновление российских детей гражданами этой страны. Кратко рассмотрим историю принятия данного нормативного акта. В феврале 2008 года мальчика усыновила семья Харрисон, которая отвезла ребенка в город Херндон под Вашингтоном. В июле того же года отец малыша Майлс Харрисон вез Диму в ясли. Но глава семейства так спешил на работу, что не довез его до яслей и забыл мальчика в машине. Когда отец Димы Яковлева вернулся к своему автомобилю, он обнаружил мертвое тело приемного сына. Автомобиль Харрисона целый день простояла на солнцепеке. Из-за палящего солнца и выключенного кондиционера температура воздуха в салоне поднялась до 50 градусов. Дима Яковлев умер от перегрева. Отец мальчика предстал перед американским судом. В декабре 2008 года суд оправдал Майлса Харрисона [7].

В ответ на такое решение американского суда Российская Федерация приняла Федеральный закон от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ "О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации", который вступил в силу 1 января 2013 года.

Данный Закон позиционировался многими российскими политиками, как ответ на принятый незадолго до этого в США "закон Магнитского", но позднее премьер-министр Дмитрий Медведев заявил, что Закон "принимался на эмоциональной волне, связанной с соответствующими решениями американского конгресса, но ни юридически, ни фактически он не связан с "законом Магнитского"[7].

В свою очередь мы вывели несколько проблем которые возникли с принятием данного закона:

В-первых, детей с физическими отклонениями, которых по статистике усыновляли граждане США, российские семьи усыновляют крайне редко, таким образом, процент усыновляемых инвалидов резко снизился. Выражалась уверенность в том, что детей, которых потенциально могли усыновить граждане США, быстро усыновят россияне. Однако, как отмечает главный врач дома ребенка № 13 г. Москвы Наталья Никифорова, несмотря на все усилия Правительства и законодательных органов, российских усыновителей не стало больше, а количество иностранных усыновителей упало в несколько раз. "Так, за девять месяцев этого года на международное усыновление из нашего учреждения ушло всего четыре ребенка. При этом годом раньше таких детей было 12, а еще раньше – 25", – подводит итоги Никифорова. Она и другие эксперты отмечают, что зачастую иностранцы усыновляли детей с "серьезными проблемами в развитии." [6, с.58-63]. Российские семьи таких детей не выбирают

. Во-вторых, лишил надежды на семью и несколько сотен сирот, которые уже были знакомы со своими будущими усыновителями-гражданами США. У многих из них дела уже рассматривались судом, однако решения об усыновлении на момент вступления в действия Закона еще вынесены не были.

В-третьих, дети, которых хотели усыновить граждане США, так и остались без семьи 4 ноября 2014 года ЕСПЧ представил властям Российской Федерации 23 жалобы граждан США, которым отказали в усыновлении детей в России, и этих детей. У российских властей была запрошена информация по каждому ребенку, а именно: остался ли он в детском доме, ожидает ли рассмотрения вопрос о его передаче в другую приемную семью, а если да, то на какой стадии находится его рассмотрение, был ли ребенок передан в другую приемную семью. По информации Радио Свободы, МИД России ответил на вопросы Европейского суда, не приведя конкретной статистики.

Нам представляется, что настоящий закон не достиг своей основной цели - заменить усыновление детей российскими семьями, вместо иностранных. Законодателю вместо принятия такого закона следовало усовершенствовать законодательство об усыновлении с тем, чтобы усилить проверку иностранных кандидатов на усыновление, работать над унификацией норм в сфере международного усыновления и сотрудничеством между соответствующими органами наших стран, направленными на усиление контроля за условиями проживания ребенка в зарубежных семьях, их социальной адаптацией, а не прибегать к таким кардинальным мерам, лишая малышей права на полноценную семью.

В связи с этим перейдем к правовому регулированию обозначенных нами вопросов. Так, согласно Конвенции ООН о правах ребенка, ратифицированной нашим государством, «государства-участники, которые признают и/или разрешают существование системы усыновления, обеспечивают, чтобы наилучшие интересы ребенка учитывались в первостепенном порядке»[1].

Среди многосторонних договоров, затрагивающих вопросы усыновления, - Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенная в Минске 22 января 1993 г. (далее - Минская конвенция). Согласно ст. 37 данного соглашения усыновление или его отмена определяется по законодательству Договаривающейся Стороны, гражданином которой является усыновитель в момент подачи заявления об усыновлении или его отмене. В пункте 4 этой же статьи определяется и компетенция учреждений, принимающих решение об усыновлении.. На дела об усыновлении распространяются и общие правила Конвенции относительно судебных поручений, процессуального положения граждан, признания судебных решений и т.п.

Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенная в г. Кишиневе 7 октября 2002 г. (далее - Кишиневская конвенция), содержит коллизионные нормы об усыновлении, в основном повторяющие положения ст. 37 Минской конвенции. Однако без изменения основной привязки к гражданству усыновителя Кишиневской конвенцией введена оговорка: эта основная привязка применяется, если внутренним законодательством Договаривающейся Стороны, гражданином которой является ребенок, не установлено иное. Таким образом, прежняя основная привязка стала условной. Это изменение оценивается как проявление желания государств-участников усилить контроль за международным усыновлением своих граждан, обеспечить максимальную защиту их интересов [4].

Даже если согласиться с такой оценкой направленности нововведения, все же нельзя не отметить, что формулировка ч. 1 ст. 40 Кишиневской конвенции позволяет говорить лишь об ограничении применения коллизионной нормы Конвенции: "иное" регулирование во внутреннем праве другого государства "блокирует" ее применение. Вопрос о том, какое право должен в случае "иного" регулирования во внутреннем праве страны гражданства ребенка применить компетентный суд (а согласно ч. 4 ст. 40 Конвенции компетентно учреждение Договаривающейся Стороны, гражданином которого является усыновитель), остается открытым. Из ст. 40 Конвенции не вытекает, что компетентный суд при отсутствии коллизионного регулирования в международном договоре должен применить внутреннее семейное право другого государства. Поэтому представляется, что он будет принимать решение об усыновлении на основании коллизионной нормы своего государства. Следовательно, применение законодательства страны гражданства ребенка будет зависеть от привязки к коллизионной норме, содержащейся в законодательстве государства, суд которого рассматривает вопрос об усыновлении. Возможно, Договаривающиеся Стороны не имели в виду такой результат, но редакция ст. 40 не позволяет толковать эту статью иначе. Едва ли новую редакцию можно признать удачной.

Что же касается российского законодательства в рассматриваемой сфере, то обозначим, что в отношении усыновления на территории РФ иностранными гражданами и лицами без гражданства детей, являющихся российскими гражданами, он предусматривает применение права страны, гражданином которого является усыновитель (при усыновлении ребенка лицом без гражданства - в соответствии с законодательством государства, в котором это лицо имеет постоянное место жительства) на момент подачи заявления об усыновлении. Применение при усыновлении соответствующего иностранного законодательства о требованиях к усыновлению (в отношении возраста, материального положения и т.п.) призвано обеспечивать в дальнейшем стабильность усыновления в иностранном государстве, поскольку обычно усыновитель-иностранец увозит ребенка в свою страну [5, с. 56].

Согласно СК РФ усыновление детей иностранными гражданами или лицами без гражданства допускается только в случаях, если не представляется возможным передать этих детей на воспитание в семьи российских граждан, постоянно проживающих на территории РФ, либо на усыновление родственниками детей независимо от гражданства и места жительства этих родственников. При этом дети могут быть переданы на усыновление иностранным гражданам лишь при условии, что прошло более трех месяцев с момента постановки их на централизованный учет детей, оставшихся без попечения родителей [2].

В случае если в результате усыновления могут быть нарушены права ребенка, установленные законодательством РФ и международными договорами РФ (прежде всего Конвенцией ООН о правах ребенка), усыновление не может быть произведено независимо от гражданства усыновителя, а произведенное усыновление (удочерение) подлежит отмене в судебном порядке.

В заключении можно отметить, что те правовые акты и соглашения, которые существуют на сегодняшний день, не являются универсальными и содержат много противоречий, так и не достигнуто главной на наш взгляд цели-защиты ребенка в иностранной семье. Вопрос так и остается открытым для законодателя.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989)// Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI.1993. вступила в силу для СССР 15.09.1990.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.95г. (с изм. и доп..) // СЗ РФ. -2015 г. -№1. 160 с.
3. Амирова Д.М. Усыновление (удочерение) российских детей иностранными лицами // Актуальные проблемы

гуманитарного и профессионального знания: Сборник студенческих научных работ. - Казань: ЗАО "Новое знание", 2010. 657 с.

4. Бахин С.В., Игнатьев А.С. Правовая помощь и правовые отношения по гражданским и семейным делам: корректировка регламентации в рамках СНГ (Кишиневская конвенция 2002 г.) // Журнал международного частного права. 2005. № 4(50). 20 с.
5. Богуславский М.М. Международное частное право. - М.: Юристъ, 2005. 604 с.
6. Петрова Е.С. Правовые проблемы усыновления (удочерения) иностранными гражданами в РФ // Охрана прав несовершеннолетних и развитие законодательства о семье. Материалы конференции 19 декабря 2013 г. - М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. 897 с.
7. http://newsru.com/crime/29may2006/deti_2.html (Дата обращения 21.09.2015 г, 20:13)

СЕКЦИЯ №9.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.11)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

Квиткина С.В.

Алтайская академия экономики и права, г.Барнаул

Наиболее важным составляющим звеном в развитии государства является судебная система, от того насколько она развита и слаженно функционирует, мы можем судить о ее работе в сфере государственной защиты. В каждом правовом государстве судебная система имеет огромное значение, она защищает деятельность государства, которая регулируется нормами права.

Наиболее емкое определение судебной системы описано С.А. Разумовым, он писал: «Судебная система - это совокупность всех судов Российской Федерации (федеральных судов и судов субъектов Российской Федерации), входящих в единую судебную систему, имеющих общие задачи, принципы организации и деятельности по осуществлению правосудия и реализующих посредством правосудия самостоятельную судебную власть, действующих независимо от законодательной и исполнительной властей»³⁹. Его описание судебной системы в значительной мере подходит и к России, и Республике Казахстан.

Принцип разделения ветвей власти и их взаимодействие между собой является гарантией демократии. В связи с этим работа, направленная на разграничение компетенции трех ветвей власти в пределах строгих конституционных рамок является важнейшим направлением политики России и государственной политики Казахстана.

Глава государства Президент выступает гарантом и несет ответственность перед народом, за работу всех органов власти.

Хочется заметить, что разграничение работы законодательной и исполнительной ветвей власти в настоящее время уже является аксиомой не только для тех, кто принимает решения, но и для большинства людей.

Из всех ветвей власти судебную наиболее сложно рассматривать, поскольку законов принято достаточно много, но главной проблемой так и остается их применение.

Так, например, в Российской Федерации и Республике Казахстан в конституции закреплены принципы судебной власти. Согласно (ст.46) Конституции РФ каждый имеет право на судебную защиту его прав и свобод, где гарантом исполнения наших конституционных прав и выступает судебная власть.

В Конституции Казахстана в ст.36, так же сказано о том, что «Республика Казахстан гарантирует судебную защиту всех прав и свобод, закрепленных в Конституции и законах».

Так же в конституциях России и Казахстана содержится запрет на создание каких-либо иных судов, кроме прямо предусмотренных конституциями и конституционными законами о судебной системе, иначе говоря, судов чрезвычайных не допускается, это прямо запрещено Конституцией России (ст. 118) и Конституцией Республики Казахстан (ст. 75), это предполагает стабильность работы судебной системы.

³⁹ Разумов С.Л. Понятие судебной системы / Судебная система России. -М., 2000. - С. 114.

А между тем, развитие судебной системы в современной России и Республике Казахстан находится на стадии формирования.

Судебная власть в РФ осуществляется только судом в лице судей и привлекаемых к правосудию присяжных, народных и арбитражных заседателей, в порядке конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Судебная власть является независимой ветвью власти. Непосредственно сама судебная система устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом от 31.12.1996 N 1-ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации".

Судьи обладают единым статусом, который устанавливается Конституцией Российской Федерации, законом РФ от 26.06.1992 N 3132-1 "О статусе судей в Российской Федерации" и федеральным конституционным законом от 31.12.1996 N 1-ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации". Между собой судьи отличаются только полномочиями и компетенцией. Все судьи РФ независимы, несменяемы и неприкосновенны.

На сегодняшний день закреплены правовые гарантии независимости суда как основного условия формирования в России правовой государственности. По мнению Председателя Верховного суда РФ В.М. Лебедева, все это направлено на то, чтобы «обеспечить расширение сфер судебной защиты прав и свобод граждан, повышение доступа к правосудию»⁴⁰.

Все суды Российской Федерации можно условно разделить на группы: Суды общей юрисдикции, Конституционный суд и Конституционные (уставные) суды субъектов РФ.

Систему судов общей юрисдикции возглавляет Верховный суд РФ, являющийся высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции. Он осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью судов общей юрисдикции, включая военные и специализированные федеральные суды.

Хочется выделить следующие, суды общей юрисдикции представляют собой по вертикали определенные функциональные системы, но Конституционный Суд РФ и конституционные (уставные) суды субъектов РФ систему в завершённом виде не образуют, так как каждый из них имеет свою собственную законодательную и процессуально-правовую основу деятельности. При этом Конституционный Суд России не является апелляционной, кассационной или надзорной инстанцией для конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации.

Согласно Федеральному конституционному закону от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (с изменениями от 15 декабря 2001 г., 4 июля 2003 г., 5 апреля 2005 г.) Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, созданные в соответствии с Конституцией Российской Федерации, могут быть упразднены только путем внесения поправок в Конституцию Российской Федерации. Другие федеральные суды создаются и упраздняются только федеральным законом.

Конституционный Суд Российской Федерации является судебным органом конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющим судебную власть посредством конституционного судопроизводства. Полномочия, порядок образования и его деятельности устанавливаются Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1 -ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁶.

Каждый из судебных органов наделен собственной компетенцией и не имеет права вмешиваться в деятельность судов иной юрисдикции.

К сожалению, долгое время между Конституционным Судом и иными судами не до конца был разрешен вопрос о роли каждого в оценке конституционности законов. Так, Пленум Верховного Суда РФ предписывал общим судам обращаться в Конституционный Суд с ходатайством о проверке конституционности закона, подлежащего применению в конкретном деле, лишь в случае «возникновения сомнений» в его конституционности.⁷ Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде РФ» устанавливает, что любой суд, придя к выводу о не конституционности закона, который подлежит применению в конкретном деле, должен обратиться в Конституционный Суд (ст. 101).

Таким образом, Конституция Российской Федерации четко не определила подсудность рассмотрения публичных споров, при этом отсутствует закон, регулирующий вопросы разграничения компетенции и поэтому нередко возникает вопрос, в какой суд и в каком случае могут обратиться заинтересованные лица.

Учитывая унитарное устройство государства, судебную систему Республики Казахстан составляют Верховный Суд Республики Казахстан, местные и другие суды, учреждаемые в соответствии с Конституцией Республики Казахстан и Конституционным законом Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года № 132-11 «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на

⁴⁰ Лебедев В. Условия для успешного завершения реформы созданы // Рос. юстиция. 2001. № 11. С. 7.

17.11.2008 г.). Учреждение специальных и чрезвычайных судов под каким-либо названием не допускается.

Верховный Суд Республики Казахстан является высшим судебным органом по гражданским, уголовным и иным делам, подсудным местным и другим судам, осуществляет в предусмотренных законом процессуальных формах надзор за их деятельностью и дает разъяснения по вопросам судебной практики.

К местным судам относятся:

- 1) областные и приравненные к ним суды (городской суд столицы Республики, городские суды городов республиканского значения);
- 2) районные и приравненные к ним суды (городской суд, межрайонный суд).

В Республике Казахстан могут создаваться другие суды, в том числе специализированные суды (военные, финансовые, экономические, административные, по делам несовершеннолетних и другие).⁸ Специализированные суды образуются Президентом Республики Казахстан со статусом областного или районного суда.

Модель организации конституционного контроля принципиально отличается от принятой в других государствах СНГ.

Верховный суд Республики Казахстан является высшим судебным органом по гражданским, уголовным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции, осуществляет в предусмотренных законом процессуальных формах надзор за их деятельностью и дает разъяснения по вопросам судебной практики.

Верховный суд состоит из Председателя и судей. Их численность устанавливается Президентом Республики Казахстан по представлению Председателя Верховного суда, а органами Верховного суда являются:

- надзорная судебная коллегия по гражданским и административным делам;
- надзорная судебная коллегия по уголовным делам;
- пленарное заседание суда;
- научно-консультативный совет;
- печатный орган.

Председатель Верховного суда возглавляет Верховный суд и вправе по своему усмотрению председательствовать при рассмотрении любых дел в коллегиях.

Районные (городские) суды Республики Казахстан образуются, реорганизуется, упраздняются Президентом Республики Казахстан по представлению Председателя Верховного суда, согласованному с Высшим Судебным Советом. Также Президентом Республики Казахстан может образовывать в нескольких административно-территориальных единицах один районный суд или в одной административно-территориальной единице несколько районных судов.

Районный суд является судом первой инстанции, который рассматривает все судебные дела и материалы, отнесенные к его подсудности, и осуществляет другие полномочия, предусмотренные законом.

Решения судов первой инстанции могут быть обжалованы, опротестованы в вышестоящую инстанцию в течение 6 месяцев со дня вступления их в законную силу.

Областные и приравненные к ним суды образуются, так же как и городские суды, их структура в основном одинакова, общее число судей областных судов утверждает Президент Республики Казахстан по представлению Председателя Верховного Суда Республики Казахстан, согласованному с Высшим Судебным Советом.

Органами областного суда являются апелляционная коллегия и кассационная коллегия, а также пленарное заседание.

Конституционный Суд Казахстана, созданный в соответствии с Конституцией 1993 г., был затем упразднен согласно Конституции 1995 г. и заменен заимствованным у Франции Конституционным Советом. Согласно Конституционному закону от 29 декабря 1995 года № 2737 «О Конституционном Совете Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.06.2008 г.) Конституционный Совет состоит из семи членов, в том числе Председателя Конституционного Совета.⁹

Кроме этого, пожизненными членами Конституционного Совета являются по праву экс-президенты республики.

Конституционный совет может осуществлять последующий конституционный контроль только по просьбе суда о признании того или иного акта антиконституционным (ст.78 Конституции).

На решение Конституционного совета (в целом или в части) могут быть внесены возражения Президента Республики, которые преодолеваются 2/3 голосов от общего числа членов Конституционного совета. В противном случае решение считается не принятым (п.4 ст.72).

Как мы видим Казахстан, подошел к реформированию судебной системы очень серьезно.

Однако одной из наиболее важных проблем в судебной системе России и Казахстана остается коррупция. Как отметил в своем интервью интернет-изданию «Известия» Председатель Конституционного суда РФ В.Д.

Зорькин: «Суды весьма уязвимы для коррупционной атаки со стороны бизнеса. Мздоимство в судах стало одним из самых мощных коррупционных рынков в России. Судебная коррупция встроена в различные коррупционные сети, действующие на разных уровнях власти: например, в сети по развалу уголовных дел и по перехвату чужого бизнеса»⁴¹. Аналогичных убеждений придерживаются и разработчики концепции судебной реформы в России, по мнению которых «продажность захлестнула и судейский корпус»⁴², и это остается реальной проблемой до настоящего времени.

Сильнейший удар по авторитету судебной власти наносит - мздоимство. Ведь судебная власть, выступает институтом защиты и восстановления нарушенных прав, физических и юридических лиц, а нарушение ее справедливости влечет за собой негативное отношение общества к работе судебной системы в целом.

Адекватное восприятие суда обществом — одно из условий для формирования правовой государственности, а также показатель развитости гражданского общества, поскольку «суд является своеобразным “агентом” зарождающегося гражданского общества в системе государственной власти»⁴³.

Судебно-правовая реформа наших стран далека от завершения. Более того, можно сделать вывод о том, что каково реальное положение состояния прав судебной защищенности и законных интересов личности в том случае, когда человек самостоятельно прибегает к помощи правосудия. При несовершенном гражданском обществе личность лишена той степени самостоятельности во взаимоотношениях с государственными институтами, которая необходима ей для отстаивания своих прав и свобод. Низкий уровень правосознания и правовой культуры как пережиток тоталитарного прошлого проявляется в том, что граждане России и Казахстана даже не представляют себе, какими правами они обладают и каково назначение того или иного органа государства. «Судебная защита для советского человека никогда не была сколько-нибудь значимым способом восстановления нарушенного права. Впрочем, если строго говорить, не было и самих прав»⁴⁴, а так как Республика Казахстан долгое время находилась в составе СССР, это суждение относится и к ней. Многие проблемы в развитии и функционировании судебной системы между нашими странами схожи и решение этих задач нам еще предстоит.

Список литературы

1. Разумов С.Л. Понятие судебной системы / Судебная система России. –М., 2000. - С. 114.
2. Лебедев В. Условия для успешного завершения реформы созданы // Рос. юстиция. 2001. № 11. С. 7.
3. Он же. «Мздоимство в судах стало одним из самых мощных коррупционных рынков» // <http://www.izvestia.ru> (2006. 17 янв.).
4. Пашин С.А., Морщакова Т.Г., Миронов В.И. Концепция судебной реформы в России (тезисы) // http://www.sutyajnik.ru/rus/cases/etc/koncepcia_sud_reformi.htm (2005. 20 нояб.).
5. Костров Г. Почему суд не становится третьей властью? // Рос. юстиция. 2001. № 12. С. 46.
6. Краснов М. Актуальна ли концепция судебной реформы? // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2002. № 2. С. 60.

СЕКЦИЯ №10.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.14)

СООТНОШЕНИЕ КАМЕРАЛЬНЫХ И ВЫЕЗДНЫХ НАЛОГОВЫХ ПРОВЕРОК

Дубровин В.В.⁴⁵

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

Налоговая проверка является формой налогового контроля в соответствии со ст. 82 НК РФ и является деятельностью налоговых органов по контролю за соблюдением налогоплательщиками законодательства о налогах

⁴¹ Он же. «Мздоимство в судах стало одним из самых мощных коррупционных рынков» // <http://www.izvestia.ru> (2006. 17 янв.).

⁴² Пашин С.А., Морщакова Т.Г., Миронов В.И. Концепция судебной реформы в России (тезисы) // http://www.sutyajnik.ru/rus/cases/etc/koncepcia_sud_reformi.htm (2005. 20 нояб.).

⁴³ Костров Г. Почему суд не становится третьей властью? // Рос. юстиция. 2001. № 12. С. 46.

⁴⁴ Краснов М. Актуальна ли концепция судебной реформы? // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2002. № 2. С. 60.

⁴⁵ К.ю.н., доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО (У) МИД России

и сборах.

Если внимательно проанализировать положения НК РФ, регулирующие порядок проведения налоговых проверок, то можно сделать вывод, что различия между ними минимальны и практически не затрагивают объем полномочий налоговых органов.

При проведении любых налоговых проверок налоговые органы уполномочены проводить мероприятия налогового контроля, установленные ст.ст. 90-98 НК РФ.

Процессуальный порядок проведения данных мероприятий налогового контроля вне зависимости от вида налоговой проверки не отличается. Исключения составляют лишь следующие мероприятия:

1. выемка предметов и документов в соответствии со ст. 94 НК РФ возможна только при проведении выездной налоговой проверки;

2. осмотр при проведении камеральной налоговой проверки можно провести только в случае камеральной налоговой проверки налоговой декларации по НДС, в соответствии с п.п. 8-8.1 ст. 88 НК РФ; при проведении выездной налоговой проверки – подобных ограничений нет;

3. для проведения осмотра при проведении камеральной налоговой проверки необходимо мотивированное постановление должностного лица налогового органа, утвержденного руководителем (заместителем руководителя) налогового органа, проводящего камеральную налоговую проверку; для проведения осмотра при проведении выездной налоговой проверки составления дополнительных процессуальных документов не требуется;

4. назначение экспертизы при проведении камеральной налоговой проверки не до конца урегулировано в силу неоднозначности положений п. 5 ст. 95 НК РФ в системной взаимосвязи с п. 1 ст. 95 НК РФ.

Существуют еще и различия процессуального характера, связанные с порядком назначения проведения налоговых проверок, сроков их проведения и итоговых процессуальных документов.

Камеральная налоговая проверка, в соответствии со ст. 88 НК РФ, проводится по месту нахождения налогового органа на основе налоговых деклараций и документов, представленных налогоплательщиком, а также других документов о деятельности налогоплательщика, имеющихся у налогового органа, и без какого-либо специального решения руководителя налогового органа в течение трех месяцев со дня представления налогоплательщиком налоговой декларации.

По общему правилу камеральная налоговая проверка проводится по усмотрению налогового органа и можно обоснованно предположить, что камеральной налоговой проверке подвергается каждая налоговая декларация, представленная налогоплательщиком. Такой вывод можно сделать прежде всего потому, что в НК РФ не содержится положений, регулирующих порядок назначения камеральных налоговых проверок.

В ходе проведения камеральной налоговой проверки налоговый орган вправе истребовать счета-фактуры, первичные и иные документы, касающиеся деятельности проверяемого налогоплательщика и содержания представленной им налоговой декларации.

Ограничения полномочий налоговых органов в части истребования документов сформулированы следующим образом:

- налоговый орган не вправе истребовать у налогоплательщика дополнительные сведения и документы, если представление таких документов вместе с налоговой декларацией не предусмотрено НК РФ, что все же нивелируется правом налогового органа запросить необходимые документы (информацию), касающуюся налогоплательщика у его контрагентов и иных лиц;

- налоговый орган не вправе истребовать у налогоплательщика документы, ранее представленные в налоговые органы при проведении налоговых проверок данного лица, кроме случаев, когда документы ранее представлялись в налоговый орган в виде подлинников, возвращенных впоследствии налогоплательщику, а также, когда документы, представленные в налоговый орган, были утрачены вследствие непреодолимой силы.

Для достижения целей данной налоговой проверки налоговый орган уполномочен истребовать практически любые документы и (или) информацию как у налогоплательщика, так и у третьих лиц, проводить допросы свидетелей, осмотр территории, помещений, предметов и документов, назначать проведение экспертизы, привлекать специалистов и переводчиков, при условии, что все эти действия относятся к проверяемой налоговой декларации.

Если налоговый орган не выявляет нарушений законодательства о налогах и сборах, то НК РФ не предусматривает составления налоговым органом какого-либо ненормативного правового акта.

Если камеральной налоговой проверкой выявлены ошибки в налоговой декларации и (или) противоречия между сведениями, содержащимися в представленных документах, либо выявлены несоответствия сведений, представленных налогоплательщиком, сведениям, содержащимся в документах, имеющихся у налогового органа, и полученным им в ходе налогового контроля, об этом сообщается налогоплательщику с требованием представить в течение пяти дней необходимые пояснения или внести соответствующие исправления в установленный срок,

которые должны быть рассмотрены лицом, проводящим камеральную налоговую проверку. Если после рассмотрения представленных пояснений и документов либо при отсутствии пояснений налогоплательщика налоговый орган установит факт совершения налогового правонарушения или иного нарушения законодательства о налогах и сборах, должностные лица налогового органа обязаны составить акт проверки в порядке, предусмотренном ст. 100 НК РФ.

Выездная налоговая проверка, в соответствии со ст. 89 НК РФ, проводится на территории (в помещении) налогоплательщика на основании решения руководителя (заместителя руководителя) налогового органа по месту нахождения организации или по месту жительства физического лица с целью проверки правильности исчисления и своевременности уплаты налогов.

В случае, если у налогоплательщика отсутствует возможность предоставить помещение для проведения выездной налоговой проверки, выездная налоговая проверка может проводиться по месту нахождения налогового органа.

Самостоятельная выездная налоговая проверка филиала или представительства проводится на основании решения налогового органа по месту нахождения такого обособленного подразделения.

Налогоплательщик обязан обеспечить возможность должностных лиц налоговых органов, проводящих выездную налоговую проверку, ознакомиться с любыми документами, связанными с исчислением и уплатой налогов, у налогового органа также есть в праве истребовать счета-фактуры, первичные и иные документы, касающиеся деятельности проверяемого налогоплательщика.

Ознакомление должностных лиц налоговых органов с подлинниками документов допускается только на территории налогоплательщика, за исключением случаев проведения выездной налоговой проверки по месту нахождения налогового органа либо проведения выемки документов.

Выездная налоговая проверка в отношении одного налогоплательщика может проводиться по одному или нескольким налогам за период, не превышающий трех календарных лет, предшествующих году, в котором вынесено решение о проведении проверки.

Срок проведения выездной налоговой проверки – два месяца. Указанный срок может быть продлен до четырех месяцев, а в исключительных случаях – до шести месяцев.

Срок проведения выездной налоговой проверки исчисляется со дня вынесения решения о назначении проверки и до дня составления справки о проведенной проверке.

Выездная налоговая проверка может быть приостановлена решением руководителя (заместителя руководителя) налогового органа в случаях, установленных НК РФ, и общий срок приостановления проведения выездной налоговой проверки не может превышать шесть месяцев, кроме случаев получения информации от иностранных государственных органов в рамках международных договоров Российской Федерации. В таком случае, срок приостановления указанной проверки может быть увеличен на три месяца.

На период действия срока приостановления проведения выездной налоговой проверки приостанавливаются действия налогового органа по истребованию документов у налогоплательщика, которому в этом случае возвращаются все подлинники, истребованные при проведении проверки, за исключением документов, полученных в ходе проведения выемки, а также приостанавливаются действия налогового органа на территории (в помещении) налогоплательщика, связанные с указанной проверкой.

Возобновление проведения выездной налоговой проверки оформляется соответствующим решением руководителя (заместителя руководителя) налогового органа, проводящего указанную проверку.

В последний день проведения выездной налоговой проверки проверяющий обязан составить справку о проведенной проверке, в которой фиксируются предмет проверки и сроки ее проведения, и вручить ее налогоплательщику или его представителю.

После окончания выездной налоговой проверки вне зависимости от результатов налоговый орган должен составить акт налоговой проверки. Порядок составления данного акта регулируется ст. 100 НК РФ.

Из этого можно сделать вывод, что результаты как камеральной, так и выездной налоговой проверок должны быть равнозначны по юридической силе и не могут друг другу противоречить. Это должно иметь принципиальное значение при проведении выездных налоговых проверок в условиях того, что налоговые проверки налогоплательщика проводятся сотрудниками одного налогового органа и что при проведении выездной налоговой проверки возникает ситуация, что налоговые декларации по проверяемым налогам уже исследовались налоговым органом в ходе камеральных налоговых проверок с учетом их широких дискреционных полномочий. В противном случае результаты налоговых проверок, будут опровергать друг друга, что ставит под сомнение добросовестность и компетентность налоговых органов их проводящих.

Список литературы

1. Васильева Е.Г. Проблемы квалификации незаконного возмещения НДС из бюджета, налоговых вычетов как налогового преступления в результате получения необоснованной налоговой выгоды // Библиотека уголовного права и криминологии. № 4 (4). 2013. С. 18-24.
2. Кузнецов В.И. Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица // Сибирский юридический вестник. № 2 (65). 2014. С. 64-72.
3. Тютин Д.В. Налоговый контроль, ответственность и защита прав налогоплательщиков. М. 2014 // СПС «Гарант».

СЕКЦИЯ №11. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.15)

ОГРАНИЧЕНИЕ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ

Чердниченко К.С.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г.Абакан
Институт истории и права

При отсутствии дееспособности своими действиями невозможно приобретать права и исполнять обязанности.

Ограничение дееспособности имеет следующие особенности:

- ограничение дееспособности допускается тогда, когда реализуется право, а обязанность выполняется активными действиями лица, при этом на лицо не возлагается обязанность воздержаться от совершения определенных действий;

- ограничить дееспособность возможно в случае ее разделения с правоспособностью, которая продолжает существовать;

- при ограничении дееспособности права субъекта продолжают реализовываться, а обязанности реализуются действиями иных лиц или органов, наделенных правом принимать решения самостоятельно;

- дееспособность лица может быть ограничена только принудительно (вне зависимости от воли лица). Добровольный отказ от реализации права отказом от дееспособности не признается.

При ограничении дееспособности юридического лица оно продолжает реализацию прав и исполнение своих обязанностей через действия иных лиц либо органов, назначенных государством, вне зависимости от воли юридического лица. Благодаря этому права и обязанности у лица сохраняются, однако реализуются не самостоятельными действиями.

Ограничение дееспособности юридического лица - должника прослеживается при заключении мирового соглашения в процессе внешнего управления и конкурсного производства.

Принять решение о заключении мирового соглашения со стороны должника могут:

- руководитель должника – юридического лица в ходе наблюдения и финансового оздоровления (п. 1 ст. 151, п. 1 ст. 152), при этом не требуется согласование мирового соглашения с временным и административным управляющим (п. 3 ст. 151, п. 3 ст. 152);

- внешний или конкурсный управляющий в ходе внешнего управления и конкурсного производства (п. 1 ст. 153, п. 1 ст. 154).

В обоих случаях, если мировое соглашение является для должника сделкой, которая в соответствии с федеральными законами или учредительными документами должника подлежит согласованию с органами управления должника, заключение такого мирового соглашения возможно только после принятия соответствующего решения органами управления должника (п. 2 ст. 151, п. 2 ст. 152, п. 2 ст. 153, п. 2 ст. 154). В таком контексте ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» мировое соглашение представляется гражданско-правовой сделкой.

Решение о заключении мирового соглашения со стороны конкурсных кредиторов и уполномоченных органов принимается собранием кредиторов. Решение собрания кредиторов о заключении мирового соглашения

принимается большинством голосов от общего числа голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов в соответствии с реестром требований кредиторов и считается принятым при условии, если за него проголосовали все кредиторы по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника (п. 2 ст. 150 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Ограничение правоспособности юридического лица - должника прослеживается в условиях мирового соглашения, которые определены действующим законодательством.

Мировое соглашение должно содержать положения о порядке и сроках исполнения обязательств должника в денежной форме.

С согласия отдельного конкурсного кредитора или уполномоченного органа мировое соглашение может содержать положения о прекращении обязательств должника путем предоставления отступного, обмена требований на доли в уставном капитале должника, акции, конвертируемые в акции облигации или иные ценные бумаги, новации обязательства, прощения долга или иными способами, если такой способ прекращения обязательств не нарушает права иных кредиторов, требования которых включены в реестр требований кредиторов. При этом удовлетворение требований конкурсных кредиторов в неденежной форме не должно создавать преимущества для таких кредиторов по сравнению с кредиторами, требования которых исполняются в денежной форме.

Кроме того, мировое соглашение может содержать условия не только о переводе долга и возложении исполнения на третье лицо, но и о вступлении третьего лица в обязательство должника в качестве солидарного или субсидиарного должника.

В мировом соглашении также допускаются положения об изменении сроков и порядка уплаты обязательных платежей, включенных в реестр требований кредиторов. Условия мирового соглашения, касающиеся погашения задолженности по обязательным платежам, взимаемым в соответствии с законодательством о налогах и сборах, не должны противоречить требованиям законодательства о налогах и сборах (п. 1 ст. 156). Порядок и условия предоставления отсрочки или рассрочки по уплате налога и сбора определяются ст. 64 Налогового кодекса РФ.

Условия мирового соглашения для конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, голосовавших против заключения мирового соглашения или не принимавших участия в голосовании, не могут быть хуже, чем для конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, голосовавших за его заключение (п. 3 ст. 156).

Следует также отметить, что полномочия временного управляющего, административного управляющего, внешнего управляющего, конкурсного управляющего прекращаются с даты утверждения мирового соглашения арбитражным судом.

Лицо, исполнявшее обязанности внешнего управляющего, конкурсного управляющего должника - юридического лица, исполняет обязанности руководителя должника до даты назначения (избрания) руководителя должника (п. 4 ст. 159).

Список литературы

1. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: В 3 т. Т. 1 / Под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. (СПС «Консультант Плюс», разд. «Комментарии законодательства»).
2. Курбатов А.Я. Банковское право России. М., 2009.
3. Курбатов А.Я. Правосубъектность кредитных организаций: теоретические основы формирования, содержание и проблемы реализации. М., 2010.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2001 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», касающихся возможности обжалования определений, выносимых Арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций», а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 5.
5. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. 2002. 2 ноября.

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД

Январь 2015г.

Межвузовская ежегодная научно-практическая конференция с международным участием **«Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях»**, г.Санкт-Петербург
Прием статей для публикации: до 1 января 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2015г.

Февраль 2015г.

Межвузовская ежегодная научно-практическая конференция с международным участием **«Актуальные проблемы юриспруденции в России и за рубежом»**, г.Новосибирск
Прием статей для публикации: до 1 февраля 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2015г.

Март 2015г.

Межвузовская ежегодная научно-практическая конференция с международным участием **«Актуальные вопросы юриспруденции»**, г.Екатеринбург
Прием статей для публикации: до 1 марта 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2015г.

Апрель 2015г.

Международная межвузовская научно-практическая конференция **«Теория и практика современной юридической науки»**, г.Самара
Прием статей для публикации: до 1 апреля 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2015г.

Май 2015г.

Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения»**, г.Омск
Прием статей для публикации: до 1 мая 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2015г.

Июнь 2015г.

Международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях»**, г.Казань
Прием статей для публикации: до 1 июня 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2015г.

Июль 2015г.

Международная научно-практическая конференция **«О некоторых вопросах и проблемах современной юриспруденции»**, г.Челябинск
Прием статей для публикации: до 1 июля 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2015г.

Август 2015г.

Международная научно-практическая конференция **«Теоретические и практические аспекты развития юридической науки»**, г.Ростов-на-Дону
Прием статей для публикации: до 1 августа 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2015г.

Сентябрь 2015г.

Международная научно-практическая конференция **«Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития»**, г.Уфа
Прием статей для публикации: до 1 сентября 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2015г.

Октябрь 2015г.

Международная научно-практическая конференция **«Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции»**, г.Волгоград
Прием статей для публикации: до 1 октября 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2015г.

Ноябрь 2015г.

Международная научно-практическая конференция «**Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы**», г.**Красноярск**

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2015г.

Декабрь 2015г.

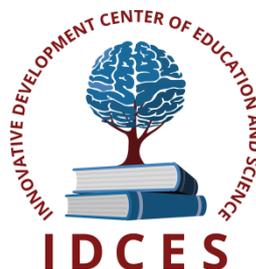
Международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции**», г.**Воронеж**

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2016г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Юриспруденция»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Проблемы современной юридической науки: актуальные
вопросы**

Выпуск II

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(10 ноября 2015г.)**

**г. Красноярск
2015 г.**

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 11.11.2015.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,6.
Тираж 250 экз. Заказ № 400.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58